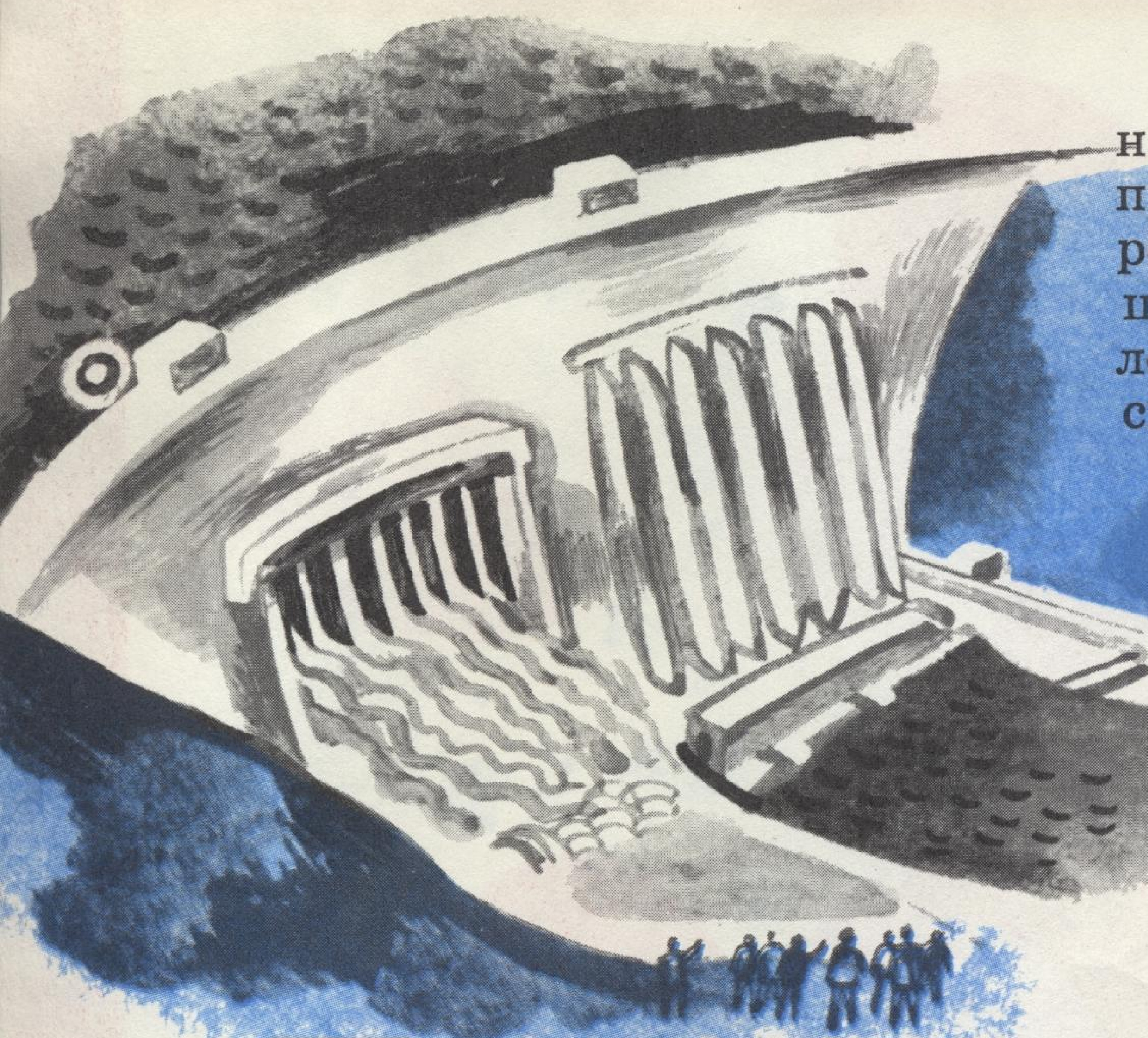
ПИОНЕР 1

ЯНВАРЬ ● 1977 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Прислушайся: на Спасской башне главные часы страны пробили полночь. Полночного удара Кремлевских курантов ждут все — и оленеводы Чукотки, первыми встречающие Новый год, и строители БАМа, и сталевары Урала, и хлеборобы целины, и шахтеры Донбасса — все советские люди, друг от друга принимающие новогоднюю эстафету. Так уж повелось: для всех нас самое главное время — московское.

Встречая Новый год, мы всегда мысленно листаем календарь минувшего года. Каким он был для страны, для народа, для твоей пионерской организации и для тебя лично.

Хорошим! Добрым! Щедрым! Он останется в памяти сердца как год, когда партия на XXV съезде наметила новые гражданские планы строительства коммунизма.

Мы будем помнить, как хлеборобы Казахстана порадовали Родину богатым урожаем. Как в космос отправились новые космические корабли. Как строители БАМа прокладывали новые километры стальных путей. Как отправились комсомольцы-добровольцы на освоение богатств Нечерноземья.

И ты, наш читатель, подрос на год. Нашел новых друзей, прочитал много новых интересных книг. Помогал старшим убирать урожай, охранять леса и реки. Одним словом, не сидел сложа руки, а рос хозяином страны, бережливым, заботливым, умелым. И за это тебе спасибо. От комсомола, от пионерской организации, от родителей и знакомых. И если тебе сказали спасибо за твою учебу, за твой бескорыстный труд, значит, ты шагал в ногу со всеми, значит, ты не отстал от времени, которое показывают главные часы страны на Спасской башне.

1977 год — год знаменательный. Вся страна будет отмечать

Рисунки А. БОРИСОВА.

60-летие Великого Октября. Шесть десятилетий для истории — срок небольшой. Ты сам об этом знаешь, читая учебники по истории. Но у нас с тобой, у нашей страны время особое — Советское, и счет ему мы ведем по-новому — по-советски. А это значит — быстрее. Мы торопим время! Чтобы вставали новые города. Чтобы росло два колоса там, где раньше рос один. Чтобы победить болезни. Чтобы новые атомные электростанции давали ток. И тебе, наш друг, надо торопиться, беречь время, чтобы каждый день приносил тебе и твоим друзьям по отряду радость новых открытий, новых знаний. Чтобы ты умел дружить, ценил товарищество и с гордостью носил красный галстук.

Прислушайся: на Спасской башне главные часы страны пробили полночь. Легкие снежинки посеребрили голубые ели у стен Кремля, на посту № 1, у Мавзолея Ленина, замерли часовые. Кругом тишина. Новый год сделал свой первый минутный шаг.

С НОВЫМ ГОДОМ, ДОРОГОЙ ДРУГ!

С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ.

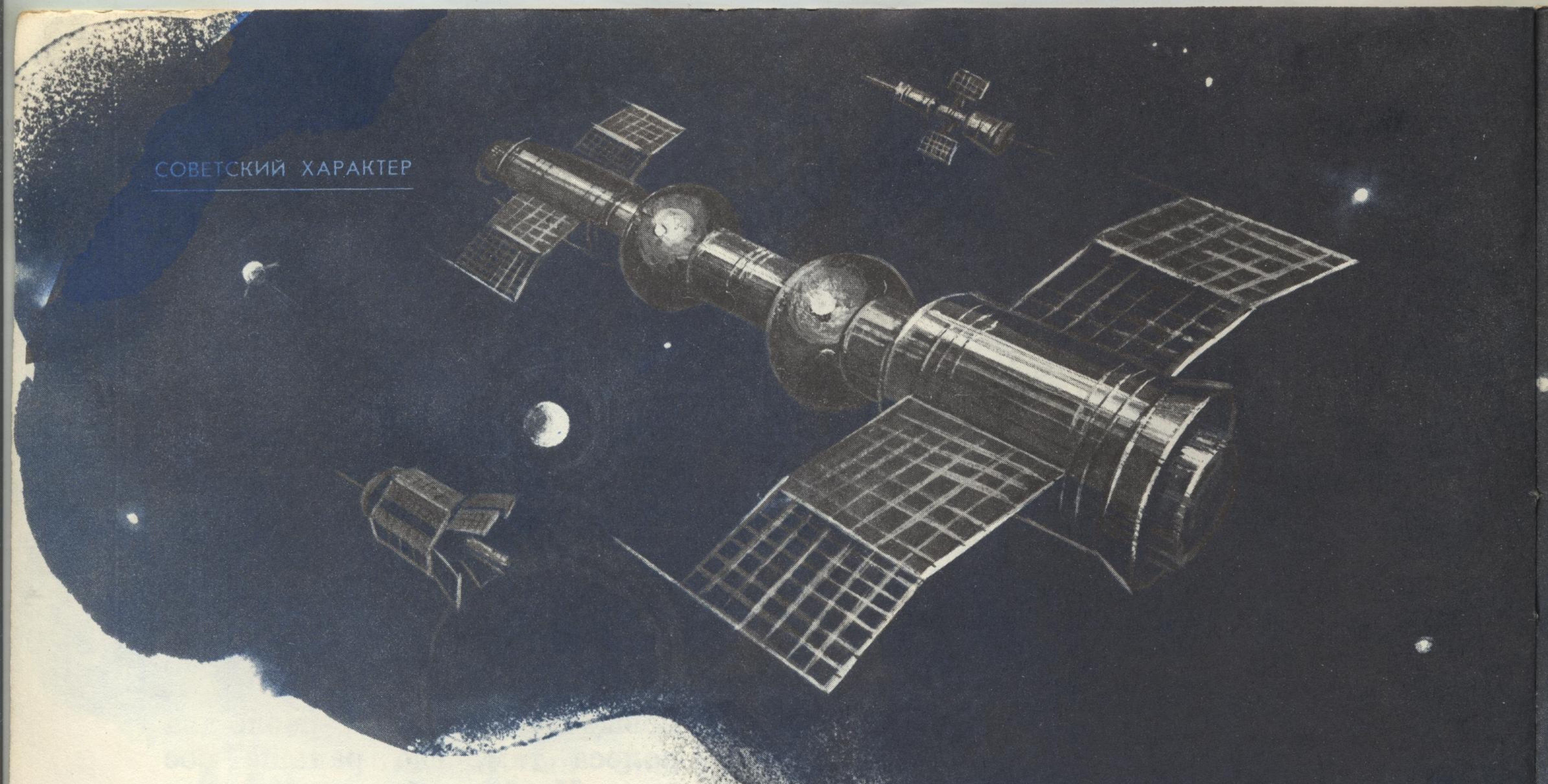
ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Выходит с 15 марта 1924 г.

ЯНВАРЬ 1

Москва 1977 г.
Издательство «Правда»



ОТКРЫВШИЙ КОСМИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

В. ГУБАРЕВ,
научный обозреватель «Правды»,
лауреат премии Ленинского комсомола

«Именно советский человек должен был первым подняться в космос и пройти в нем уверенным шагом никем еще не хоженные пути-дороги» — эти слова **Сергей Павлович Королев** сказал после полета в космос Юрия Гагарина. Тридцать лет он мечтал об этом дне.

Как и у многих конструкторов ракетно-космической техники, путь в космос для Королева начинался с авиации. В юности он разработал несколько конструкций самолетов и планеров, сам испытывал их в небе.

— Я мечтал летать на самолетах собственной конструкции,— признался однажды Сергей Павлович,— а после встречи с Константином Эдуардовичем Циолковским решил строить только ракеты и летать на них. Это стало смыслом всей моей жизни.

К началу 50-х годов появились мощные ракетные двигатели, новые материалы, конструкции. Во главе одного из самых крупных конструкторских бюро стоял Сергей Павлович Королев. Один из его сотрудников, ставший позже ведущим конструктором первого спутника Земли и корабля «Восток», рассказал мне о разговоре тех далеких дней:

— Вечером, когда группа молодых специалистов пришла к Королеву, он спросил: «Ну что, договорились, будем трудиться вместе?» Я пробормотал что-то вроде того, что для меня все это ново. «А вы думаете, то, что мы делаем, для всех нас не ново? — спросил Сергей Павлович.— На космос замахиваемся, спутники Земли делать будем — не ново? К другим планетам отправимся — старо, что ли? Или вы думаете, мне все это знакомо и у меня есть опыт полета к звездам?» Мне показалось, что Королев говорил грубовато, даже обиженно. Видно, ему часто приходилось вы-

Рисунки Ю. БОНДАРЕНКО

сказывать подобные мысли. И он вынужден был вновь повторять столь для него очевидное. Я молчал. «Эх, молодость, молодость! — сказал он.— Впрочем, это не главный ваш недостаток! Так что же, беретесь?» Я кивнул головой. «Ну вот и добро. Желаю вам всего хорошего, и до свидания. Меня еще дела ждут». Мы вышли из кабинета около одиннадцати часов вечера.

Все, кто знал Королева, поражались его гигантской работоспособности. И дело было не только в том, что он мог в сутки — такое бывало часто, особенно на испытаниях новых ракет — спать по три-четыре часа. Королев мог держать в уме сотни фамилий, деталей, технических решений — от главных до второстепенных. Но без острой необходимости в работу товарищей не вмешивался. Королев был ГЛАВНЫМ КОНСТРУКТОРОМ и решал кардинальные проблемы, самые важные и принципиальные.

Во время разработки корабля «Восток» в проектном отделе никак не могли определить оптимальный вариант. Один вариант казался лучше другого. А время не ждало...

Однажды в кабинет начальника проектного отдела зашел Сергей Павлович. Не торопясь снял пальто, повесил шляпу.

— Ну-ка, друзья мои,— сказал он,— покажите, над чем вы здесь «расползлись»? И когда это кончится? Понимаете ли вы, что мы больше ждать не можем, когда вы утрясете свои противоречия? Или вы думаете, что вам позволительно будет еще месяц играть в варианты?

Три часа они работали вместе. И нужное решение было найдено! Королев всегда чувствовал, на каком участке стопорится дело. И только тогда вмешивался. Он умел принимать решения и не отступать от них. Эту твердость в характере Главного конструктора знали все. Особенно она была нужна при подготовке первого полета человека в космос.

Как-то Сергей Павлович уже поздним вечером приехал в свое КБ. В его кабинете собрались конструкторы, его заместители, секретарь партийного комитета. Королев был в черном костюме, белоснежной сорочке, на лацкане пиджака — Золотая Звезда Героя.

И сам этот дом, ставший теперь музеем, и каждый предмет обстановки хранят память о жизни и огромном труде человека, отдавшего все силы осуществлению вековой мечты человечества: полета к звездам.

За этим столом рождались его замыслы, чертежи и расчеты будущих «Востоков» и «Союзов»; тут Главный конструктор встречался с коллегами-ракетостроителями, с первыми звездными сыновьями Земли — космонавтами. Сергей Павлович говорил товарищам: «Давайте помечтаем, я люблю мечтать!»

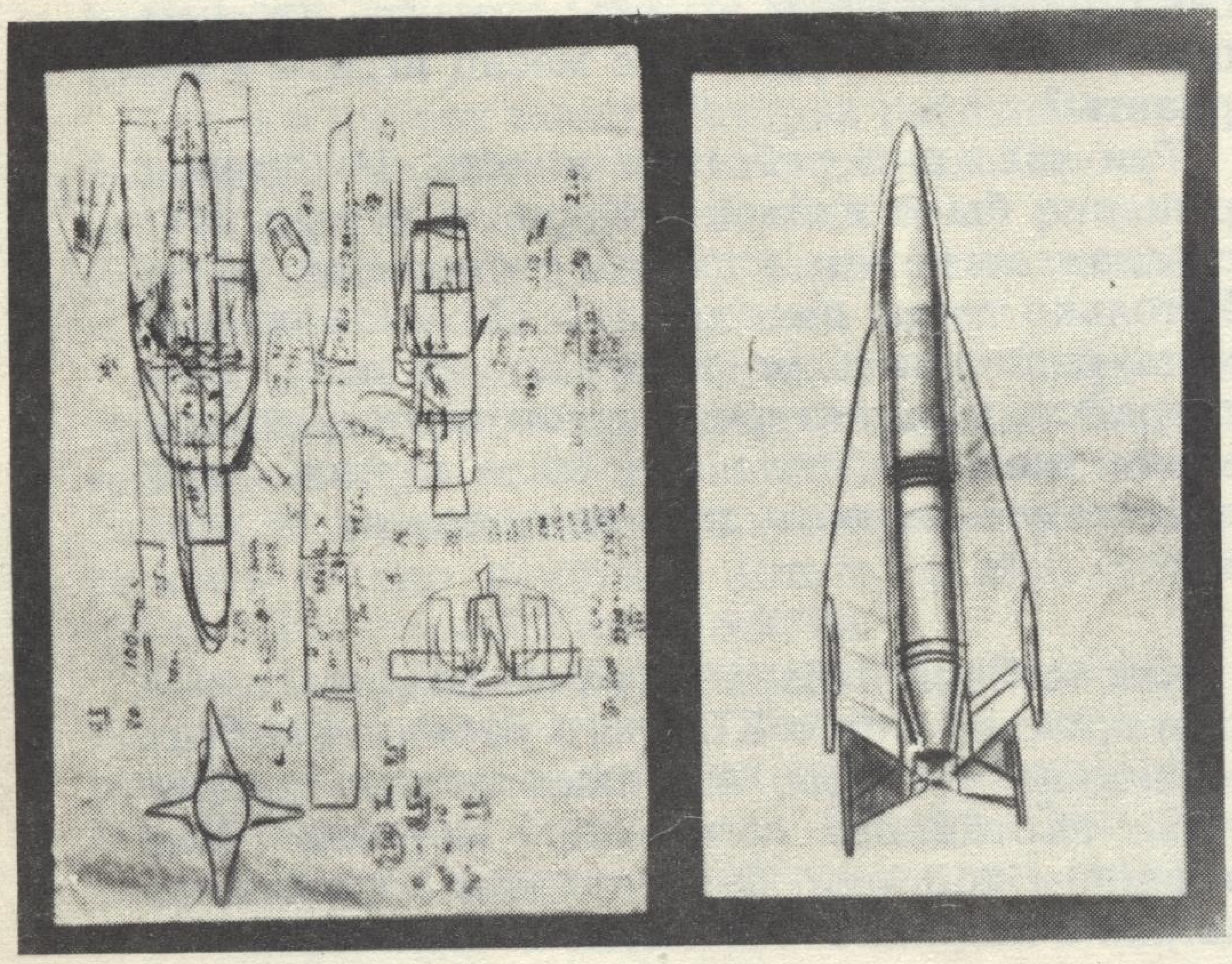
— Я только что вернулся из Центрального Комитета партии,— сказал Сергей Павлович.— Там очень интересуются ходом создания космического аппарата для первого полета человека в космос. Все мы должны ясно себе представлять, какое доверие нам оказывается. Я прошу всех заместителей, всех руководителей отделов и заводов, а также общественные организации самым тщательным образом продумать, как нам лучше организовать работу.

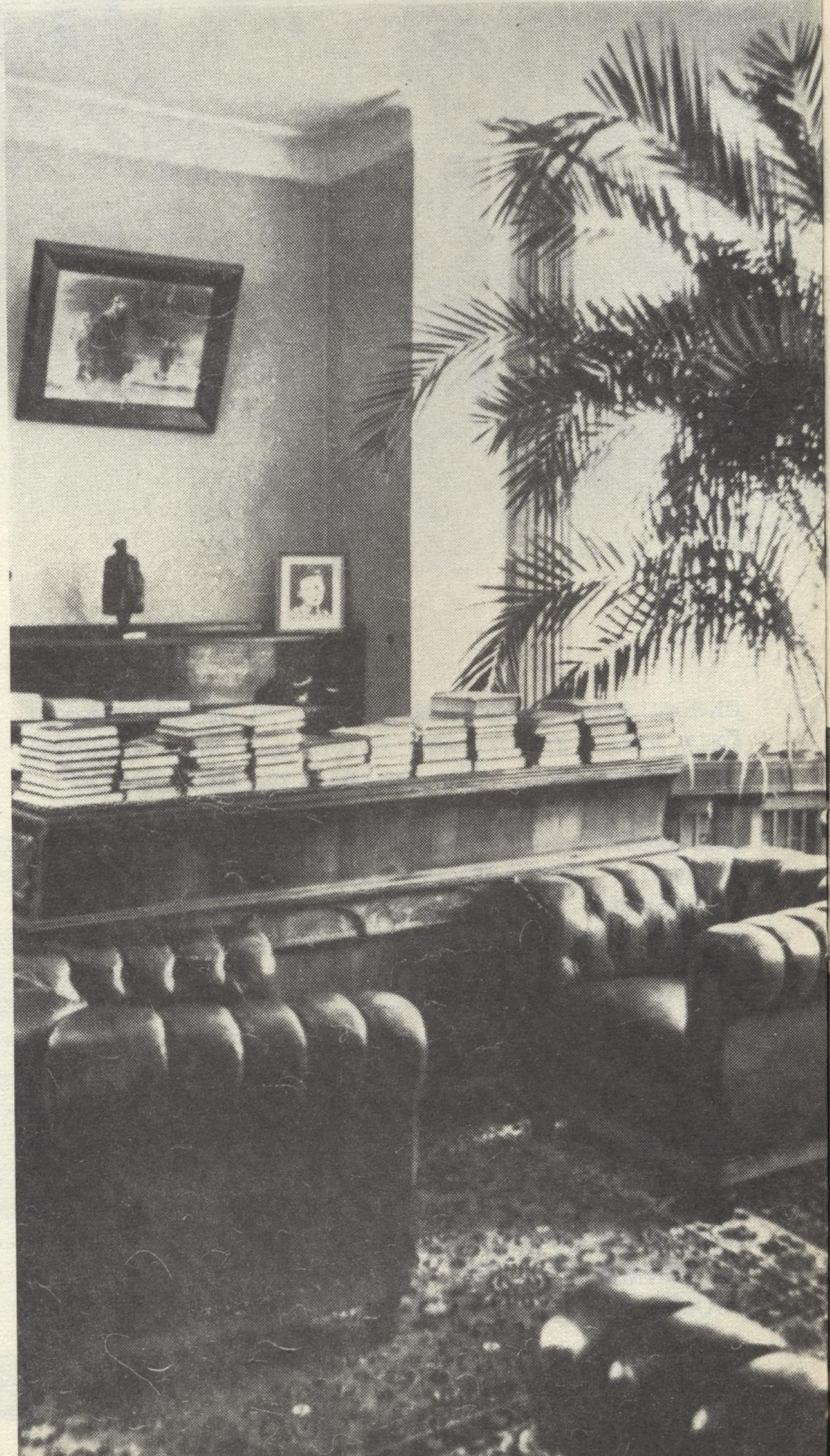
12 апреля 1976 года исполнилось 15 лет со дня полета Юрия Алексеевича Гагарина. В канун этой даты я встретился с ведущим конструктором корабля «Восток». Мы разговаривали о тех месяцах, которые предшествовали первому старту человека в космос.

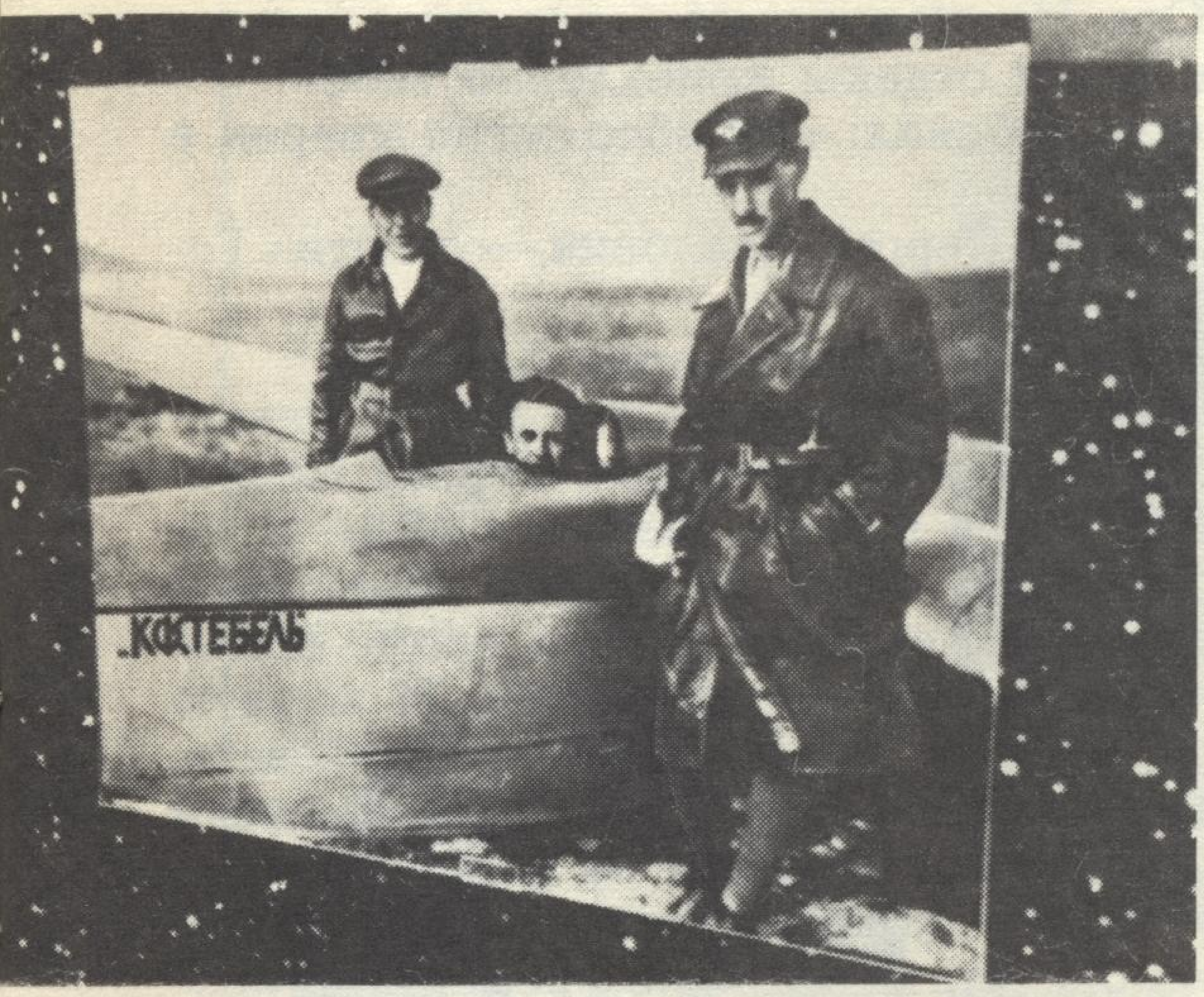
Я спросил:

— Когда ты поверил, что человек все-таки полетит? Я понимаю: корабль разрабатывался, существовали контрольные сроки, ясно — человек обязательно займет место в одном из кораблей, стоящих в сборочном цехе. Но когда ты впервые почувствовал, что задуманное скоро свершится?

— А ты знаешь, пожалуй, вот когда,— ответил конструктор.— Однажды получили мы от товарищей по работе темно-зеленый ящик. Все обступили его. Щелкнули замки крышки. Мы заглянули внутрь. В ящике, выложенном изнутри мягким поролоном, все увидели кресло космонавта. Не макетное. Настоящее.







Есть в Крыму под Коктебелем Планерная горка. Оттуда на таком вот планере собственной конструкции начал свой путь в космос Сергей Павлович Королев.

«Не первым, а лучшим»,— так сказал он своим товарищам. Королев умел принимать решения и не отступать от них.

— А когда же вы встретили его владельца?

— В тот же день! Не успел я толком рассмотреть кресло, как вдруг вызывают к телефону. Слышу голос Королева: «Я через несколько минут приеду. И, учтите, не один приеду, а с «хозяевами». Да, да, с «хозяевами»,— повторил он.— Вы поняли меня? И приготовьтесь к тому, чтобы товарищам «хозяевам» все толково рассказать и объяснить. И чтобы не было лишнего шума».

— А раньше о них, «хозяевах», вы ничего не знали?

— Нам было известно: отобрана первая группа космонавтов, и началась их подготовка.

— Космонавтов в цех привел Королев?

— Да, сам Сергей Павлович. Он представил нас. А гости сами назвались: Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Быковский...

— Ты называешь их в том порядке, как они потом полетели...

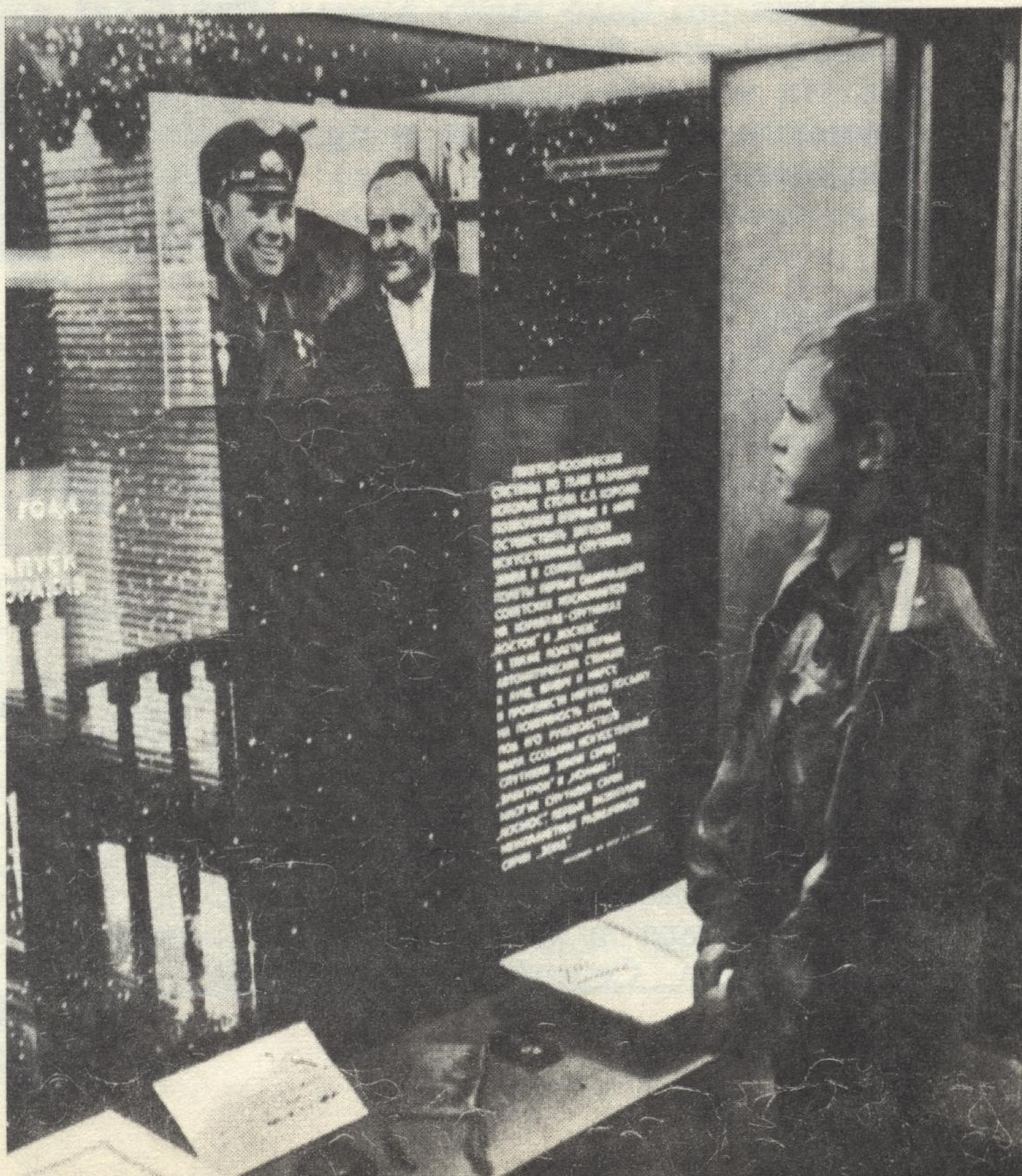
— Клянусь, не запомнил, чью руку пожал первой. А память выстроила их по стартам.

— Цех, корабль поразили будущих космонавтов?

— Некоторая, я бы сказал, восторженность была заметна. Впрочем, сначала они были у Сергея Павловича, и он им рассказал о завтрашнем дне космонавтики. Он так и говорил: «Давайте помечтаем, я люблю мечтать. Без этого, знаете ли, не представляю своей работы!» Это потом мне Юрий Гагарин рассказывал... Сергей Павлович обычно увлекался,

Родина, партия высоко оценили труд и подвиг пионеров космических трасс. Об этом говорят награды, об этом свидетельствует память народная.

Сегодня сюда приходят юные. Валера Галкин занимается в кружке ракетостроения московского Дворца пионеров. Пока его модели поднялись не очень высоко. Но мечтает он о звездах. И очень важно ему проследить каждый шаг на пути человечества в космос.



когда говорил о будущем. Могло показаться, что он фантазирует, но это был не вымысел фантаста, а реальная мечта конструктора.

— Юрий Гагарин в своей книге писал об этом дне,— напомнил я.— «У нас произошло долгожданное знакомство с учеными и конструкторами — создателями ракетной техники и космических кораблей. Среди них был и Главный конструктор, с творческой жизнью и устремлениями которого отныне тесным образом переплелись и моя судьба и жизнь моих товарищей по космосу. Он сказал нам то, чего мы еще не знали: программа первого полета человека рассчитана на один виток вокруг Земли».

— Сергей Павлович очень бережно, даже нежно относился к космонавтам. По-отцовски... И это чувство переносилось на корабль. Зайдет, бывало, поздно вечером в цех, отпустит сопровождающих его инженеров, конструкторов, возьмет табурет, сядет поодаль и молча смотрит на корабль. А потом резко встанет — лицо другое, решительное, подвижное — и ряд четких, категорических указаний.

— Бытует мнение, что все равно, был бы Королев или кто другой на его месте, запуск человека в космос состоялся бы.

— Я не согласен,— возразил ведущий конструктор.— Мне кажется, что благодаря его настойчивости и упорству это произошло в апреле 1961 года. Если бы был другой человек, полет произошел бы, но позже. Королев не боялся взять на себя личную ответственность перед партией, правительством, народом за подготовку и осуществление первого полета в такие сроки. Это мог сделать только выдающийся конструктор, организатор, человек...

Когда мы говорим о советском характере, то как раз надо иметь в виду, что одна из черт, может быть, даже основная — умение взять на себя ответственность за будущее, умение его предвидеть и приближать своим трудом...

...В ночь перед стартом Юрий Гагарин и его дублер Герман Титов безмятежно спали. А Королев так и не сомкнул глаз. Был то в монтажно-испытательном корпусе, то на стартовой площадке. Приезжал и к домику, где отдыхали космонавты. Его встретил врач.

— Спят? — спросил Королев.

— Да,— коротко ответил тот.

— Молодцы,— сказал Королев,— а вот я не могу...

Накануне они поднялись с Юрием Гагариным к кораблю. Отсюда, с высоты, степь казалась бесконечной. Долго молчали.

— Наверное, с высоты Земля наша очень красива,— наконец произнес Королев.

Гагарин молча кивнул.

— И старт и полет не будут легкими,— продолжал Сергей Павлович.— Все может быть, Юра. Но помни одно — все силы нашего разума будут отданы немедленно тебе!

А потом добавил: — Я абсолютно уверен в успехе!

— Я тоже, Сергей Павлович,— ответил Гагарин.

— Спасибо,— поблагодарил Королев.

Тридцать лет он ждал этого дня. И наверное, в ту ночь перед стартом Сергей Павлович вспомнил и первые шаги в ГИРДе и нелегкие военные годы. И первый полигон в голой степи, где не было ничего, кроме вагончиков и длинной узкоколейки... И первую большую ракету. Ее запускали на рассвете. Она ушла красиво, и это был очень удачный запуск. Потом начали шаг за шагом отрабатывать новые конструкции — сейчас даже трудно подсчитать, сколько времени он провел на полигоне. Наверняка, намного больше, чем дома в Москве.

А ракеты забирались все выше. Вскоре на их борту появились первые пассажиры — собаки. Впервые ученые начали изучать влияние вибрации, невесомости, перегрузок на живые организмы. Медленно шла наука к космосу...

И вот создана мощная ракета. Пробные запуски в акваторию Тихого океана показали, что она надежна. Можно было думать и о запуске первого спутника. Да, горячие денечки были в то время в КБ. Одновременно создавался спутник, «простейший», как его называли тогда, и спутник — «жилой дом» для Лайки.

Какое трудное и какое прекрасное время! Целая семья космических аппаратов рождалась в цехах предприятия. И каждый запуск — вокруг Земли или к Луне — сопровождался словом «впервые».

И вот наступил главный, решающий этап — полет человека в космос.

Во время связи с первым космическим кораблем Королев разговаривал с Гагариным.

Гагарин: По-е-хали! Все проходит нормально...

Королев: Все мы желаем вам доброго полета. Все нормально.

Гагарин: ...Сброс головного обтекателя... Вижу Землю. Несколько растут перегрузки, самочувствие отличное, настроение бодрое.

Королев: Молодец, отлично!..

«...ТО, ЧЕГО МЫ ДОБИЛИСЬ В ОСВОЕНИИ КОСМОСА,— ЭТО ЗАСЛУГА НЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ, ЭТО ЗАСЛУГА ВСЕГО НАРОДА, ЗАСЛУГА НАШЕЙ ПАРТИИ, ПАРТИИ ЛЕНИНА»,— писал Сергей Павлович Королев.

И в веках благодарная память человечества будет сохранять имена тех, кто открыл миру путь в космос. И первым среди первых — Сергея Павловича Королева, академика, дважды Героя Социалистического Труда.

В январе 1977 года ему исполнилось бы 70 лет...

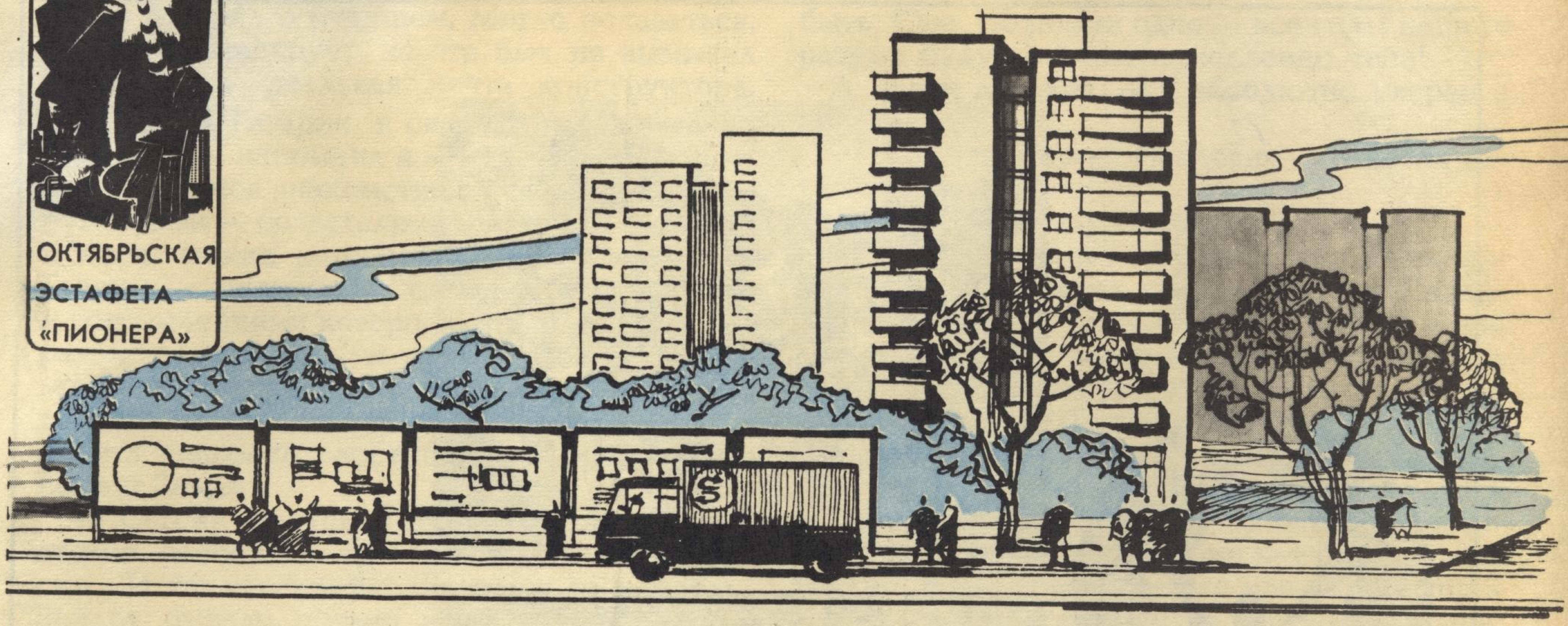
МАЛАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Звено пионерское

Ты наверняка не раз слышал или сам пел задорную песню о веселом звене, в котором все друзья шагают в ногу и никто не отстает. В таком дружном звене все заботятся друг о друге, помогают друг другу и не оставляют товарища в беде. В таком звене интересно жить и работать, выполнять пионерские поручения, проводить свое свободное время.

ПИОНЕРСКОЕ ЗВЕНО — самый маленький пионерский коллектив, где каждый хорошо знает своих товарищей, чем они интересуются и чем увлекаются. Обычно звено объединяет 5—8 пионеров. Как создается звено? Еще нередко бывает так, что в отряде звенья создаются по рядам парт. Иногда по росту или по списку в классном журнале. Это неправильно. От такого звена не жди хорошей работы. Звено надо создавать так, чтобы ребят объединяли общие интересы, дружба и товарищество, чтобы в звене каждый был за всех и все — за одного. Когда звено создано, ребята выбирают себе вожака — ЗВЕНЬЕВОГО — хорошего организатора всех пионерских дел. Вместе со звеньевым ребята намечают, как и чем будут заниматься на Марше «ИДЕМ ДОРОГОЙ ЛЕНИНА, ДОРОГОЙ ОКТЯБРЯ», какими умениями и навыками овладеют в этом году — горнить, барабанить, выпускать стенную газету, проводить «трудовые десанты», тимуровскую разведку. Каждое звено может многое сделать для всего отряда: открыть интересную выставку о революционных достопримечательностях города или села, провести встречу с ветеранами партии и комсомола, организовать выставку марок, посвященных Октябрю. А разве не интересно провести экскурсию на завод, в краеведческий музей, вместе со всеми разучить новую пионерскую песню? Как из маленьких ручейков образуются большие реки, так из небольших дел звена складывается работа всей пионерской дружины. Недаром говорится: «Делами звена дружина сильна».

ОКТЯБРЬСКАЯ ЭСТАФЕТА «ПИОНЕРА»



Правофланговые

Тула — город старинный... Тульские самовары, тульские пряники вошли в поговорку. Из тульских ружей стреляли на баррикадах 1905 года революционные рабочие. С тульскими винтовками шли на штурм Зимнего, а потом отстаивали Советскую власть на фронтах гражданской войны. И не пустили фашистов в Тулу в сорок первом.

Знаменитая «тулочка» — винтовка работы тульских мастеров — участвовала в многоголосом хоре победного салюта у поверженного рейхстага.

В этом городе, который дорог нам всем своей историей, на улице Каминского, в очень красивом современном здании находится школа № 4.

На Всесоюзном пионерском Марше дружина этой школы стала правофланговой. По той чистоте, порядку и уюту, которые царят в классах и в коридорах, по тому, как ребята берегут свой дом, видно, что они заботливые хозяева.

Я приехала к пионерам этой дружины, потому что они первыми включились в **Октябрьскую эстафету «Пионера»**. Вот прочти сочинения ребят из шестых и седьмых классов о нашем советском образе жизни, о нашем советском характере.

Делегат

У моей тети, ее зовут Нина Константиновна, настоящий советский характер.

Во время войны, когда ей было столько лет, сколько мне сейчас, она помогала партизанам. После войны восстанавливала завод, на котором сейчас работает. Тетя Нина очень любит свое дело. Ее все уважают как отличного мастера и хорошего товарища. Моя тетя была делегатом XXV съезда партии, ее фотография висит на Доске почета.

Марина Каинова.

Государство о нас заботится

Мы живем в красивых, благоустроенных квартирах. Нам построили новую школу. Государство затратило огромные средства, чтобы построить эту школу, а учимся мы в ней бесплатно. И стараемся не остаться в долгу перед страной.

Мы решили: пусть наша школа будет нарядной и красивой. Проведем операцию «Сад в школе». На пришкольном участке посадим яблони. Украсим окна цветами. Постараемся, чтобы наши классы, парты, вся мебель долго служили нам без ремонта.

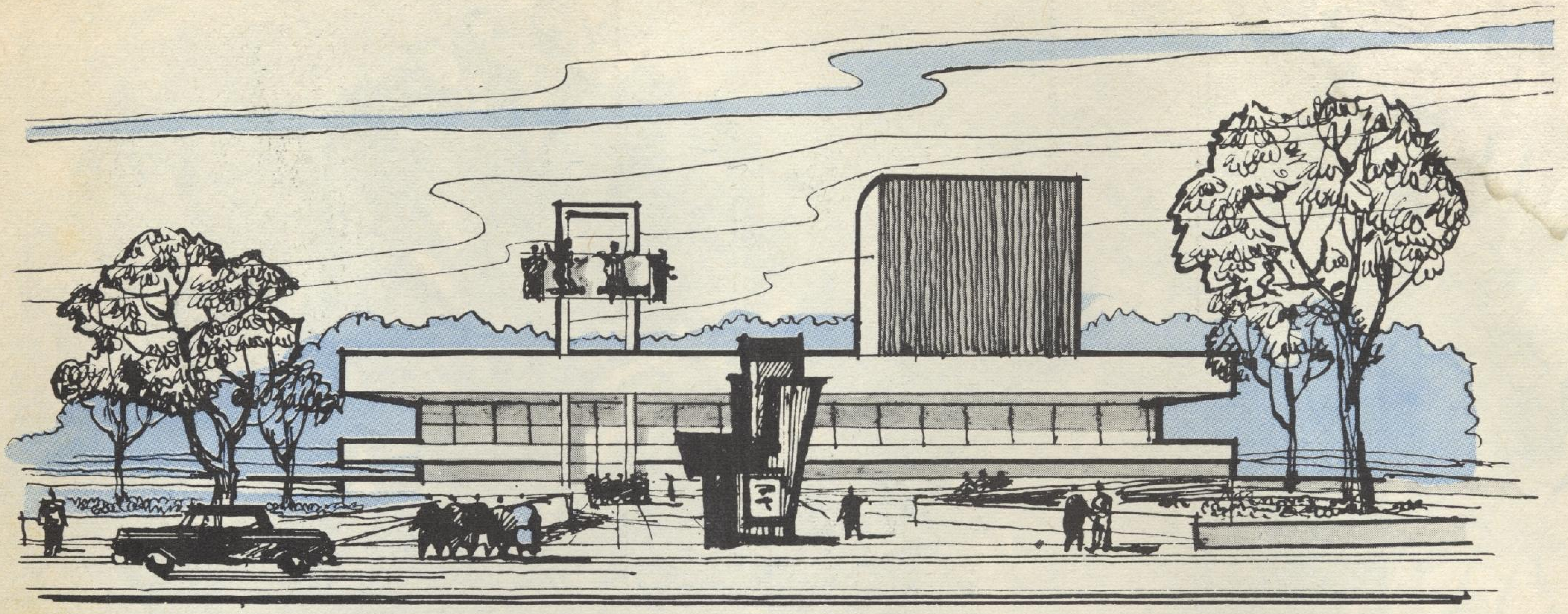
Света Борзых.

Учитель

Хороший человек наш учитель по труду Василий Степанович Московкин. Он участник Великой Отечественной войны, был летчиком. Дрался смело и отважно, это видно по его наградам, которые он надевает в День Победы.

В нашей школе Василий Степанович руководит партийной организацией. Добрый, веселый, трудолюбивый человек. Он передает нам знания, которые накопил за свою жизнь, и всегда приходит на помощь, если что-то не ладится.

Саша Четвериков.



7 декабря 1976 года Туле присвоено почетное звание — «Город-герой».

И. ИВАНОВА

Рисунок П. ПАНЧЕНКО

Единая цель

В Советском Союзе все люди равноправны: русские, украинцы, узбеки, таджики. У каждого народа своя национальная одежда, свой язык. Но мы равны, потому что связывает нас единая цель — строительство коммунизма. И еще потому, что стараемся помочь друг другу, поддержать друг друга, а не ставить подножку, как часто бывает в отношениях между людьми в странах капитала.

Игорь Полянский.

Идет социалистическое соревнование

Наш отряд соревнуется с комсомольско-молодежной бригадой Тульской телеграфно-телефонной станции. Девушки-телефонистки борются за право носить звание бригады коммунистического труда, приняли высокие обязательства. А мы стараемся хорошо учиться, активно участвовать в делах Марша. Пока впереди идет бригада ТТС, но мы стараемся их догнать.

Лена Русакова.

Мой дедушка помогает молодым

Мой дедушка — ветеран войны и труда. У него много ранений, некоторые очень тяжелые. Пятнадцать наград...

Сейчас дедушка старенький, уже на пенсии, но встает рано и — на поле, посмотреть, как трудится нынешняя молодежь. Посмотрит он на них, да и пойдет помогать...

Таня Корнеева.

Мы—тимуровцы

Мы с моей подружкой — тимуровцы. А Варвара Ильинична — старенькая учительница, которой мы помогаем. Ей трудно ходить, как многие пожилые люди, она плохо видит — около газет на столе у нее всегда лежит лупа. Конечно, она не говорит, как ей трудно. Но мы сами видим. Приходим к ней каждый вечер, прибираем, читаем вслух, покупаем продукты.

Когда приходит праздник, весь стол у Варвары Ильиничны завален открытками. Это ее ученики. Где бы они ни находились, а живут они в разных концах нашей страны, они помнят и любят свою старенькую учительницу.

Оля Виноградова.

Мастер— золотые руки

Мой папа — рабочий. Каждый день он спешит на свой родной завод. Он там работает фрезеровщиком. Папа — мастер — золотые руки. Он, как и многие рабочие из его цеха, выполнил девятую пятилетку досрочно. И почти весь цех обязуется десятую пятилетку завершить за четыре с половиной года.

Марина Капитанова.

Все—за мир!

Наш народ с первых дней Октября стремился к дружбе с другими народами. Наше государство, наша партия, Леонид Ильич Брежнев очень много делают для того, чтобы не было войны, чтобы все люди были счастливыми и радостными до конца своей жизни.

Саша Гусев.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ В «ПИОНЕРЕ»

Барабанщики

Н. СОЛОМКО

По улице бежали барабанщики.

Было лето, было утро, такое раннее, что даже дворники еще спали. А барабанщики уже встали. Их было трое, и они спешили.

Возле белого четырнадцатиэтажного дома, растянувшегося на целый квартал, они остановились и закричали, задрав головы:

— Пашка! Паш-ка-а!

— Кукареку! — ответил им неизвестно откуда взявшийся петух.

А Паша не услышал и не отозвался.

Дом был такой огромный, а барабанщики такие маленькие, что проще всего им было повернуться и уйти на цыпочках, чтоб не разбудить эту громадину. Даже петух это понимал и кукарекать больше не смел.

Из-за дальних крыш медленно поднималось солнце. Вышел на работу первый дворник. На барабанщиков, о чем-то совещавших-

Рисунки С. ТРОФИМОВА

ся у подножия четырнадцатиэтажного сонного царства, он посмотрел с подозрением.

...А потом было вот что: тревожная барабанная дробь рванулась вверх! Она стучала в окна, врывалась в сны и звала Пашу.

И Паша появился. Высоко-высоко, в форточке на седьмом этаже.

Был Паша маленький и несчастный.

— Ты чего?! — сердито закричали барабанщики.

— Не пускают,— горестно сообщил он.— Потому что у меня сегодня день рождения...

— Не шумите! — сказал дворник, шаркая метлой.

Барабанщики не послушались.

— Родители спят? — спросил Галагуцкий.

Он был самый старший. Он был самый веселый. Он был самый смелый. Во всяком случае, так считали барабанщики, выбирая Вовку своим командиром.

— Спят,— ответил Паша.— А дверь заперли... И ключ спрятали...

Минутку Галагуцкий размышлял, тихонько выбивая пальцами марш-атаку на своем барабане. Потом он скомандовал:

— Возьми барабан и рюкзак. Жди у двери.

...Барабанщики бежали по улице. Их было четверо, и они спешили. Они мчались, придерживая барабаны, а за ними мчалась Пашкина мама.

— Стойте! — кричала мама.— Подождите!

Разбуженные жители высовывались из окон, интересовались, что случилось.

— Хоть торт возьмите! — умоляла мама. Но она бежала в шлепанцах и потому догнать своего любимого сына и барабанщиков не смогла.

Вокзал был похож на цыганский табор. Дачники и туристы толпами бродили по привокзальной площади, жевали пирожки, мороженое и мечтали попасть на природу.

Мальчишки сидели на рюкзаках и скучали, потому что опоздали на электричку. Из-за Паши. Следующая шла через час.

— Сходишь с такими в поход! — недовольно сказал капитан Микеша.

— Перестань! — посоветовал ему Галагуцкий.

А Командор пионерской парусной флотилии «Фрегат» Юрий Павлович, которого мальчишки звали просто Юрой, выразительно посмотрел на того и на другого.

— Еще заступаются за этого Пашеньку! — обиженно пробубнил очкастый Леша.— Барабанщик тоже!

— Леша, умолкни! — сказал Галагуцкий почти ласково.

Леша умолк. Когда Вовка Галагуцкий заступался за своих барабанщиков, с ним не стоило связываться.

А Микеша не унимался:

— Весь отряд подвел! — злился он.

Паша прижимал к животу ярко-красный барабан и собирался зареветь. Микеша этого не замечал и продолжал измываться:

— Не пустили его! Тоже мне — барабанщик флотилии! Характер надо иметь, тихоня!

Пашка заревел, потом шмыгнул носом и снял барабан, подумал немножко и треснул им Микешу по голове. Все засмеялись. Даже Командор Юра. Было ужасно обидно и несправедливо, что какой-то малек взял и стукнул капитана отряда. Барабаном! И ответить этому Пашке было нельзя, потому что от роду ему семь лет, а Микеше — двенадцать...

В электричке сконфуженный капитан ушел в конец вагона и всю дорогу просидел там один, размышляя, какой он несчастный.

А барабанщик Паша пристроился рядом с Галагуцким. Он смотрел, как проносятся и исчезают телеграфные столбы за окном, болтал ногами, и было ему хорошо.

Паша потерял барабанную палочку.

Только что на станции было две, а теперь одна. Сказать об этом он побоялся. И так из-за него час просидели на станции. Паша решил незаметно отстать и поискать. Целую минуту он усердно хромал. Его обгоняли, спрашивая, что случилось. Он мотал головой и продолжал отставать. Оказавшись в конце цепочки, он присел на корточки, быстро расшнуровал ботинок и стал медленно его зашнуровывать.

А отряд ушел.

Сердце у барабанщика стучало где-то в животе, потому что кругом был чужой лес, а отряд уходил, уходил, уходил вперед, а Паша, поскуливая от тревоги, бежал назад.

Палочка нашлась почти сразу. Она лежала на дороге, рядом с сосновым корнем, а на ней сидела задумчивая рыжая стрекоза.

— Ой! — сказал Паша, сразу успокоившись.— Ты меня не бойся! Я тебя не трону!

Но стрекоза не поверила и улетела. Паша поднял палочку и уже собрался бежать обратно, но тут из леса вышел страшный козел, а за ним — двое взрослых мальчишек...

Паша козла испугался, а мальчишек не очень.

И зря. Потому что козел в отличие от мальчишек вел себя вполне миролюбиво. Так что Галагуцкий появился очень даже вовремя. Он появился в тот момент, когда потрясенный Паша тянул свой барабан в одну сторону, а мальчишки — в другую.

— Может, отстанете? — доброжелательно поинтересовался Галагуцкий.

Мальчишки отцепились от барабана и уставились на Вовку. Он был старше, но вдвоем мальчишки наверняка бы справились с ним. Однако Галагуцкий будто бы и не подозревал об этом. Он стоял на дороге веселый, уверенный, и мальчишки засомневались.

— А чо мы сделали? — сказал один.

— Ну, чо уставился, мы тебя трогали? — сказал другой.

Но в этот момент из леса вышли еще трое.

— Беги за нашими!— крикнул Галагуцкий Паше.

Паша хотел побежать, но посреди дороги стоял козел. Барабанщик заглянул в его прозрачные злые глаза и остался на месте.

А пятеро мальчишек увлеченно наступали на Галагуцкого.

Галагуцкий лежал, уткнувшись носом в траву. Галагуцкий молчал.

Мальчишки убежали в лес. Козел неодобрительно посмотрел на Пашу и побрел за ними.

— Вов...— позвал Паша.— Ну, Вов!

Галагуцкий не ответил.

Потом он долго умывался в луже.

Потом они догнали отряд.

Никто ничего не заметил.

Было замечательно топать по мягкой лесной дороге, а топать без дороги было еще замечательней. Лес был завешан прозрачными паутинками. Над полянами тяжело гудели шмели.

Командор Юра шел и размышлял, откуда у Галагуцкого синяк. В начале цепочки шагали барабанщики. Они о чем-то спорили и смеялись. Только юный Паша Журавлев был в печали. Он шел молча и все время оглядывался на Галагуцкого.

— Споткнешься! — сказал ему очкастый Леша.— Гляди под ноги!

— Не споткнусь!

— Споткнешься! — сердито повторил Леша и сам шумно упал, зацепившись ногой за корень.

Его подняли, отряхнули, нашли очки. Он протер их и, нацепив на нос, произнес наставительно:

— Говорил я тебе!

А в самом конце цепочки плелся Микеша. Он был так занят своей обидой, что не замечал ни леса, навылет простреленного солнцем, ни веселой возни друзей, ни того, что обида его — глупая и ненужная.

— Стоп! — скомандовал Юра.

Впереди была гора, а вокруг — болото.

— Кто пойдет на разведку?

Это был закон о добровольцах. Иногда о нем забывали. Когда нужно было мыть пол в отрядном клубе, например. Но одно дело — мыть пол, а другое—идти в разведку. В разведку хотелось всем.

Двадцать восемь человек шагнули вперед.

И, чуть-чуть запоздав, шагнули несчастный капитан Микеша и несчастный барабан-

щик Паша. Шагнули просто так, чтобы быть в строю.

— Вообще-то, разведка — дело капитанов,— серьезно сообщил Юре Галагуцкий. Он хотел одиночества.

— Больно жирно! — завопили в строю.

А очкастый Леша пробубнил недовольно:

— Всегда все капитанам!

В строю выясняли отношения и пихались локтями.

— Внимание! — сказал Юра.— Капитан Микеша и барабанщик Журавлев, шаг вперед!

Они шли по бесконечному лесу, и мир вокруг был так таинственно прекрасен, что Микеше надоело тосковать. Он издал нечто по-индейски жуткое и исчез...

Паша испугался.

— Эй! — позвал он.

Вокруг были папоротники. Они молчали.

Реветь в настороженной солнечной тишине было страшно, но другого выхода не было.

Зеленая травинка дрогнула от первой слезы.

— Хуг! — сказал Микеша шепотом. Он вынырнул из папоротников и стал прислушиваться к тишине.— Бледнолицые перешли через Ориноко! Ложись!

Паша плюхнулся на прохладную землю. Барабан плюхнулся рядом с ним и тревожно загудел.

Ни барабанщик, ни барабан не поняли, что это игра...

А те, что остались, влезли в маленькую лесную речку и устроили там бой крокодилов.

— Прекратите это безобразие! — потребовал Командор Юра, но его не услышали.

Командор махнул рукой, снял штаны и тоже полез в воду. Юра был худой и очень длинный. Он прошлепал по мелководью и забрел на глубину. Там он остановился, скрестил руки на груди и задумался. Он думал о том, что через неделю парусные гонки и надо срочно ремонтировать двухмачтового «Робинзона», что второй экипаж опять потерял стаксель от «Викинга», что вчера доблестные капитаны флотилии устроили морской бой у острова и утопили шверт от «Пионера»... А еще он думал, почему так получается: двадцать шесть мальчишек скачут в звонкой июльской речке — и им хорошо. И не будь здесь его, Юры, им все равно было бы хорошо.

А ему без них плохо. Почему?

Так и стоял он посреди речки печальный и смешной и по причине сильной задумчивости не заметил, что двадцать шесть отважных и хищных крокодилов окружают его, кровожадно блестя глазами.

Они бросились на него, вспенивая воду, и целую минуту ничего не было видно из-за брызг, в которых горела крошечная радуга.

Потом шторм стих, и поверженные крокодилы выползли на берег.

— Ку-ку! — сказал им Юра из речки. Он был взъерошен и улыбался.

— Ты не трусь! — приказал Микеша.— Мы должны тут все разведать! Бежим в овраг. Если что — до последнего патрона!

— У меня нет патронов,— сказал Паша и испуганно замигал.

— У меня тоже! — Микеша беспокойно озирался.— Но сдаваться все равно нельзя!

Они скатились в овраг. По дну звонко бежал ручей.

— Пошли по воде,— прошептал Микеша.— Чтоб следов не было!

Где-то наверху треснула ветка.

— Слыхал? Это нас окружают! Бежим!

Ветки хлестали по лицу, барабан бил по коленкам, Паша падал, обдирая ладони и локти, но вскакивал и, не чувствуя боли, бежал дальше.

Паше было очень страшно: он ясно различал за спиной шум близкой погони.

Галагуцкий смотрел на Юру, и подбитый глаз его блистал укоризной. Разведчиков ждали уже час, а гора — вон она, совсем рядом.

Мальчишки лежали на берегу и от нечего делать распевали песню.

Очкастый Леша валялся тут же и лениво

Паша собрался было бежать, но тут из леса вышел страшный козел.

подпевал. Потом ему это надоело. Он по-пластунски подполз к Юре и заныл:

— Ну, скоро мы пойдем дальше?

А Юра, для успокоения нервов теребивший струны своей старенькой гитары, рассердился и сказал:

— Отстань! — И Леша уполз, обиженно сверкая очками и бормоча:

— Р-разведчики драные!

— Юр! — позвал Галагуцкий. — Можно?

Командор Юра засопел и разрешил:

— Иди!

Когда Микеша понял, что они заблудились, он не испугался ни капельки. У него просто испортилось настроение: он ясно представил, как потом, после похода, будут вспоминать приключения этого дня, и кто-нибудь обязательно скажет:

— А помните, Микеша заблудился! — и хихикнет при этом.

А очкастый Леша уныло посмотрит на Микешу и пробубнит:

— Капитан называется!..

И еще этот трижды клятый барабанщик плетется сзади и пыхтит, как паровоз.

— Не пыхти! — сердито сказал Микеша, и Паша притих.

Впереди была глубокая траншея с обвалившимися краями. Микеша прыгнул через нее и остановился, с любопытством наблюдая за Пашкой.

Барабанщик стоял у края траншеи.

— Мне тоже прыгать? — тихо спросил он.

«Боится!»— удивленно подумал Микеша.

— Ну, обойди, раз трусишь.

Тогда барабанщик зажмурился и прыгнул...

И, конечно, не допрыгнул. В последний момент Микеша ухватил его за воротник и рывком вытащил на траву.

— Обалдел? — крикнул он и собрался разозлиться. Но не разозлился. Только щелкнул Пашу по носу.

Не больно. Потому что барабанщик ему вдруг понравился...

Идет отряд. А впереди барабанщики. Три малыша и тринадцатилетний командир.

«Бум-бо-ба-рам!» — рокочут барабаны. Красиво!

Но ведь не всю жизнь парады...

Но ведь барабанщики — тоже люди...

Они ходят в школу, ссорятся, дерутся, теряются в лесу...

И иногда забывают, что они барабанщики.

И потому есть Галагуцкий, который разбирается в их ссорах и обидах, заступается за них, ищет их в лесу и всегда помнит, что он командир барабанщиков.

...Папоротники хлестали по коленкам.

«Здесь хорошо играть в индейцев!» — подумал Галагуцкий. Он мчался по лесу, и ветер раздувал его светлые, давно не стриженные волосы.

— Ау! — кричал Галагуцкий.

— Ау! — отвечало ему эхо.

А барабанщик Паша не отвечал.

«Наверно, уже пришли гости,— думал барабанщик.— А меня нету...»

Ему стало грустно, и он сказал:

— А у меня сегодня день рождения...

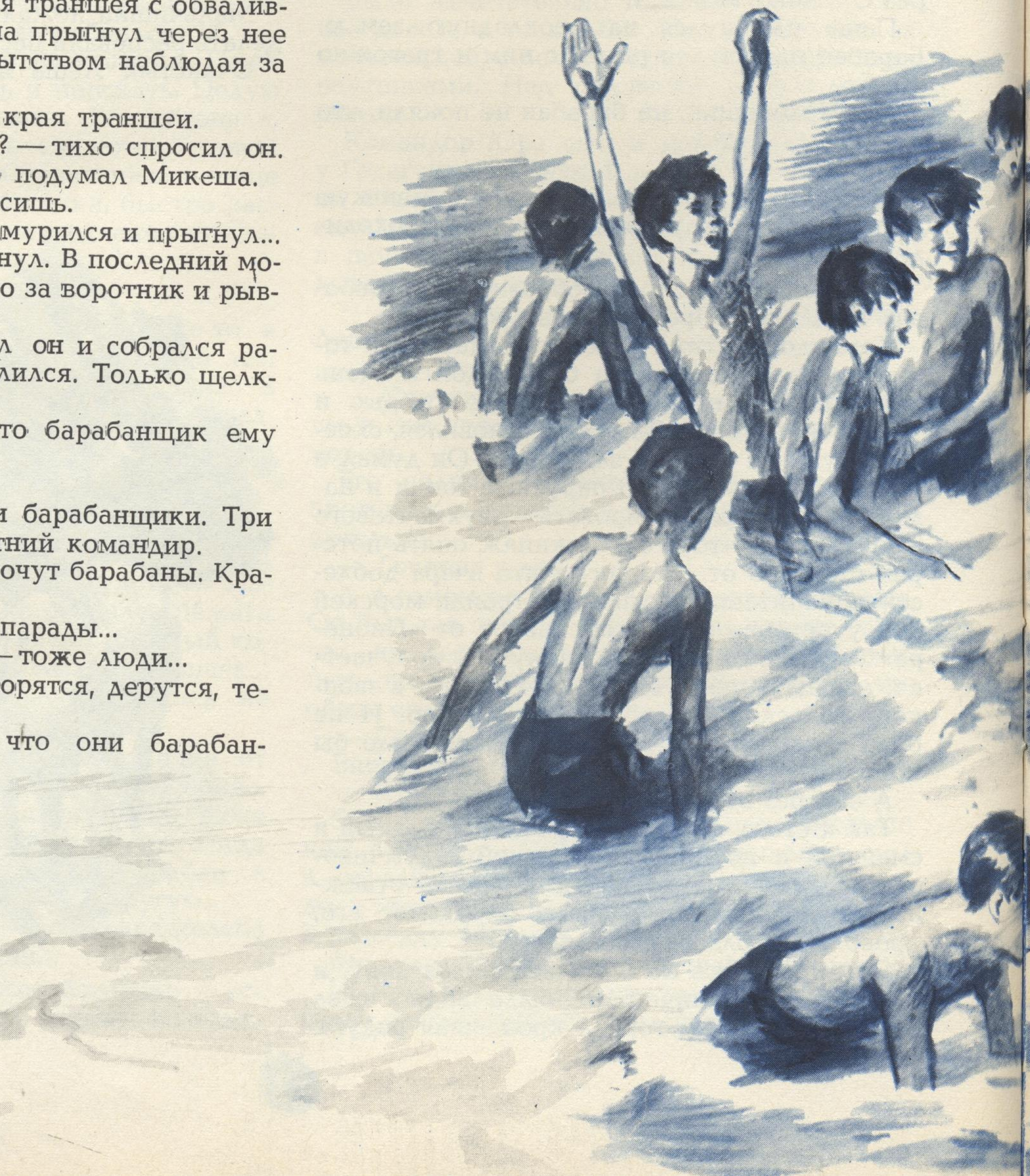
— Поздравляю,— мрачно отозвался Микеша. Потом подумал и сообщил: — Некоторые в день рождения сидят дома и поглощают пирожные.

Было ясно, что к таким людям Микеша относится с презрением. А Паша к ним так не относился.

— Вон, видишь, земляника,— сказал Микеша.

— Где? — завертелся Паша и увидел большую красную ягоду под листом папоротника.

Очень большую. Наверное, самую большую в этом лесу.



— Это тебе подарок...

— От кого? — потрясенно спросил Паша.

— Ни от кого! — буркнул Микеша.— Тебе — и все.

Паша встал на коленки и протянул руку к подарку.

В эту минуту появился Галагуцкий, потный и злой.

Командор Юра ходил по берегу.

— Галагуцкий, ау!

— Микеша, ау!

— Журавлик, ау! — вопили мальчишки.

Тревога, сначала такая маленькая и незаметная, тихонько пробралась на берег солнечной речки. Тревога росла, росла, стала огромной и взяла всех в плен.

— Юра! Можно, я пойду поищу? — ныл очкастый Леша.

— Нельзя!

Тогда Леша залез на дерево и пристально вглядывался в даль до тех пор, пока мальчишки внизу не заверещали:

— Идут! Нашлись!

Мальчишки окружили разведчиков и хлопали их по плечам.

— Что случилось, Микеша? — спросил Юра, и Микеша, который никогда не врал, ответил:

— Мы играли в индейцев и заблудились. Это я виноват...

Стало очень тихо. Юра сказал:

— Знаешь, как это называется? Дезертир ты, Микеша!

Это было очень обидно. Так обидно, что Микеше захотелось повернуться и убежать обратно, в пустой солнечный лес. И остаться там. Но он не убежал. Он опустил голову и решил больше никогда не разговаривать с Юрой.

— Эх ты! — протянул очкастый Леша.— А мы думали...

Микеша разглядывал свою сандалию и молчал. Сандалия была рыжая от старости. «Уйду из отряда»,— решил Микеша, и сандалия затуманилась от внезапно пришедших слез.

— Зареви, зареви! — мрачно посоветовал Юра.

— Фиг! — ответил Микеша сквозь стиснутые зубы.

— И считает еще, что его обидели! Из отряда собирается уходить,— тяжело вздохнул Юра.

Микеша вспомнил рыжего коня, с которым подружился в деревне прошлым летом, и ему почему-то стало жалко Юру.

— Юр...— сказал Микеша.— Ну, Юр... Я больше так не буду...— и поднял глаза.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, а потом Командор Юра горестно пообещал:

— Ох, и накажу я тебя, капитан Микеша...

Жить стало легче. Микеша даже улыбнулся.

Мальчики сбросили рюкзаки и скакали по камням.

На горé был ветер. Он надувал рубашки и гудел в барабанах.

— Барабаньте! — велел Галагуцкий, и барабанщики достали палочки.

Казалось, ветер уносит задиристую, веселую дробь далеко-далеко, и там она звучит еще громче, бродя эхом в синих лесах и в городе у края горизонта.

Мальчишки перестали прыгать. Они смотрели на барабанщиков и, кажется, завидовали.

Паша барабанил вместе со всеми, и было страшно стоять на теплом камне над огромным сине-зеленым миром. А когда Галагуцкий положил Паше руку на плечо, страх ушел.

Юра стоял посреди речки печальный и смешной. Ребята бросились на него, вспенивая воду.

— Барабаньте,— велел Галагуцкий, и барабанщики достали палочки.

Вечером Галагуцкий подарил Паше ящерицу. Но она сбежала. А еще в честь Пашки стреляли из ракетницы. Семь раз. Ели печеную картошку и вымазались, как черти. Было очень смешно. И хорошо. И хотелось, чтоб не кончался этот вечер. «Некоторые,— вдруг подумал Паша,— в день рождения сидят дома и едят пирожные...»

Сумерки выползли из леса и легли у костра. Микеша громко рассказывал страшную сказку. Паша сидел рядом с Вовкой Галагуцким, смотрел на костер, слушал сказку, и она ему не нравилась.

Сказку Пашка представлял себе так: синий лес до неба и большая желтая луна, восходящая над мохнатыми сосновыми макушками.

Юра взял гитару.

— Давай «Барабанщиков»! —сказал Галагуцкий и посмотрел на Пашу.

И все стали петь «Барабанщиков».

Костер стрелял искрами. Они летели к звездам и гасли, не успев до них долететь.

Мальчишки пели тихо и азартно:

Как бы крепко ни спали мы,
Нам подниматься первыми,
Лишь только рассвет забрезжит
В серой весенней дали.

Это неправда, что маленьких
Смерть настигает реже —
Ведь пулеметы режут
Часто у самой земли...

Мальчишкам подпевало пугливое эхо. Оно боялось заблудиться в лесу и бродило возле костра.

...Сколько легло нас, мальчики,
В травах и узких улочках,
Маленьких барабанщиков,
Рыцарей злых атак,
Но не могли мы жмуриться,
Пулям кивать и сутулиться —
Падали, а товарищи
Шли, отбивая такт...

Паша очень старался запомнить слова этой хорошей песни, но запомнил только большую зеленую звезду, запутавшуюся в лапах ели, лес до неба и желтую луну, восходящую над мохнатыми сосновыми верхушками.

Он уснул, и ему приснился сон.

Барабанщику снились огромные черные танки. Они выползали из-за высокого горизонта и шли на Пашу. И было тихо-тихо, как бывает только в страшном сне.

И Паша бежал. Он бежал сквозь холодные папоротниковые заросли, и барабан больно бил его по коленкам.

Барабан не хотел убегать.

А потом раздался выстрел, очень одинокий выстрел в огромной тишине, и Паша успел подумать: «Это в меня! Меня убили...» И вдруг понял, что убили не его. И понял, кого убили...

Тогда Пашка сел на землю и заплакал.

А из-за леса, из тишины, вышел Галагуцкий. Барабан у него был, а палочек не было. Он медленно шел к Паше, светловолосый и печальный, и чуть-чуть жмурился от встречного солнца.

— Слышишь? — сказал Галагуцкий. — Тихо как...

— Зачем тебя убили? — крикнул Пашка.— Я не хочу!..

Галагуцкий опустил голову.

— Никто не хочет,— сказал он.— Но так получается...

— А я? Как теперь я?

Пашкины слезы капали на листья папоротника, и листья вздрагивали.

— Бой не кончился,— сказал Галагуцкий, и Пашкин барабан ответил ему тихим гулом.

— Мне все равно, раз тебя нет! — крикнул Паша.—Все равно!

Галагуцкий молчал и глядел на Пашкин барабан. Потом он поднял глаза. И сказал:

— Никогда не бывает все равно. Даже если тебя убили. Вставай!

— Вставай! Вставай! — Галагуцкий разбудил своих барабанщиков раньше всех. Он заставил их окунуться в остывшей за ночь речке, а потом они грохнули подъем!

Мальчики просыпались и, поеживаясь от прохлады, брели умываться. Они были сонные и недовольные, а между ними с хохотом носились барабанщики. Они толкались, брызгались, сдергивали одеяла с тех, кто не мог проснуться,— и через десять минут носились, брызгались и хохотали уже все.

День сиял зеленой молнией, он был огромен и полон приключений и песен. И было лето — время радуг, мальчишек и птиц.

— Пора возвращаться,— сказал Юра.

Возвращаться не хотелось, но город у края горизонта ждал их. Ждали яхты на городском пруду. Ждали дела.

А электричка ждать не будет.

На станции, на скамеечке сидели два аборигена, один подлиннее, другой покороче. Аборигены были патлатые. Они маялись от безделья.

— Ух, ты! — сказал один из них.— Тараканы с барабанами!

— А дудок у вас нет? — спросил другой.

— Квакины драные! — обозвал их очкастый Леша.

И тут началось...

— А ну, иди сюда! — злобно позвал Лешу тот, что покороче.— Иди-иди! Очки сними!

Леша пожал плечами и пошел, потому что боялся, что иначе про него подумают, что он боится.

Командор Юра этого не заметил: он отгонял мальчишек от края платформы. А когда он заметил, Леша уже лежал в пыли и тихо скулил. И это была только маленькая деталь на большом полотне батального характера, потому что тут же Юра увидел, как перелетел через низенький заборчик Микеша, как упал, увлекая за собой противника, Галагуцкий... Потом прорвался пронзительный свист, и на платформе возникли еще семеро патлатых...

Юра ворвался в схватку.

— Перестаньте! — рявкнул он, отшвыривая кого-то от Леши. Его не услышали.

Паша стоял, прижавшись к забору, и видел, как ударил кого-то Юра, и его ударили тоже, как пнули Микешу, как упал и снова поднялся Галагуцкий... Он поднялся и спросил сердито и удивленно:

— Ребята, вы люди?

Он хотел еще что-то сказать, но его ударили, и он снова упал.

Тогда Паша оттолкнулся от забора и сделал шаг вперед.

— Сейчас милицию позову! — кричал начальник станции, а патлатые зайцами неслись сквозь пыльные заросли акаций.

Мальчишки умывались у колонки и обсуждали кто кому и как дал.

Начальник станции что-то говорил Юре, а когда закончил, увидел у края платформы двух мальчишек. Большого и маленького. Оба они были поцарапаны и, кажется, ругались.

— Отойдите от края! — крикнул он им. Они не обратили внимания.

Большой сердился и выговаривал что-то маленькому. Маленький тоже сердился и осторожно возражал.

— Юра! — позвал большой, и Юра подошел к ним.

— Вот! — сердито сказал Галагуцкий и показал Юре то, что осталось от Пашкиного барабана.— Ну кто, кто тебя просил лезть? Ну, Павел!..

За лесом загудела электричка.

— Ладно,— сказал Юра, глядя на безвозвратно погибший барабан.— Был бы барабанщик жив...

А барабанщик был жив, зол, весел и громко сопел распухшим носом.

Стол сам говорит о том, кто за ним работает. Здесь все не на месте, и садиться-то за такой стол неприятно.

И. ГОЛУБЕВА

Три,

В каждом классе, где мне случается бывать, я почему-то обязательно посмотрю на последние парты. Хотя, конечно, это предрассудок — ОН может сидеть и на предпоследней, и на четвертой от начала, и даже на первой. Чаще всего так и бывает. Учителя, зная ЕГО привычку думать на уроке об очень важных вещах, не имеющих к уроку никакого отношения, сажают его поближе, «перед глазами».

Итак, ТРОЕЧНИК. Не тот, что завоевывает свою тройку в трудном бою. Перед такими даже отличники должны склонить головы — ему тройка досталась труднее, чем некоторым пятерки... Я говорю о троечнике с «убеждениями». Этот человек, в отличие от других своих одноклассников, как правило, не бывает в центре внимания: он не блещет знаниями, но и катастрофического положения у него нет. Три, четыре, три, три, четыре, три... Что ж, с его точки зрения, — жить можно...

Мне бы не хотелось все время, пока мы будем разговаривать, называть его «троечником». Когда он идет в библиотеку или пляшет вокруг новогодней елки, никакой он не троечник, а человек, с которым очень даже интересно поговорить. Но Сидоровым или Ивановым тоже не хотелось бы его называть — никакому Сидорову не захочется, чтобы на его примере учили других. Я буду называть его «он», «мой знакомый» или еще как-нибудь. Хотя такой человек действительно живет на свете, и он мой знакомый.

Князь Серебряный... Никита Романович

Как всегда я встретила ЕГО на пути из библиотеки. Он нес «Зоопарк в моем багаже» Дарелла и «Князя Серебряного» А. Толстого.

— Больше двух не дают, — поделился он своей заботой. — А мне этого ненадолго хватит.

«Этого» ему действительно может хватить на два-три дня. Такие книжки он читает не отрываясь, а о домашнем задании по алгебре забывает. Об этом я ему сказала.

Он поморщился. Он считает, что бесконечно говорить об учебе с шестиклассником, который и без того тратит на школу часов восемь в сутки, не стоит. Ведь и взрослые не говорят между собой только о работе.

Но я не сдалась. Мне очень хотелось влезть «не в свое дело». Все-таки, это и мое дело — я знаю, что он не один такой на свете...

Смотрю на часы — 14 часов 20 минут. Сейчас ОН придет домой и тут же примется за книги.

— Стало быть, возьмешься за уроки, только когда придут родители, часов в восемь? — говорю я.

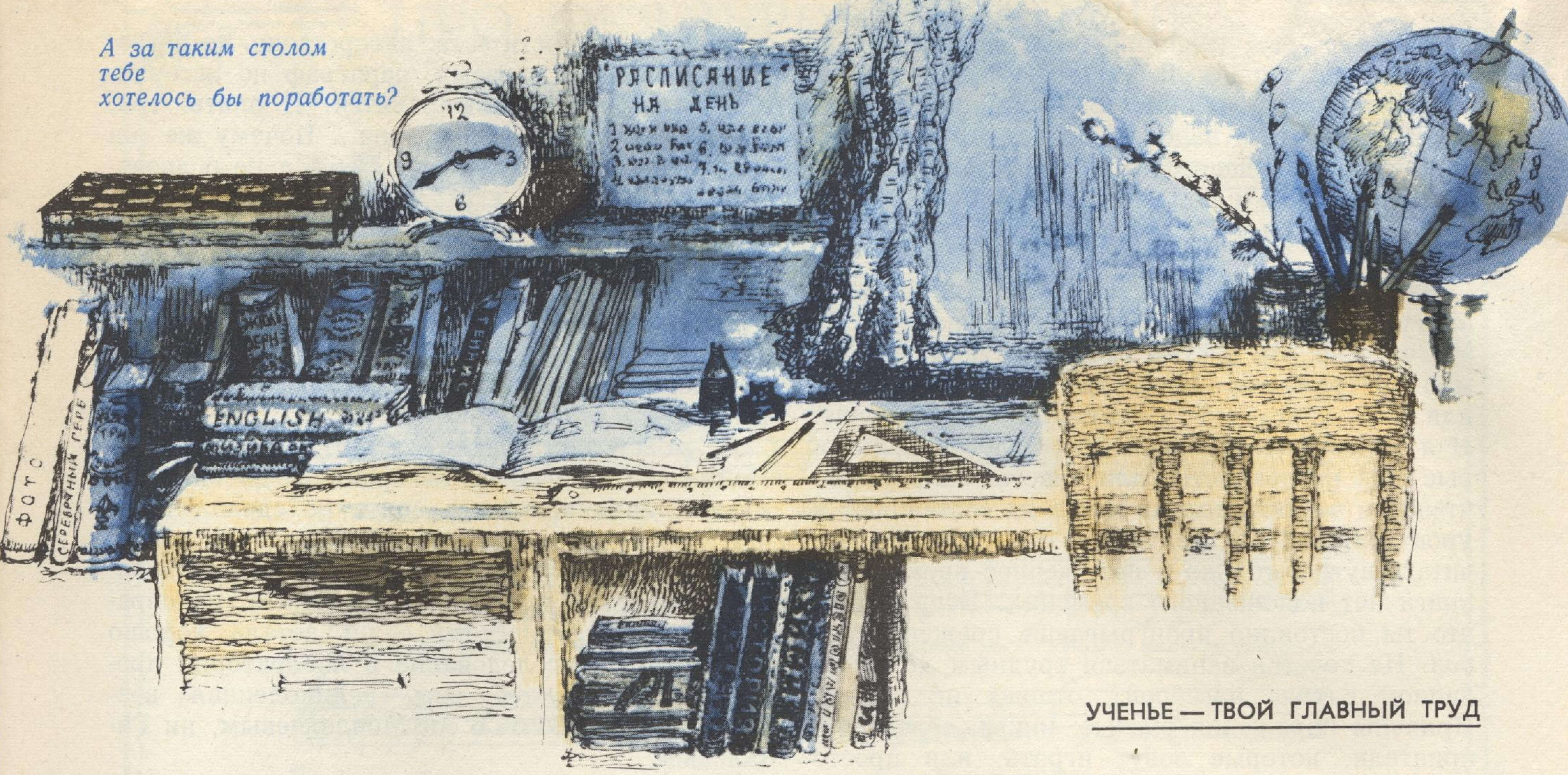
И представляю, как часам к восьми, поужинав с родителями, впраскачку садится ОН за письменный стол. Уставшие, затуманенные от чтения глаза, бледные щеки (сегодня он так и не погуляет), и в голове у него будет только князь Серебряный...

— А вы знаете, как его зовут? — отвечает он на вопрос вопросом.

— Не знаю. Забыла, конечно. — Я даже не сразу поняла, что спрашивает он о князе Серебряном.

— Никита Романович... — И в голосе у него

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.



А за таким столом
тебе
хотелось бы поработать?

четыре, три...

столько мечтательности, что я понимаю, как напрасны мои рассуждения. Это только кажется, что он идет рядом со мной. На самом деле он скачет на выручку боярину Никите Романовичу, год для него сейчас не тысяча девятьсот семьдесят седьмой, а одна тысяча пятьсот шестьдесят пятый...

Воспоминания о будущем

И все-таки ОН разволновался, когда я предложила ему представить завтрашний день. И то, как развернутся события, если он потратит весь сегодняшний вечер на приключения князя. Хотя я тоже очень люблю эту хорошую книгу, которую непременно нужно прочитать каждому.

ОН немножко подумал — воображение-то у него прекрасное — и начал рассказывать:

— Завтра, без пятнадцати минут восемь я выхожу из дома. Первый урок — алгебра. В портфеле у меня тетрадка с уравнениями, которые я так и не сумел решить. Делал я их наспех, лишь бы что-то было записано в тетради. На случай, если Елена Егоровна пройдет по рядам посмотреть... Да и для родителей, чтобы видели, что я что-то пишу, и не волновались... Если я дойду до школы за пять минут, у меня будет еще десять минут, чтобы взять у какого-нибудь «великого математика» тетрадь и исправить свои уравнения. Грязь на странице, конечно, будет немыслимая. Это скорее всего привлечет внимание Елены Егоровны, если она все-таки пройдет по рядам... А если нет, то она может вызвать меня к доске и попросить написать домашнее задание. Она-то хорошо меня знает. Вряд ли я смогу объяснить свои записи. А это — двойка. И Елена Егоровна поймет, что я списывал. Мне лично всегда неприятно, когда это выясняется...

— Ну вот... — ОН вздохнул, но, поскольку человек мужественный, смело продолжал заглядывать в завтрашний день.

— Остальные уроки я должен проскочить. По русскому меня недавно вызывали. А историю... Я еще летом, когда учебники раздавали, весь учебник истории прочитал. Даты не запоминал. Но все равно, если успею прочитать параграф на перемене, как-нибудь выберусь на троечку.

Он помрачнел, как будто все то, о чем мы с ним говорили, уже произошло на самом деле. Подумал. И успокоился.

— Знаете, — сказал ОН мне, — это только на словах все так страшно получается. А на самом деле, ну, подумаешь, двойка, тройка. У Менделеева тоже были двойки, и даже по химии, а все равно он стал великим ученым...

В тот день мы с ним так ни о чем и не договорились. Я вернулась домой и решила ему написать. Примерно вот что...

Почему Менделееву можно, а Сидорову нельзя...

Против того, что у Менделеева были двойки, трудно возражать. И вполне возможно, что среди нынешних двоечников и троечников появятся в будущем известные ученые, писатели, артисты и рабочие. И кто, спрашивается, хоть однажды не делал выбора между «надо» (уроки)

и «хотелось бы» (лишний часок на катке, очередной многосерийный фильм по телевизору)... И не утешал себя при этом примером Менделеева. Только не надо забывать, что в биографии великого ученого были не только двойки. Были еще часы и годы тяжелого мужественного труда, когда он не делал для себя никаких поблажек.

Думаешь, плохо то, что ты весь день читал книгу Алексея Константиновича Толстого? Да это чудесно. Не пустые это были часы. Ты думал и переживал. И, может быть, незаметно для тебя, книга что-то изменила в твоей душе. И я не хочу, чтобы мальчики и девочки, которые еще не почувствовали счастья настоящего чтения и читают, только когда их заставляют к уроку литературы, подумали: вот и хорошо, что читать нужно только в положенное время. Для книги нет положенного времени... Беда в том, что ты постоянно проигрываешь сражения без боя. Не хочется заниматься трудным делом (в данном случае алгеброй), отложу на завтра. Причины поражения разные: книги, телевизор, приятели, которые зовут играть, или просто стоишь у окна и смотришь на улицу, лишь бы подольше не усаживаться за стол и не доставать учебники. Припомни, ну хотя бы за последние три дня, сколько было таких проигранных без боя сражений.

Мама просила после школы зайти в прачечную — идти не хотелось, и вечером наврал, что прачечная была закрыта. Гулял на улице два положенных часа, только собрался уходить домой, вышел Мишка с новым мячом (он-то уже уроки сделал), и ты гулял еще два часа. После обеда собрался помыть тарелки, потом решил: лучше сначала телевизор посмотрю — и тарелки мыла вечером мама. Ты припомнишь таких случаев больше, чем я назвала.

Подумаешь, важность какая, скажешь ты. И у отличников такое бывает. Не бывает такого у отличников. Отличник прежде всего человек **ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ.** Такое бывает только у троечников. И троечник-то ты потому, что живешь именно так. Все люди разные, все люди непохожи, но, можешь быть уверен, этим своим качеством — **ПРОИГРЫВАТЬ БЕЗ БОЯ** — ты похож на всех остальных троечников на свете.

Эта тяжелая «легкая жизнь»...

В общем, и так жить можно. Ты прав. Ты же не двоечник, есть ребята, которые и похуже тебя учатся. Им помогают всем пионерским отрядом. А тебе помогать не надо. Память хорошая, способности есть: наверстаешь по алгебре, пробежишь глазами параграф по истории, положение кое-как выправится. И опять: три, четыре, три, три, четыре, три... Почему же так много говорим мы сейчас о тебе, а не о двоечниках?

Потому что ты ошибаешься. В самом главном. Ты думаешь: прожил четверть враскачку, так не всю жизнь будет... Придет время, соберусь с силами, начну учиться вовсю, и стану Менделеевым, Алексеем Толстым, Героем Социалистического Труда, таким, как Гиталов. Может быть, и станешь...

А, может быть, и нет. Стоит ли рисковать? Пойми: ты получаешь не тройку в дневник, не мамино замечание, что опять не сделал то, о чем просили, ты получаешь привычку жить. Жить, отодвигая трудности на «потом». Ни одного серьезного дела нельзя сделать, не справившись с трудностями, — ни деталь хорошо выточить, ни исследование в лаборатории провести. Так что у тебя есть «великолепная» возможность **НЕ СТАТЬ** ни Менделеевым, ни Гиталовым.

Впрочем, это в будущем, о котором, возможно, ты еще не думал. А сейчас?

Четверочники, отличники, я знаю, иногда снисходительно завидуют тебе: вот я тружусь, а Сидорову легко, тянется потихонечку с троечки на троечку... Знали бы они про твои троечные мучения, не стали бы завидовать. Нет, не легкая у тебя жизнь.

Что стоят одни колебания при выборе — делать уроки или еще погулять (почитать, посмотреть)... Уже в этот момент ты представляешь все, что обрушится на тебя потом: клянчить, чтобы списать, утешать расстроенных родителей... Сколько времени и сил это отнимет. Да и садиться за письменный стол легко и приятно, когда все в порядке. И в школу идешь с хорошим настроением.

Если бы ты успевал по «нелюбимой» алгебре на четыре, то есть делал ее вовремя и тщательно, то у тебя и для любимых книг времени больше оставалось. Так получается у всех людей, хорошо знакомых с научной организацией труда.

Ты вот говоришь: зачем это теперь при поступлении в институт учитывают средний балл в аттестате? Ну, учился плохо в школе... С моими способностями можно засесть на несколько месяцев перед экзаменами и все наверстать. В том-то и дело, что при поступлении в институт, как и в любом серьезном человеческом деле, учитывают не только талант человека, но и его способность трудиться, его умение отвечать за порученное дело. А эти качества не врожденные, их воспитывает в себе сам человек.

Вот что я написала для моего знакомого, которого я однажды встретила с «Князем Серебряным» под мышкой. В общем-то неплохого человека... Написала не потому, что меня очень заботит его завтрашняя тройка. А потому, что хочу, чтобы он стал Менделеевым.

ПРО ОКТЯБРЕНКА АЛЕШКУ

Слова В. КРАПИВИНА | Музыка А. ТУШКОВА

Там, где вытканы солнцем дорожки,
Там, где лагерь у горной речонки,
Полюбил октябренок Алёшка
Из второго отряда девчонку.

С той девчонкою встреч не искал он
И, увидев её, - хмурил брови.
А потом забирался на скалы,
Обдирая коленки до крови.

С ярко-алым шиповником горным
Возвращался обратно Алешка,
Чтобы после вечернего горна
Бросить ветку с цветком ей в окошко.

А потом пришло время проститься,
Их автобус довез до вокзала.
И уехал веснушчатый рыцарь
В синей майке со звёздочкой алой.

И она никогда не узнала,
Что была для него всех дороже,
И ещё две недели вздыхала
Об отрядном вожатом Сереже.

Рождается песня

ВОЕННАЯ ТАЙНА

Есть в Серове такие люди — «гайдаровцы». Идут по улицам города мальчишки и девчонки в форме защитного цвета с красной звездочкой на груди. Подходят к ним незнакомые ребята и взрослые: «Гайдаровцы, привет!» В Серове все знают и любят ребят из хора имени Аркадия Гайдара.

Как-то на городском празднике песни, в самый разгар концерта, погас свет — на станции случилось серьезное повреждение. Переполненный зал беспокойно гудел. Но зазвучала песня, и зал сначала затих, а потом все стали подпевать ребятам. Этот вечер всем запомнился.

Помнят в городе и другой концерт. На городском слете мальчишек (800 человек собралось!) пели ребята из хора про отважных пионеров, про хорошие лагерные дни и походные тропы, про паруса и дальние страны. И с каждой песней в зале становилось все больше друзей, а в конце выступления все восемьсот зрителей пели вместе с хором. Мальчишки, насмешливые и ироничные, которые сначала вообще с недоверием поглядывали на хор, захотели петь вместе с ними!

И так всегда: всем, кто слышит их песни, хочется петь с ними. Хочется с ними дружить. Может, есть у них какая-нибудь военная тайна?

РАДОСТЬ — ЛЮДЯМ

Повторять одно и то же сотый раз надоедает. Кто-то на репетиции зевнул, а Саша в такт музыке стал шевелить ушами и бровями. Новички захихикали. Анатолий Дмитриевич, руководитель студии, почувствовал, что песня не получается. Руки его, дирижировавшие хором, бессильно опустились.

— Через несколько дней концерт. Сотни людей придут, чтобы услышать вас...

Стало тихо, все подтянулись. И снова, фраза за фразой — во второй, в пятый, в сотый раз... Так они репетируют все песни.

У хоровой студии имени А. П. Гайдара свой устав. И главный его пункт: «Выступать перед людьми — большая ответственность. Помни об этом не только, когда вышел на сцену. Помни об этом на каждой репетиции». Мальчишки — народ нетерпеливый, но устав есть устав. И они с завидным упорством отрабатывают музыкальные упражнения, изучают теорию музыки.

КОГДА ОТРЯД В ДОРОГЕ

Репетиции проходят в классе пения, а под окнами почти всегда торчат любопытные. Случается, они барабанят в окна, корчат рожи — мешают.

Когда студия отправилась в лес, те, что толпились под окнами, пошли следом.

У огромного оврага ребята из хоровой студии разделились на две армии. Одна запаслась шишками и укрылась в зарослях. Другая немного погодя отправилась на поиски первой. Бой разгорелся не на шутку. Каждый участок оврага отвоевывали, неся крупные потери. Один снайпер загородил дорогу и стрелял так метко, что никто не мог пройти. Тогда Сережа Забелин геройски бросился к снайперу, принял на себя весь град шишек и «спас» товарищей. Снайпера окружили, обезоружили и взяли в плен. Пока шел «бой», Валеру Карпушина никто не смог найти — так хорошо он замаскировался. Игра уже кончилась, когда он вышел из засады, украшенный лопухами, с неистраченными запасами шишек в карманах. Что же, бывает и так...

А любопытные, которые сопровождали обе армии в походе, тем временем появились из-за кустов, ухмыляясь и что-то затевая.

Так и есть! У костра послышался крик, и Анатолий Дмитриевич исчез. Армии объединились и выслали отряд на поиски Анатолия Дмитриевича.

Разведчики докладывали:

— Обнаружил штормовку Анатолия Дмитриевича!

— Нашли ботинок! Чужой...

— Кусты примяты, веревка валяется.

Потом они обнаружили, схватили и притащили к костру похитителей.

Вероятно, плохо бы им пришлось, если бы неожиданно прямо над головами не прозвучал горн. Анатолий Дмитриевич слез с дерева. Живой и невредимый.

— Ну и хитрый же вы, Анатолий Дмитриевич, — разочарованно сказала самая маленькая девочка Лена Гатаулина.

У костра «храбрые воины» и «страшные разбойники» (те, что вечно плясали под окнами, когда шли репетиции) подружились. Вместе пекли картошку, перепачкались в саже и вместе пели: оказалось, что «любопытные» знают все их песни наизусть. И любимую — о смелых барабанщиках.

КАК БЫ КРЕПКО НИ СПАЛИ МЫ...

Если прислушаться к пению хора имени А. П. Гайдара, то обязательно почувствуешь запах костра, хорошую усталость от трудной дороги, испытаешь радость от победы над собственным малодушием, страхом перед опасностью, поверишь, что нет на свете ничего дороже настоящего товарищества и борьбы за общее дело. Все это есть в песнях ребят из Серова. Может быть, поэтому с такой радостью ждут их и в школах, и на заводах, и в сельских клубах.

В студии на одной из стен нарисованы Всадники. Они скачут на помощь Мальчишу-Кибальчишу. А он не просто зовет в атаку — он... поет. Вот она, их военная тайна! Они не просто хор, они пионерский отряд. И жизнь у этого отряда настоящая, пионерская! Тимуровская!

Всем читателям «Пионера» ребята из хоровой студии имени А. П. Гайдара дарят одну из своих песен — «Про октябренка Алешу».

С. ЦИМБАЛЕНКО

г. Серов, Свердловская область.

Рисунок С. ШЕХОВА

СЛУШАЙТЕ музыку Революции!

★

В мае 1923 года в Новосибирск приехал народный комиссар просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. Писатели-сибиряки просто засыпали его вопросами о литературных новостях: спрашивали, какие хорошие новые книги вышли в столице. В ответ нарком назвал два самых замечательных, по его мнению, события в советской поэзии последнего времени: «Про это» Владимира Маяковского и «Сами» Николая Тихонова. Маяковского, конечно, знали все, а вот имя Тихонова многие слышали впервые. Стали расспрашивать — что за поэт, какие пишет стихи. Тогда жена Луначарского, знаменитая актриса, прочла «по требованию публики» те самые стихи, которые напечатаны в этом номере «Пионера».

Поэма «Сами» была написана за четыре года до этого, в 1919 году, но опубликована позднее. Вот как рассказывает о ее возникновении сам Николай Семенович Тихонов:

«В 1918—1919-м годах в поэзии, как и вообще, был силен лозунг: даешь мировую революцию! Тогда я под впечатлением побед пролетарской революции, освободительной борьбы афганского народа против английских колонизаторов, под впечатлением революционных явлений в Индии и написал эту поэму про индийского мальчика, который слышал о Ленине как об освободителе от английского ига.

Я встречал восточных людей, которые мне рассказывали об огромной популярности Ленина на Востоке. Это стихотворение больше года ходило по рукам и читалось на вечерах самодеятельности и на красноармейских концертах. Оно выходило и в отдельных изданиях и на разных языках. Мне говорили, что В. И. Ленин читал его...»

Не удивительно, что стихи Николая Тихонова так нравились революционной молодежи, красноармейцам: «Сами» — одно из первых в советской литературе произведений, где так смело, так сильно и так поэтично говорится о мировом значении Великой Октябрьской революции, о могуществе ленинских идей.

Индийский мальчик Сами был покорным слугою своего господина, Сагиба, и думать не думал о том, что можно его ослушаться. Сами привык выполнять волю хозяина и даже в мыслях не смеет его осуждать, считает его «хорошим» и «умным», старается ему угодить...

Но вот до слуха мальчика дошел рассказ о великом Ленине, защитнике всех угнетенных. То, что узнал и запомнил Сами, похоже на сказку, на легенду: как видно, он не все понял из того, что говорили взрослые, и в душе его сложился образ полуреальный, полуфантастический. Но одиноким своим гордым сердцем он сумел почувствовать главное: далекий Ленин вдохнет в него, в таких, как он, силы и мужество для борьбы за свободу, за свое человеческое достоинство.

Сами почувствовал себя смелым, защищенным. Мало того, он просто переродился, стал другим человеком:

Будто снова он родился в Амритсаре
И на этот раз человеком —
Никогда его больше не ударит
Злой Сагиб своим жестким стеком.

Не случайно Сами родом из Амритсара, не случайно в этом индийском городе развертывается действие поэмы. В тот самый год, когда Тихонов писал «Сами», в Амритсаре произошли события, которые потом называли «9 января Индии»: по приказу английского генерала там были расстреляны две тысячи человек. Первые читатели «Сами», конечно, знали об этой трагедии, название «Амритсар» много значило для них.

«Я до сих пор помню, какое огромное впечатление в молодости произвели на меня и на моих

сверстников, учившихся на рабфаках и всяческих курсах, стихи Николая Тихонова «Сами», — вспоминает известный советский драматург Николай Погодин. Поэму перевели на многие иностранные языки, в том числе и на языки Востока. И, как это часто бывает, стихи, написанные для взрослых, вы, ребята, забрали себе, в свою, детскую литературу: вот уже больше полувека многие поколения школьников читают их про себя и вслух.

С. БОГАТЫРЕВА

Николай ТИХОНОВ

Сами

Мариэтте Шагинян.

1

Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стеком.
Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только Сами не считает человеком.
Смотрит он на него одним глазом,
Никогда не скажет: спасибо.
Сами греет для бритья ему тазик
И седлает пони для Сагиба.
На пылинку ошибется Сами,—
Сагиб всеведущ, как Вишну,
Бьют по пяткам тогда тростниками
Очень больно и очень слышно.
Но отец у Сами недаром
В Беджапуре был скороходом,—
Ноги мальчика бегут по базарам
Все уверенней год от года.

2

Этот год был очень недобрым:
Круглоухого мышастого пони
Укусила черная кобра,
И злой дух кричал в телефоне.
Раз проснулся Сагиб с рассветом,
Захотел он читать газету,
Гонг надменно сказал об этом,
Только Сами с газетою нету.
И пришлось для бритья ему тазик
Поручить разогреть другому.
И — чего не случалось ни разу —
Мул не кормлен вышел из дому.

3

Через семь дней вернулся Сами,
Как отбитый от стада козленок,
С исцарапанными ногами,
Весь в лохмотьях, от голода тонок.
Синяка круглолобая глыба
Сияла, как на золоте проба.
Один глаз он видел Сагиба,
А теперь он увидел оба.
«Где ты был, павиан бесхвостый?» —
Сагиб раскачался в качалке.
Отвечал ему Сами просто:
«Я боялся зубов твоей палки
И хотел уйти к властелину,
Что браминов и раджей выше,—
Без дорог заблудился в долинах,—
Как котенок слепой на крыше».
«Ты рожден, чтобы быть послушным:
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить за конюшней,
Я властитель твой, обезьяна!»

4

«Тот, далекий, живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,
В городе с большими домами,
И зовут его люди — Ленни [1].
Он дает голодным корочку хлеба,
Даже волка может сделать человеком,
Он большой Сагиб перед небом
И совсем не дерется стеком.
Сами — из магратского рода,
Но свой род для него уронит:
Для бритья будет греть ему воду,
Бегать с почтой, чистить ему пони.
И за службу даст ему Ленни
Столько мудрых советов и рупий,
Как никто не давал во вселенной,—
Сами всех сагибов погубит».

5

«Где слыхал ты все это, несчастный?»
Усмехнулся Сами лукаво:
«Там, где белым бывать опасно,
В глубине амритсарских лавок.
У купцов весь мир на ладони:
Они знают все мысли судра,
И почем в Рохилькэнде кони,
И какой этот Ленни мудрый».
«Уходи»,— сказал англичанин.
И Сами ушел с победой,
А Сагиб заперся в своей спальне
И не вышел даже к обеду.

6

А Сами стоял на коленях,
Маленький, тихий и строгий,

[1] Так индусы произносят имя «Ленин».

А. Левитин.

ЛЕНИН. РАССВЕТ.

И молился далекому Ленни,
Непонятному, как йоги,
Что услышал его малые просьбы
В своем городе, до которого птице
Долететь не всегда удалось бы,—
Даже птице быстрей зарницы;
И она б от дождей размокла,
Слон бежал бы и сдох от бега,
И разбилась бы в бурях, как стекла,
Огненная сагибов телега.

Так далеко был этот Ленни,
А услышал тотчас же Сами,
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами,
А вскочил легко и проворно,
Точно маслом намазали бедра.
Вечер пролил на стан его черный
Благовоний полные ведра,
Будто снова он родился в Амритсаре —
И на этот раз человеком,—
Никогда его больше не ударит
Злой Сагиб своим жестким стеком.

1920 г.

Всем!
Всем!
Всем!

Филателистический конкурс

«Великий Октябрь»

В этом году мы будем праздновать 60-ю годовщину Октября. Весь советский народ готовится к этому торжественному юбилею. Готовится к нему и Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина.

Чтобы ты и твои друзья смогли интереснее и увлекательнее пройти дорогами Октября, узнать, как изменилась наша Родина за годы Советской власти, журнал «Пионер» и правление Всесоюзного общества филателистов объявляют **ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКИЙ КОНКУРС** «ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ». В конкурсе могут принять участие **ВСЕ** желающие.

Десять абсолютных победителей, которые правильно ответят на все вопросы, получат **ГЛАВНЫЕ** награды жюри. Если тебе не под силу ответить на все вопросы, выбери три-четыре. Специальными призами — книгами о Великом Октябре и выдающихся революционерах, кляссерами с марками, филателистическими сувенирами — будут отмечаться ответы на отдельные вопросы. Ответы должны быть полными, интересно и аккуратно оформленными, с пометкой на конверте «Филателистический конкурс». Коллективные работы будут отмечаться специальными наградами. Призеры конкурса будут награждены грамотами «Пионера». Высылать марки и другие филателистические материалы не надо, так как присланные на конкурс работы возвращаться не будут.

Итак, «Пионер» объявляет конкурс. Не торопись сразу отвечать на вопросы, почитай книги о революции, об истории нашей Родины, о пионерской организации, журнал «Филателия СССР», каталоги почтовых марок, книги по филателии. Последний срок отправки работ 30 апреля.

Жюри.

ВОПРОСЫ

1. Легендарный крейсер «Аврора» возвестил о начале Октябрьского вооруженного восстания. Расскажи, когда и в каких странах были выпущены почтовые марки с изображением «Авроры». Что ты знаешь об истории этого крейсера, какие традиции связаны с ним в наши дни?

2. Когда в России произошла Февральская революция, Владимир Ильич Ленин и многие его соратники — революционеры-большевики находились за границей. Едва до Ленина и его друзей долетела радостная весть о свершившейся революции, как они сразу же собрались на Родину. В Петрограде стало известно, что товарищ Ленин приедет сюда 3 апреля. Рабочие, солдаты и матросы пришли к Финляндскому вокзалу встретить своего вождя. Башня броневика стала первой трибуной, с которой обратился Ленин к революционным питерцам в 1917 году.

Когда были выпущены в СССР почтовые марки, посвященные этому событию? Из какого кинофильма был использован кадр, положенный в основу первой советской марки этой тематики? Когда был открыт памятник, изображающий Владимира Ильича в момент выступления?

3. Около пятидесяти лет назад в СССР вышла серия почтовых марок, посвященная 10-летию Октября. На одной из марок этой серии было впервые изображено здание, в котором в решающие дни Октябрьского вооруженного восстания находился штаб революции. Расскажи о почтовых марках СССР, на которых изображено это здание.

4. Эта марка изображена на почтовом блоке, посвященном В. И. Ленину — основателю Коммунистической партии Советского Союза.

Когда и в связи с каким событием был выпущен этот блок? Кто автор картины, изображенной на марке?

5 II Всероссийский съезд Советов образовал первое в мире рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров — во главе с В. И. Лениным. На съезде были приняты первые декреты Советской власти.

О каких декретах идет речь? Как отражены эти декреты на почтовых марках СССР?

6. «Самое же главное — не проспал горячих дней, нашел свое место в железной схватке за власть, и на багряном знамени революции есть и его несколько капель крови».

Герою какого романа принадлежат эти слова? Кто автор этой книги? Расскажи о почтовых марках, посвященных писателю.

7. Какие почтовые марки отражают успехи советской промышленности в годы первой пятилетки?

8. Назови страну, которая первой установила дипломатические отношения с молодой Советской республикой. Расскажи, как отражено это событие в советской филателии.

9. «Комсомольская ударная стройка» — эти слова известны каждому школьнику. Расскажи о почтовых марках, посвященных комсомольским стройкам.

10. На какой советской марке Ленин с детьми изображен впервые? К какому периоду его жизни относится изображенное на марке событие? На каких почтовых марках этот сюжет повторяется?

11. «Всемерно поможем почте» — девиз пионерского похода юных ленинградцев, объявленного в 1933 году в газете «Ленинские искры». Расскажи о почтовых марках, выпущенных в честь этого почина ленинградских пионеров.

12. Расскажи, что ты знаешь о Всесоюзной пионерской здравнице «Артек». Назови имя большевика, соратника В. И. Ленина, основателя «Артека». Какие филателистические материалы посвящены «Артеку»?

13. В каком городе и когда был установлен в честь подвигов пионеров-героев в годы войны этот памятник? Когда появилось в филателии изображение этого монумента?

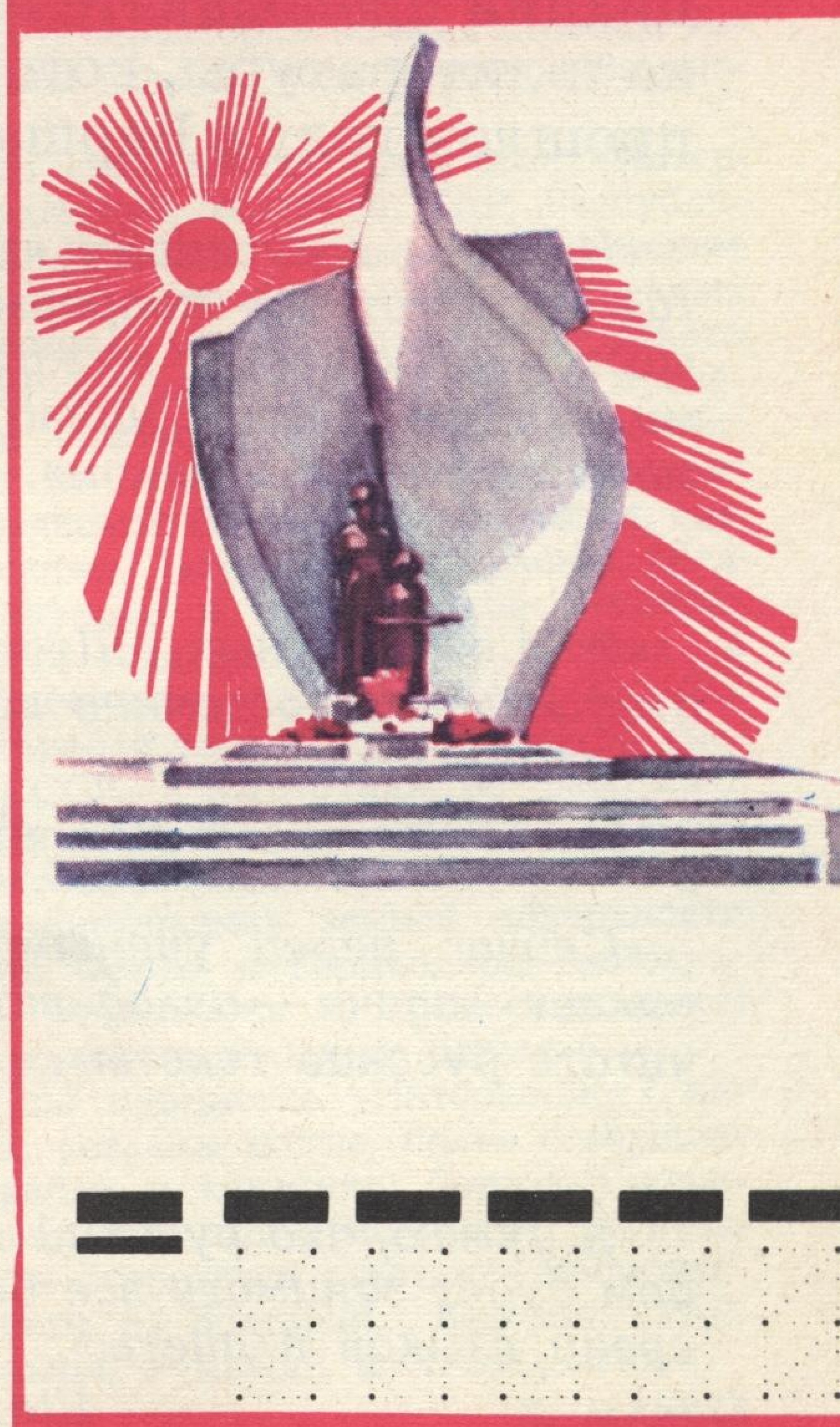
14. Расскажи о почтовых марках и конвертах, посвященных пионерам-героям.

15. На каких почтовых марках мы видим портреты видных деятелей Коммунистической партии, соратников В. И. Ленина, возглавлявших детское коммунистическое движение в нашей стране?

4.

16. Когда и в каких странах были выпущены почтовые марки, изображенные на странице 26? Каким событиям они посвящены?

13.



Яков БОРОВОЙ.

Ведет журналист-международник

Мы учим русский язык

«...я русский бы выучил
только за то,
что им разговаривал
Ленин».

Владимир Маяковский

ДВАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК В ВОСЬМИДЕСЯТИ СЕМИ СТРАНАХ МИРА ИЗУЧАЮТ СЕЙЧАС РУССКИЙ ЯЗЫК.

Это связано с большим интересом к нашей стране, ее успехам в экономике, науке, технике и с тем, что почти половина всех научных книг, издающихся в мире, выходит на русском языке.

«...Русский язык приобретает все больший авторитет на международной арене и вызывает желание овладевать им у миллионов людей планеты»,—говорилось в Обращении Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева к участникам III конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, который проходил в прошлом году в Варшаве.

«Интерес к русскому языку в университетах и институтах непрерывно растет. Развиваются отношения между нашими странами, увеличивается число желающих заниматься русским языком».

К. Зивекинг (ФРГ)

«В Соединенных Штатах за последние двадцать лет постоянно возрастал интерес к русскому языку».

Д. Дэвидсон (США)

«Сейчас перед учеными всего мира возникает задача — овладевать русским, уметь читать русские тексты».

Р. Джака (Индия)

«Я думаю, что русский язык с каждым годом будет занимать все более важное место среди языков планеты».

Шахбаз Салям (Ирак)

Так говорили участники Международного конгресса преподавателей. А годом раньше, в июле 1975-го, в Москву съехались 160 учащихся из двадцати девяти стран. Проходила II Международная олимпиада школьников, изучающих русский язык. Вот что сказали ребята — участники олимпиады:

«Я благодарна русскому языку уже за то, что я здесь, в Советском Союзе, что у меня теперь так много друзей из разных стран».

Алина Бэндковска (Польша)

«В лицее я учу русский язык. Я мог бы учить немецкий или английский — нам давали возможность выбирать,— но я выбрал русский. Почему? Может быть, потому, что мой отец во время войны воевал с фашистами в рядах Сопротивления. С ним вместе сражалось много русских».

Ришар Сеген (Франция)

«Мой папа — летчик. Он учился в Советском Союзе, и в нашей семье всегда отмечают не только праздники нашей страны, но и праздники советских людей. Я учу русский язык, чтобы еще лучше узнать Советский Союз, чтобы дружить».

Аника Шолдовяну (Румыния)

«Как славно, что мы смогли здесь встретиться со сверстниками из многих-многих стран! И мы все хорошо понимаем друг друга, объясняясь по-русски. Я и мои друзья там, дома, много думаем о мире, каким ему быть в будущем. Во имя этого будущего я учу русский язык».

Анджела Джонс (Англия)

«Мы — соседи, Финляндия и СССР. У меня много друзей в Советском Союзе. Я хочу говорить с ними и писать им по-русски».

Хайди Айтамирто (Финляндия)

Тридцать лет ЮНИСЕФ

Около 700 миллионов детей в странах Азии, Африки и Латинской Америки страдают от недоедания и болезней, лишены крова и возможности получить образование. Детям этих стран помогает ЮНИСЕФ — Детский Фонд Организации Объединенных Наций по охране здоровья матери и ребенка, по проблемам питания и просвещения. ЮНИСЕФ был создан в 1946 году решением Генеральной Ассамблеи ООН.

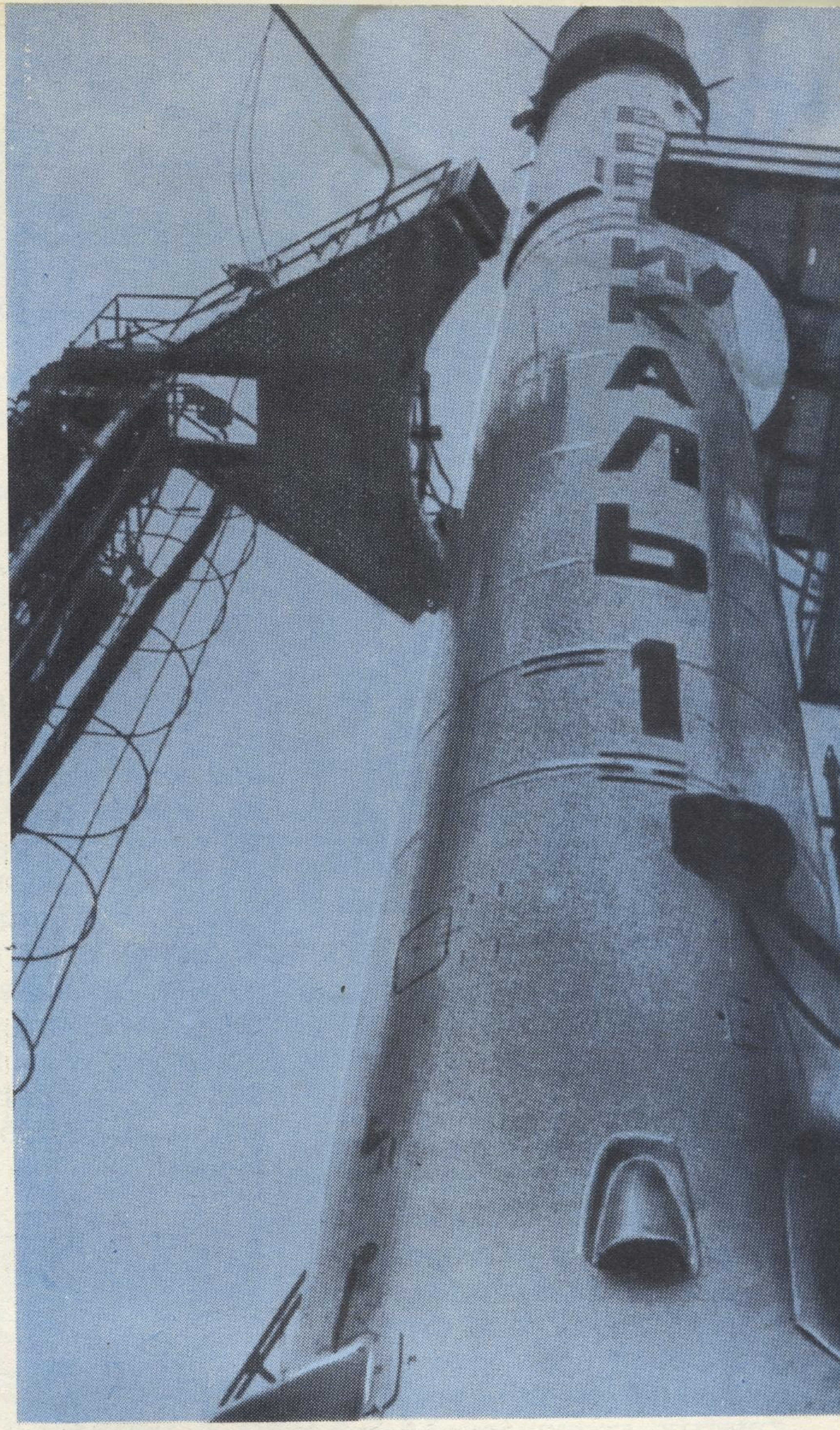
ЮНИСЕФ помогает правительствам 120 развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки защитить детей от голода, нищеты и болезней. Средства, которые ЮНИСЕФ направляет в эти государства, складываются из добровольных взносов стран — членов ООН, общественных организаций и частных лиц.

ЮНИСЕФ
UNICEF

ЮНИСЕФ издает художественно оформленные календари, открытки. На последней странице изданий Детского Фонда можно прочесть такую надпись: «Деньги, истраченные вами на эту покупку, будут израсходованы на медикаменты, продукты питания и учебные принадлежности для детей развивающихся стран».

Советский Союз принимает участие в работе ЮНИСЕФ.

СОТРУДНИЧЕСТВО: НА ЗЕМЛЕ И В КОСМОСЕ



Страны социалистического содружества начали совместные исследования в космосе сразу же после запуска первого искусственного спутника Земли в 1957 году. За полетами спутников было организовано наземное наблюдение из обсерваторий во всех странах, которые являются членами Совета Экономической Взаимопомощи.

Десять лет успешно выполняется программа «Интеркосмос», принятая Болгарией, Венгрией, ГДР, Республикой Куба, Монголией, Польшей, Румынией, Советским Союзом и Чехословакией. Запущено 16 искусственных спутников «Интеркосмос», три геофизических ракеты «Вертикаль». Учеными социалистических стран проведены многочисленные совместные научные эксперименты. Они проходят по четырем основным направлениям: в области космической физики, метеорологии, связи, медицины и биологии. Изучаемые проблемы представляют огромное научное и практическое значение.

23 сентября прошлого года восемь дней работал в космосе экипаж космического корабля «Союз-22». Фотоаппаратуру этого корабля разрабатывали вместе специалисты из ГДР и СССР, а изготовили ее работники народного предприятия ГДР «Карл Цейс Йен». Космонавты Валерий Быковский и Владимир Аксенов во время полета произвели фотосъемку земной поверхности территории Советского Союза и Германской Демократической Республики. Фотосъемка из космоса поможет нашим странам в освоении природных богатств.

Совместная работа по программе «Интеркосмос» непрерывно развивается: созданы новые, более совершенные космические корабли и спутники, бортовая научная аппаратура. И наступит тот день, когда за пультом управления ракеты встретятся советские космонавты и звездные посланцы из Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии и Чехословакии!

С. МАКЕЕВ

У КАРТЫ МИРА

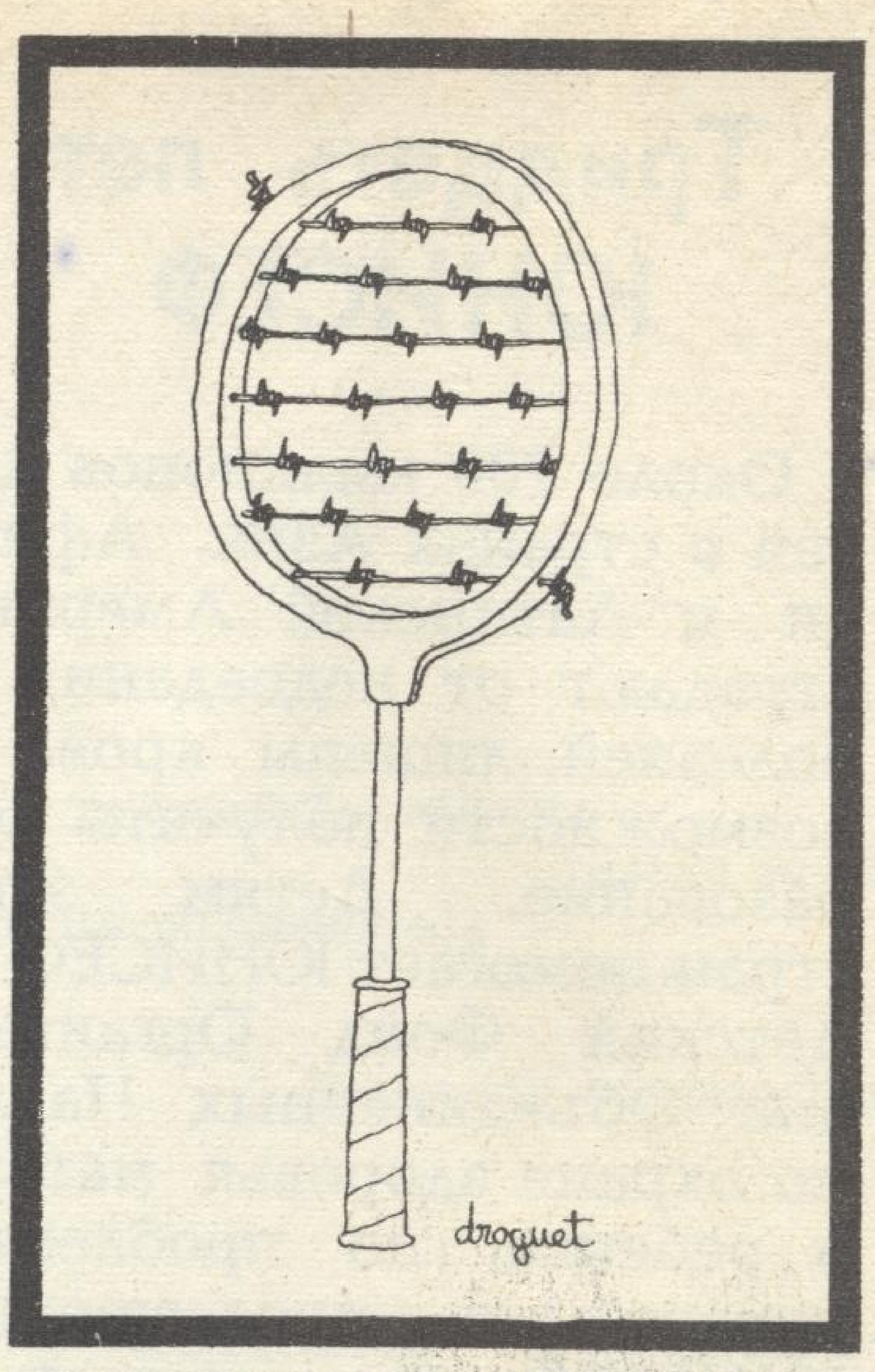
В Индийском океане, северо-восточнее Мадагаскара, появилось новое, сорок восьмое независимое государство Африки — Сейшельские острова. Полтора столетия этой страной, состоящей из множества кусочков суши, густо покрытых тропической зеленью, владела британская корона. Природные условия и климат здесь так хороши, что острова, на которых живет 60 тысяч человек, часто называли «райскими». Но жизнь аборигенов Сейшельского архипелага под властью колонизаторов была далеко не райской. Земля принадлежала богачам, в основном — иностранцам.

Сейшелы — экономически слаборазвитая страна. Торгуют островитяне в основном рыбой, корицей и копрой (высушенное ядро кокосового ореха). Почти все промышленные товары и некоторые продукты питания независимому государству приходится ввозить из-за рубежа.

На гербе Сейшельских островов изображен громадный кокос — плод знаменитой своей величиной пальмы. Ее высота достигает размеров современного десятиэтажного дома. Орехи у такой пальмы, разумеется, тоже немаленькие — весят 20 килограммов.

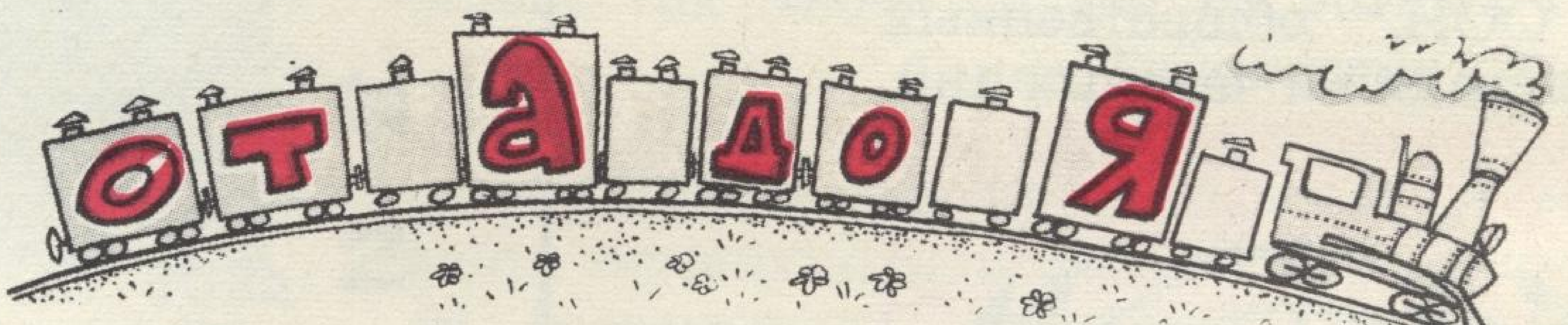
Еще один гигант на гербе страны — огромная, полтонны весом, сухопутная черепаха. Раньше на архипелаге было очень много таких черепах, но потом из-за хищнического истребления они почти полностью исчезли.

Народ независимой страны приступил к строительству новой жизни. Одним из первых государств, признавших суверенитет Сейшел, был Советский Союз. Между нашими странами установлены дипломатические отношения. Советский народ желает успехов маленькому государству, недавно принятому в Организацию Объединенных Наций.



ЗАРУБЕЖНАЯ КАРИКАТУРА

Кровавый режим Пиночета презирают все честные люди мира. Тысяча сто пятьдесят полицейских охраняли... трех чилийских теннисистов, приехавших в Швецию на финал международных соревнований на кубок Дэвиса. Посланцы хунты всячески оберегались от общений с публикой, теннисный корт был обнесен проволочной сеткой высотой в двенадцать метров.



ДИПЛОМАТИЯ — деятельность государств по защите своих прав и интересов за рубежом. Учреждение, представляющее государство за границей, называется посольством. **Дипломатические отношения** — это переговоры, обмен официальными документами, заключение договоров, проведение международных конгрессов и конференций, в ходе которых государства осуществляют свою внешнюю политику.

Советская дипломатия всегда проводила и проводит политику мира, соблюдения суверенитета государств и развития деловых связей со всеми странами.

❄

СУВЕРЕНИТЕТ — полная независимость государства во внутренних делах и в отношениях с другими государствами. Но нелегко молодым и развивающимся странам сохранить независимость: капиталистические державы вмешиваются во внутренние дела суверенных государств, пытаются диктовать им свою волю.

Наша страна признает суверенность любого государства. Конституция СССР гарантирует суверенитет каждой республике, входящей в состав Советского Союза.

❄

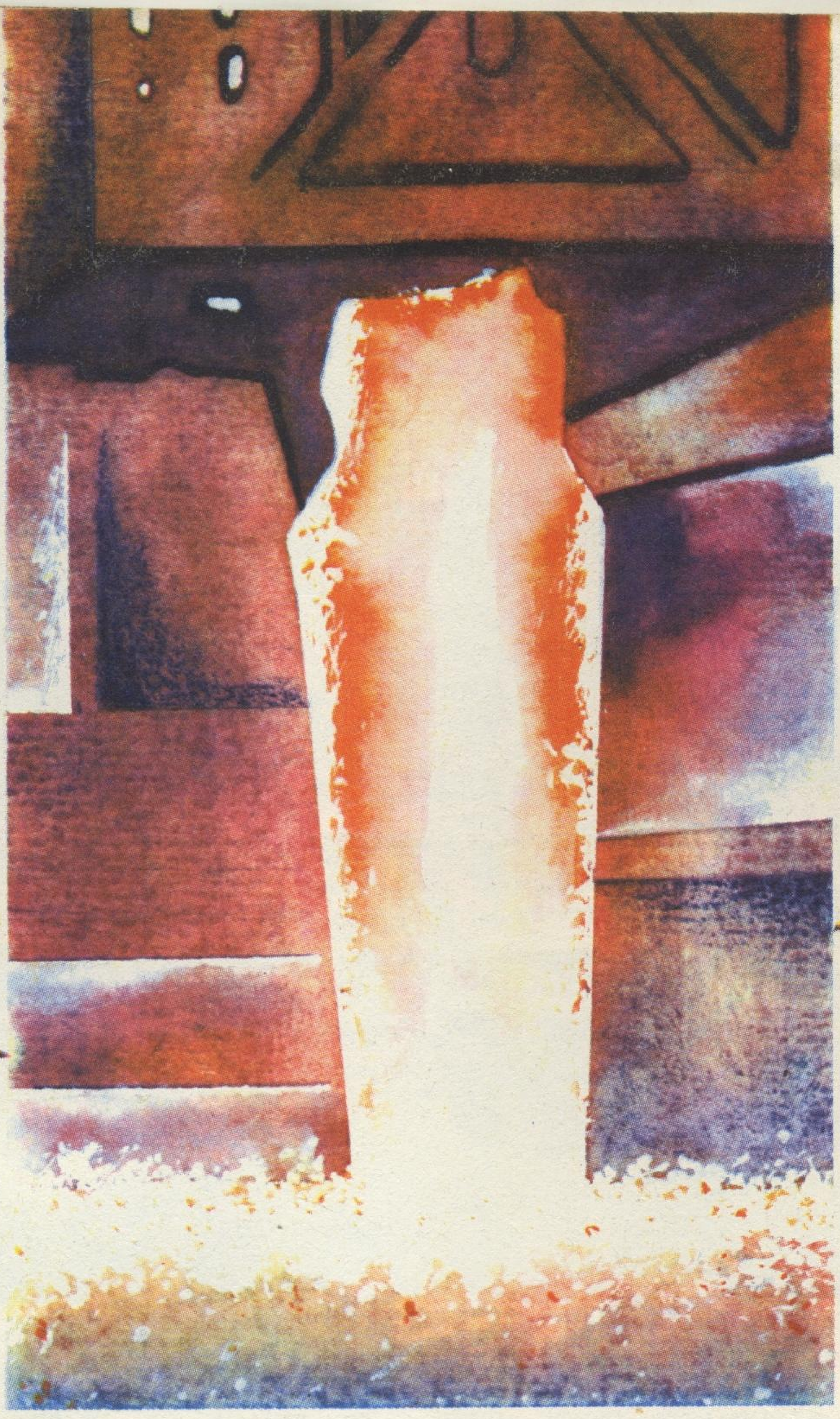
СОВЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ (СЭВ) — эта международная экономическая организация была создана в 1949 году. Ее цель — объединять и направлять усилия социалистических стран в развитии экономики, науки, техники и культуры.

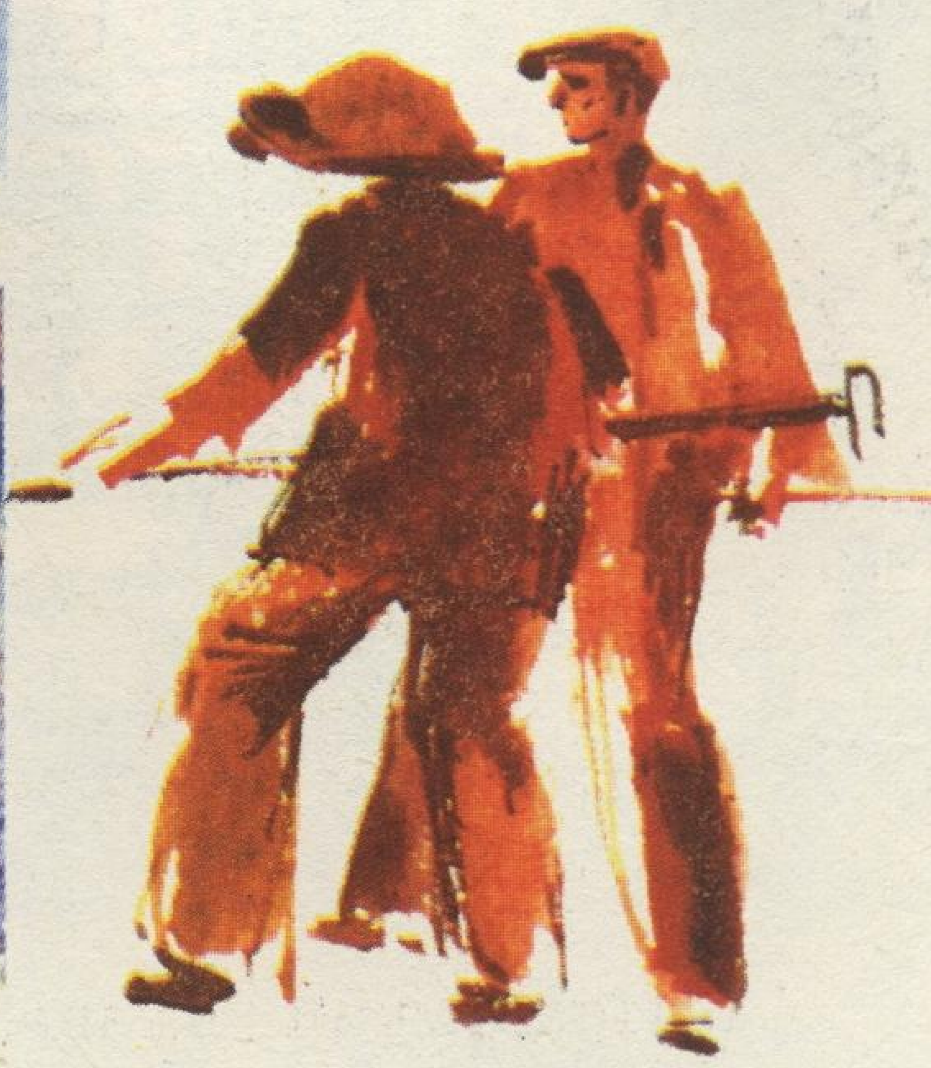
Шесть лет назад была принята и сейчас выполняется Комплексная программа социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. В программу входит и совместное освоение природных ресурсов, и строительство общими силами промышленных предприятий, и сотрудничество между целыми отраслями промышленности социалистических стран.

О совместной работе стран — членов СЭВ в освоении природных богатств Сибири, о строительстве газопровода «Артерия дружбы» журнал «Пионер» рассказывал в первом номере прошлого года.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ — ПРЕСС-ЦЕНТР «ПИОНЕРА» ЖДЕТ ТВОИХ ПИСЕМ С ВОПРОСАМИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ.

МАРШРУТАМИ
ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ





В. АРРО

РАССКАЗ
О ЖДАНОВСКОМ
ЗАВОДЕ
«АЗОВСТАЛЬ»

Люди и металл

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

У этого завода длинное название: ждановский ордена Трудового Красного Знамени металлургический завод «Азовсталь» имени Серго Орджоникидзе. Употребляется оно по торжественным случаям. А в будни говорят о нем коротко — «Азовсталь».

Будни и праздники тут перепутались. Прежде всего потому, что какой бы ни был праздник, завод не останавливается ни на миг. Не может. Не умеет. Не имеет права. Так он устроен.

А во-вторых, потому что среди будней, когда в городе да и в стране все работают, на заводе вдруг грянет праздник. Все ходят, улыбаются и поздравляют друг друга. И срочные телеграммы идут на завод: «Поздравляем с трудовой победой!»

В январе, когда я туда приехал, там случилось сразу два праздника. Ну, во-первых, как и у всех, Новый год. А перед самым Новым годом, буквально за несколько часов до полуночи, там зажгли... нет, не елку, хотя елку, конечно, тоже зажгли, но главное, — там зажгли новую домну (правильней на языке металлургов сказать — задули).

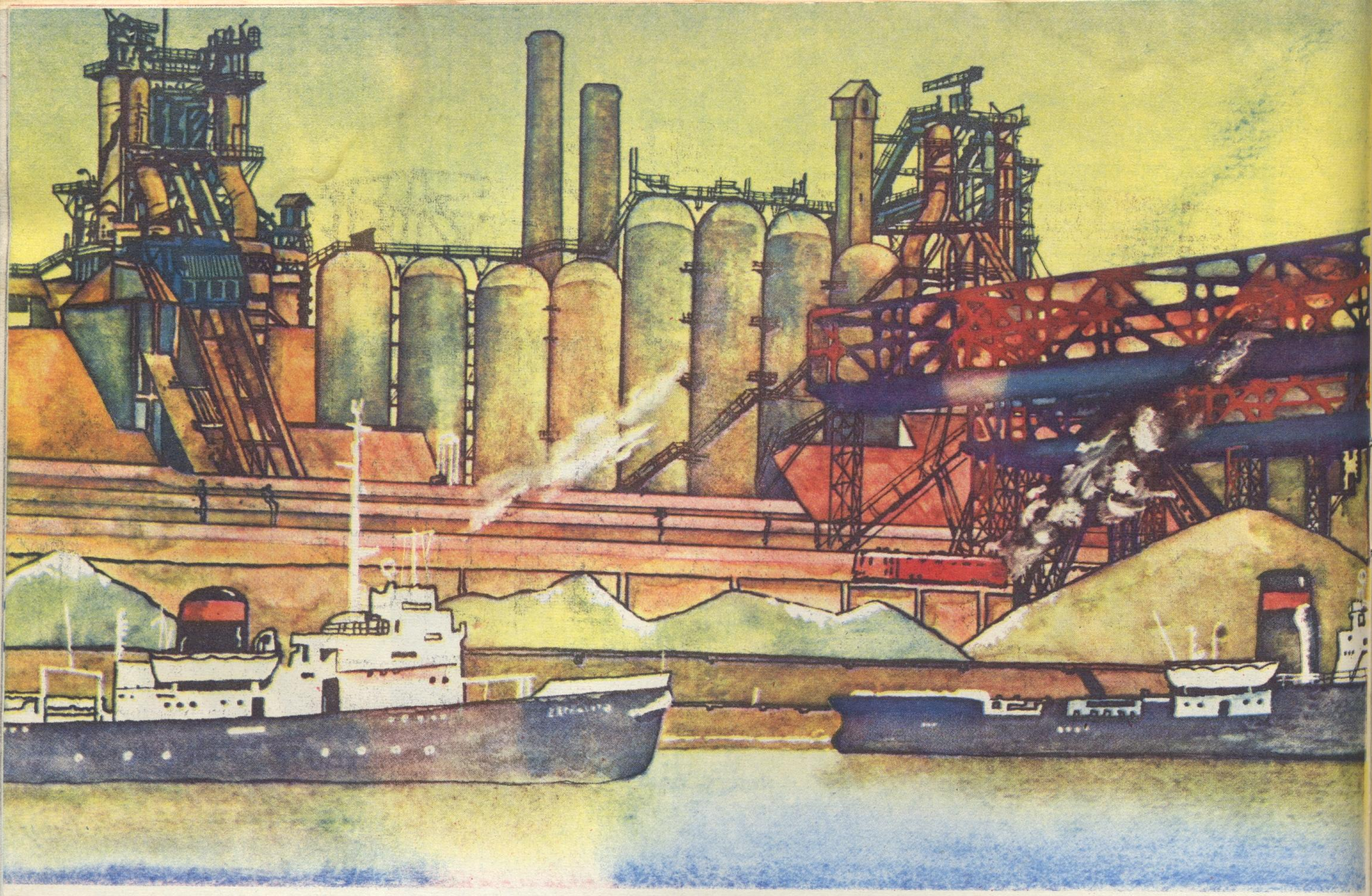
А что значит домна для такого завода, как этот, долго объяснять не приходится. Каждый знает, что в мартеновской печи без чугуна стали не сваришь, а чугун как раз и рождается в домне.

Домна — это колыбель стали, это, если хотите, люлька, в которой ее вынянчивают, и от того, как тут, в домне, идет дело, во многом зависит, какая потом получится сталь.

ТРЕТЬЕ РОЖДЕНИЕ

Утром в неподвижном морозном воздухе, в клубах дыма и пара, в сверкании снежных блестков висят над городом голубые, как бы плоские силуэты доменных печей. Их на заводе шесть. Они главные труженики, они самые рослые сооружения, они, я подумал, самое главное украшение города.

Когда попадаешь в нутро доменного цеха, в эти переплетения трубопроводов, стальных лестниц, балок, железнодорожных путей, когда мимо тебя проплывают чугуновозы, все кругом разноголосо гудит, дышит огнем и паром, — не сразу и сообразишь, где тут домна. И, только проникнув по этому лабиринту на литейный двор, оказываешься возле ее основания. А сама она, до-



Здесь, на берегу реки Кальмиус,
и раскинулся комбинат «Азовсталь».

менная печь, необъятная, исполинская, крутобокая Домна Ивановна, уходит под крышу, а далее — в небо.

Домна номер четыре, которая в те новогодние дни наделала столько шуму, рождалась три раза. Горновой Володя Степанов, уважительно поглядев в ее сторону, сказал:

— У-у, эта печь столько пережила!..

И он рассказал мне, что она, как и он сам, родилась перед Великой Отечественной войной. Но поработать ей много не удалось. В Мариуполь пришли враги. В горн печи они заложили авиабомбы и крупные заряды взрывчатки. От мощного взрыва печь содрогнулась, ушла в сторону на полтора метра и осела.

Когда в сентябре сорок третьего года советские люди вернулись на «Азовсталь», они обнаружили вместо завода одни развалины.

Четвертую домну нужно было разбирать и на ее месте строить новую. На это ушли бы годы.

Металлургические фамилии

Если верить фамилиям, то большинство человечества только и делает, что выплавляет, кует, обрабатывает металл. Чаще всего на земле встречается фамилия, производная от слова «кузнец». Кузнецовых у нас, правда, не так уж много — они всего на третьем месте после Ивановых и Смирновых. Но на помощь Кузнецовым спешат целые толпы Ковалевых, Ковалевских, Коваленко и Ковалей!

Ну, а на западе, как известно, самые распространенные фамилии Смит или Шмидт — а это, оказывается, в переводе не кто иные, как Кузнецовы!

А хотелось скорее выдавать металл, чтобы добить фашистского зверя в его же логове. Три смельчака — инженеры Мамонтов, Каминский и Крупенников — предложили дерзкий проект: не демонтировать старую печь, нет, и не строить на ее месте новую, а ту, раненую печь, трудное дитя пятилетки, поднять на домкратах и передвинуть на прежнее место.

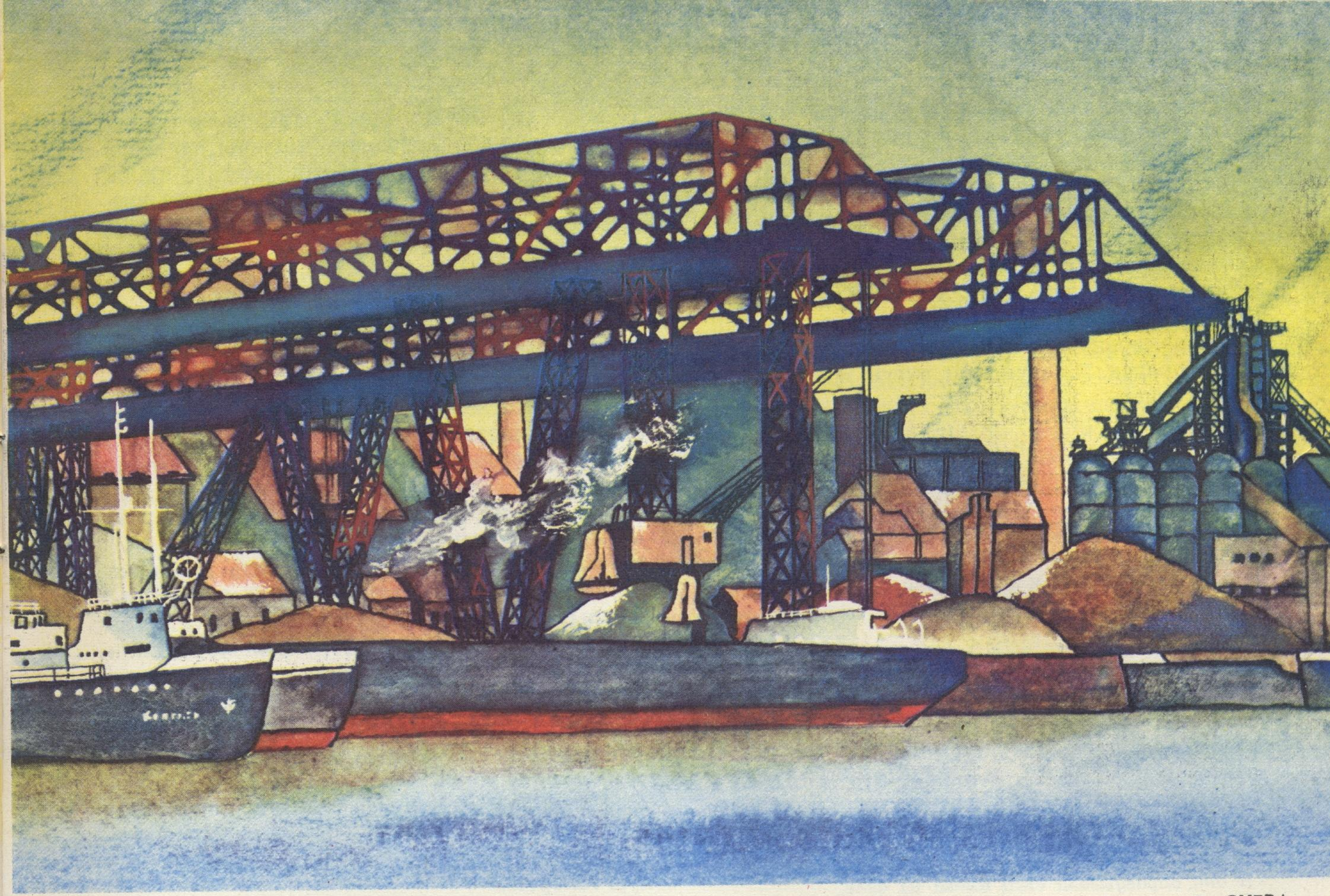
За восемнадцать дней эту невероятную работу сделали. Но до того дня, когда домна окончательно ожила, прошло еще много времени...

Двадцать девять лет после войны печь без остановки работала и дала за это время 16 миллионов тонн чугуна.

Но постарела. Не держала температуру. Отстала от жизни. И решено было ее в третий раз родить. Теперь действовали иначе. «Старуху» тридцатилетнюю разобрали. Двести вагонов днем и ночью таскали ее потроха: битый кирпич, глыбы, углеродистые блоки... И так десять суток.

А тем временем ровно в тридцати четырех метрах от старой печи строили новую. Хороша получилась домна — семидесяти двух метров ростом, почти двенадцати тысяч тонн весом, не домна, а целый дом, да только не на месте поставлена, где-то даже в стороне от цеха.

Так и было задумано. Все шло по плану. В условленный час два машиниста у мощных лебедок — Коновалов и Евтушенко взялись за ры-



Рисунки О. ЗУЕВА

чаги. И поплыла домна, поехала со своим содержимым. Полтора часа она ехала, пока люди ей не сказали: здесь тебе и стоять. Остановили ее ровно на том месте, где стояла предшественница. Так домна номер четыре в новом обличье вернулась в строй.

Дальше шло все как обычно: загрузили железную руду, кокс, другие шихтовые материалы, задули горячий воздух и стали ждать чугуна.

— Ну, и когда дождались? — спросил я у Володи Степанова.

— Нет, мы не дождались, — засмеялся Степанов. — Мы задували, а к полночи наша смена кончилась. Как раз успели к встрече Нового года. А чугун принимала другая бригада, Виктора Деревянко. В пять сорок летку открыли, так что утром пошел чугун, на шестом часу нового года...

ЧУГУН ИДЕТ

На широком литейном дворе работали горновые. Один из них подбурил бормашиной летку — двухметровой толщины пробку из огнеупорной глины. Но этого оказалось мало — прожгли еще кислородом.

И тут зазвенел звонок, требуя очистить двор.

В нижней части домны что-то засветилось, прерывисто зашипело, какое-то багровое колыхание прошло, потом бледные искры выскочили на коротких тугих траекториях — и стало уже ясно: что-то там грозное созрело, и просто так не окончится, и все еще впереди...

Отошел в сторону и последний горновой.

А из пробитого отверстия повалил дым — то пурпурный, то вдруг оранжевый. Искры сквозь него летели снопом и, мелькнув холодным бенгальским огнем, рассыпались. Вмиг стало тяжело дышать, сверху на нас посыпались черные блестки.

— Чуете? — спросил старший горновой Владимир Степанович Гладырь. — То домна серой на вас дышит.

И вот, сопровождаемый все новыми залпами искр и разноцветным метанием дыма по желобу, решительно выкатился огненный язык. Он добежал до глиняной перемычки и затаился. А сам стал наливаться, толстеть, белеть и урчать от злости, что дальше его не пускают. Но задержка эта была кратковременная, и белый дрожащий язык пошел вылизывать желоб. Металл тонким пока ручьем пролился вниз, в специально подъехавший ковш. Тем временем домна всю себя изливала, и в прожженное металлом отверстие, как из вулкана, вырывался кипящий поток.

Шел чугун — основа основ, первая строка любого плана.

Горновые в широкополых шляпах, отгородившись прозрачным забралом, стерегли поток, помогали ему, направляли его к ковшам. Внизу, на железнодорожных путях, уже несколько раз поменялись чугуновозы, а металл все шел, и сила и жар его не ослабевали. Он обрушивался

вниз тяжелой рекой и кипел в ковше, окутанный клубами не то дыма, не то тумана.

Через полчаса Гладырь скомандовал: «Пушку!». Коротким округлым движением проплыла пушка, выстрелила прямо в горн двухметровым зарядом огнеупорной смеси и отпрянула. Все вокруг мигом померкло. Стало темно. По черной окалине желоба катились последние белые шарики. Горновые, как цирковые служители, готовили «арену» к следующему выпуску, наводили порядок. Следующий чугун ждали через полтора часа.

СТАЛЬНЫЕ СТРАСТИ

Тот чугун, который сварили мои знакомые доменщики, в специальных чугуновозах, погромыхивая на рельсах заводской железной дороги, на малой скорости поехал в мартеновский цех.

Не только названия

Сталь варят по разным рецептам. Что положишь в нее, то и получается. До революции русским маркам стали присваивали такие названия:
«ПОБЕДА», «УСПЕХ», «ПРОГРЕСС», «СВЯТОГОР», «ВИТЯЗЬ», «СИЛА», «ВОИН».
И они оправдывали свои имена на деле.

Сибирские древности

На Севере, где живут ханты, в дремучем неприветливом Васюганье, в краю бесконечных болотных топей, на берегу озера Тух-Эмтор, археологи обнаружили... остатки металлургического производства. Вот этого они не ожидали. Ну, изделия из кости, ну, из дерева—это понятно. А тут чаши, тигли, в которых плавился металл, а тут формы для отливки оружия и украшений!
И жили эти металлурги в двухтысячном году до нашей эры.

Уж как там гудело и полыхало! Дьявольский бледно-желтый огонь рвался из-под восьмидесяти четырех заслонок и грозно ревел. Двенадцать сталеплавильных печей, выстроившись в ряд посредине бесконечного цеха, вели себя буйно, но строго по графику. Одна, раскрыв зев, принимала от завалочной машины известняк и металлический лом. В другую мостовой кран, наклонив ковш, разбрызгивая искры, заливал огненно-жидкий чугун.

В окно третьей печи, сгорая от жара, сунулась тележка с длинным висячим хоботом — термопарой. Сунулась, измерила температуру, хобот аж побелел — еще бы: в печи почти 1700 градусов! Четвертая печь, повинуясь дистанционному управлению, наклонилась, сливает шлак в стоящие внизу шлаковозы.

А всем этим — и завалочными машинами, и мостовыми кранами, и термопарой, и шлаковозами, а главное — самими печами командуют сталевары.

Потому что ничего просто так здесь не делается, а каждое движение машины, прибора или человека подчинено одному — плавке стали. Чтобы той самой марки, чтобы в то самое время, чтобы высокого качества. И голова всему — сталевар.

Мы со Славянским, мастером газового хозяйства, дошли до печи номер девять.

— Вот, кажется, готовятся к выпуску.

Подручный сталевара длинной ложкой доставал последнюю пробу.

— Знакомиться не советую, не заметят, — сказал Славянский. — Я вам и так скажу: здесь работает знаменитый Герой Труда Григорий Горбань.

И Славянский, протянув мне свои синие очки, принялся комментировать:

— Вот сейчас они сливают сталь из ложки на чугунную плиту. Если приварилась — готова. Приборы приборами, а сталевар чувствует печь всем своим нутром, он знает, сколько, чего и когда ей дать, чтобы не застудить металл, чтобы сварить его точно по рецептуре, особенно Григорий Яковлевич. О-о, это áкадемик в своем деле! Президент Академии ему Государственную премию вручал...

Тем временем главные события переместились на другую сторону печи — в разливочный пролет, и мы, обогнув весь цех, вышли на высокую галерею.

Внизу по стальным рельсам пятился состав с изложницами. А большой ковш, ожидая своей добычи, опустился вниз не спеша, потихоньку, потому что никаких решительных команд еще не было.

И вдруг на площадке появились сразу несколько человек, и с ними Горбань. Он махнул рукой подручному. Славянский комментировал:

— Дана команда: «Выпускай!». Ну, теперь внимание...

Отверстие прожгли кислородом и тут же пробили. Сначала появился робкий розовый свет, как первый вестник зари, потом все кругом стало наливаться красным, густеть — и вот из отверстия вырвалась сталь, хлынула по желобу вниз. Посыпались искры, вскинулся пар — и пошла, и пошла сталь водопадом!

Я наблюдал за Григорием Горбанем все это время. Он делал ту же трудную работу, что и другие, да и ничем особым не выделялся среди подручных — так же свистел, жестикулировал, покрикивал, утирал соленый пот, щипавший глаза, заслонялся рукой от жара и пламени, хватал, если нужно, длинную штангу или лопату, а потом, позже, собрав в комок все свои мышцы, волю и терпение, припадал к завалочным окнам, к этому сухому беспощадному пеклу, продувая свою печь кислородом. Делал он это самоотверженно, страстно, уверенно.

И этого сталевара, рабочего человека, члена ЦК КПСС, когда в Москве решаются государственные вопросы, просят оставить печь и приехать на несколько дней в столицу. Да и работа у него государственная. Заказ у цеха простой и понятный — рельсы для БАМа.

ПРОКАТ

Я был в рельсопрокатном и видел уложенные в пачки целые километры железной дороги, но на «Азовстали», если речь заходит о дальнейшей судьбе металла — о прокате, надо идти совсем в другой цех. Это знаменитый листопрокатный, гордость азовстальцев.

3600 миллиметров — 3 метра 60 сантиметров — вот какой ширины лист можно прокатывать на этом стане. То, что сделали монтажники на строительстве стана, равного которому у нас не было, называют подвигом. Имена их навечно остались на главном фасаде здания. А первый лист длиной восемь метров, шириной — три, прокатанный 16 июня 1973 года, установлен на главной заводской площади как памятник.

Когда попадаешь в один конец этого ажурного, пронзенного солнечными лучами цеха, то другой его конец едва различим. Четкие линии стальных конструкций, уходя в перспективу, сближаются, вытягиваются в нескончаемый конус. И на всем полуторакилометровом пространстве тысячи тонн сложнейшего оборудования. А за пределами цеха своя электрическая подстанция, свое водохранилище, свои железнодорожные станции. Да нет, это не цех, а целый завод!

Как же там все происходит?

Всем верховодит тут автоматика.

Металлический слиток по имени «сляб», нагретый добела, попадает на рольганг и катится по нему, катится, пока не исчезнет в черной клети по имени «кварто», и скоро выныривает из нее в обличье плоского длинного листа.

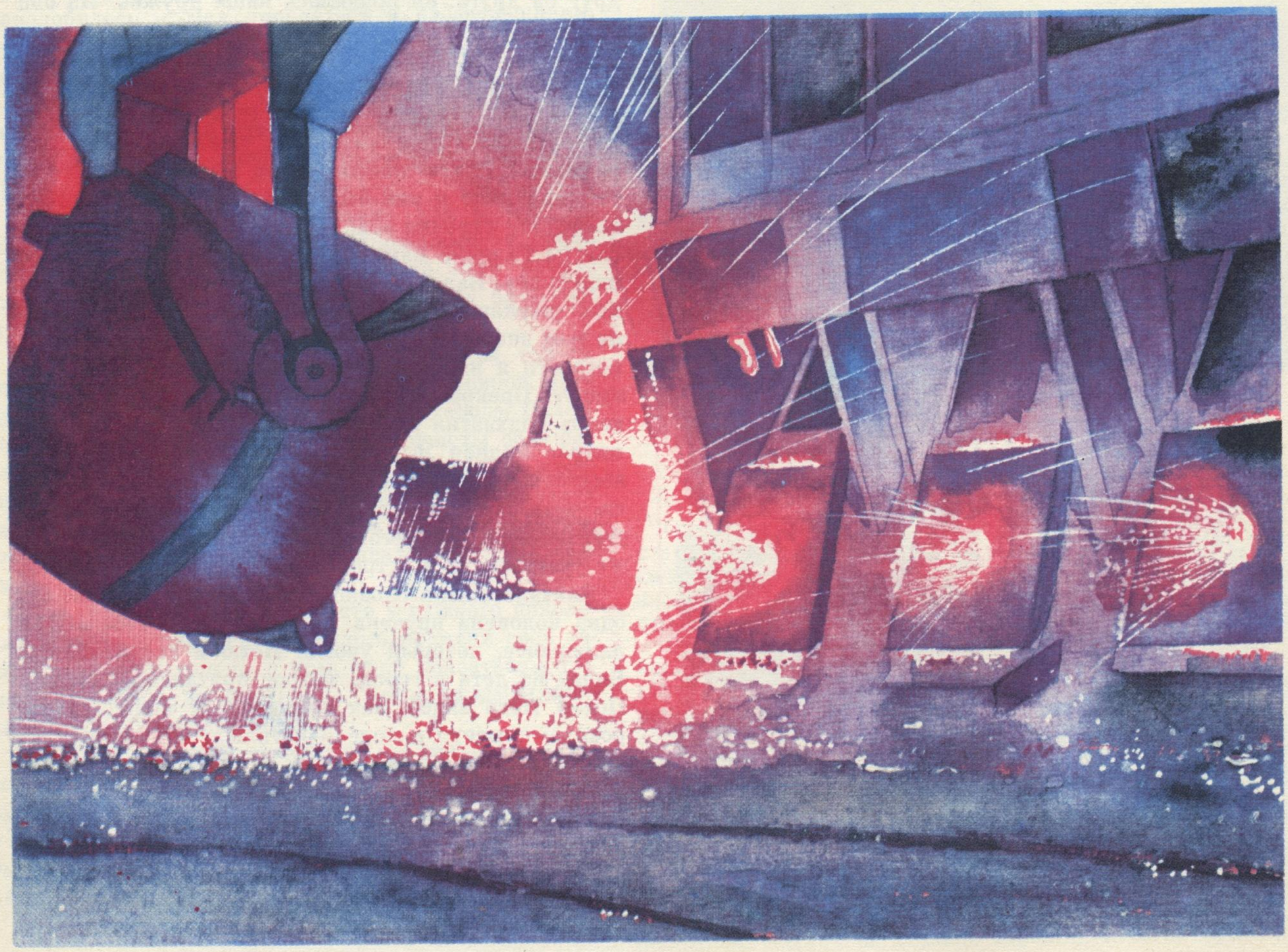
По рольгангам лист ползет дальше, на другие узлы, где его режут с точностью до миллиметра, закаливают в печи, просвечивают рентгеном, рассматривают глазами в упор, зачищают, подвергают лабораторному анализу и, наконец, складывают. На каждом узле из стеклянных кабин за всем наблюдают, всем управляют спокойные, мудрые операторы — хозяева этого цеха.

У каждого стального листа своя судьба, свое назначение: один станет корпусом корабля, другой — частью сельскохозяйственной машины, третий — железнодорожным вагоном или цистерной.

Люди будут кроить, выгибать его, сваривать с другими листами, красить, оберегая от ржавчины, и доверять ему свой труд и свою жизнь.

Он выдержит все, оправдает свое назначение, потому что он крепок не одной лишь металлической сутью, а умением, страстью, талантом людей, которые его сделали.

Собрав в единый комок мышцы, волю и терпение, варят металл сталевары.



Общество книголюбов

Из листка отзывов

У меня две любимые книги: «Динка» и «Динка прощается с детством» Осеевой. Почему они любимые, вы поймете из листка, вложенного в письмо. Этот листок я вытащила из книги «Динка прощается с детством», когда ремонтировала ее. Вложила новый, чистый листок отзывов, а этот посылаю вам.

Ольга Молчанова, 7-й класс,
г. Красноярск.

Книга очень хорошая, советую прочитать ее, чтобы лучше понять свое детство.

П. А.

Замечательная книга. Никто, кроме В. А. Осеевой, не мог так чисто описать все детство и юность.

В. Р.

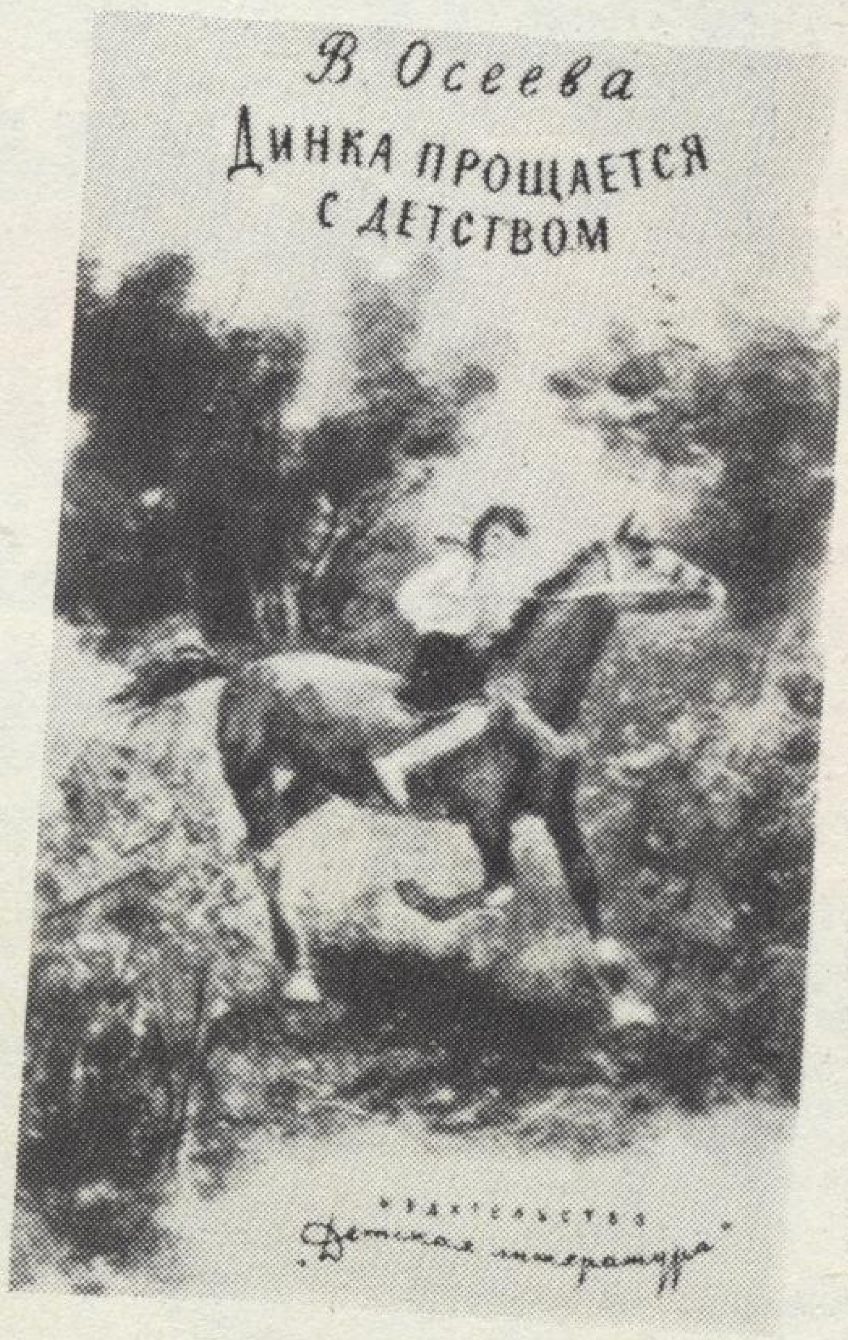
Если хочешь быть настоящим человеком, будь таким, как Динка и Ленька.

Н. Ч.

Моя любимая книга — «Динка прощается с детством». Ленька и Динка — самые хорошие люди на земле.

Проходят годы, века, а книга живет, радует, волнует, если это хорошая книга. Книги «Динка» и «Динка прощается с детством» читало много поколений. Динка, Мышка, Хохолок, Леня стали нашими верными друзьями, мы мечтаем быть похожими на них, но оставаться собой. Я уже второй раз читаю эту книгу, первый — в десять лет, а второй—в четырнадцать.

Оля М.



Однажды в детстве

О ВЕРНОЙ ДРУЖБЕ

Какая подружка была у меня во втором классе— Галя Ляпкало! Обгоревшая дочерна под южным солнцем, худенькая, как спичка, ужасно справедливая, с такими быстрыми глазами, решениями, поступками. Мы вместе возвращались из школы, вместе покупали на углу у лоточницы конфеты, часто одну на двоих, и тогда откусывали по очереди, до черты: она, потом я. Галкина мама кормила нас борщом и убегала на работу. Она никогда не сердилась на нас, не говорила, что мы плохо влияем друг на друга: ей нравилась наша дружба. Из библиотеки она приносила нам книги.

Мы садились на балконе, тесно сдвинув колени. На эти общие колени клали книгу и читали. И та, что кончала страницу быстрее (обычно это была я), заглядывала в лицо читавшей: уже? Можно переворачивать? И так приятно было ждать, смотреть на Галкино лицо и как бы снова вместе с ней читать последние строчки или думать о прочитанном. Однажды Галкина мама принесла нам «Белеет парус одинокий» Валентина Катаева. И сразу море, синее, сверкающее, как магний (вспышки магния были нам знакомы по посещениям фотографии), море, которого я никогда прежде не видела, залило все вокруг. Прекрасный, яркий, как карусель, бешеный вихрь подхватил нас. И встал перед нами красавец матрос Родион Жуков, революционный матрос с восставшего броненосца «Потемкина». И два мальчика, чуть постарше нас с Галкой, самую малость постарше, скрывали его от шпиков и городовых, даже участвовали в устройстве его побега из тюрьмы.

Вначале жизнь словно была разорвана надвое, и одна половина вручена Пете, другая — Гаврику. В дилижансе, который увозил Петю и все семейство Бачей из лета в город, матрос прятался от солдат. Потом Петя видел, как он удрал от шпиков с парохода: прыгнул в море — и уплыл. А Гаврик и дедушка подобрали матроса и спрятали в своей хибарке. Петя заметил сыщика на пароходе, а у Гаврика этот сыщик захотел выведать все про бежавшего, и задабривал его, лимонадом угощал, а Гаврик его все равно обдурил. Шпика, для которого сыскное дело было профессией!..

А потом два разорванных надвое «куска» жизни дружба мальчиков соединила, спаяла в одно: и они вместе пробирались по осажденному казаками городу, носили патроны на баррикады, участвовали в маевке, хоронили дедушку Гаврика и провожали в море шаланду, на которой уплыл матрос: «Ты не плачь, Маруся!»

Какая это была дружба! Само название повести «Белеет парус одинокий», грустное слово «одинокий» только подчеркивали силу этой необычной дружбы, которая столько раз выручала героев.

Петька был понятнее, ближе, обычнее, что ли, с таким нетерпением он ожидал от жизни радостей, с таким азартом ввязывался в любую игру, он мог прихвастнуть, влюбиться... Слабости его были знакомы мне. И потом он был домашний мальчик. Справедливая Галка не могла простить ему, что он увлекся тетрадочками, резиночками, пеналом и совсем забыл о Гаврике, а ведь у Гаврика дедушка сидел в полицейском участке, дедушку били!

Зато Гавриком мы восхищались обе. В присутствии Гаврика вещи теряли свою привычную оболочку: в гимназической фуражке обнаруживался стальной обруч, городовой превращался в «дракона», за нарядной Одессой открывалась рабочая. Мы чувствовали это столь же остро, как и Петя. Все в Гаврике удивляло: взрослая уверенность в поступках и взрослая умелость, храбрость, умение хранить тайны. Но ведь и домашний Петя, когда понадобилось, сумел пробраться к забастовщикам, пройти под пулями через заслоны солдат и передать патроны.

Я старалась читать чуть медленней, чтоб не забегать вперед, чтоб идти с Галкой вровень, и каждая прочитанная страница была как клятва в дружбе.

Как мы завидовали мальчикам! Как огорчались тем, что наш город такой обыкновенный, а наша жизнь проста как ясный день. Что лето вокруг пахнет борщом и перцем, и малыши под балконом играют в «штандер».

Только одна зима отделяла нас от войны, той самой, которую назвали Великой Отечественной. Нам будет ровно столько же лет, сколько героям Валентина Катаева, когда фашистские самолеты обрушат бомбы на наш город, и мы будем заклеивать крестами бумаги окна, стоять в бесконечных очередях за хлебом, помогать раненым в госпиталях, чем сможем: писать письма, сворачивать папиросы, читать газеты...

В те годы я еще не знала, что у каждого поколения есть свой экзамен, у каждого времени своя задача, все дело только в том, чтоб оказаться готовым, оказаться во всеоружии, когда экзамен придет. А придет он непременно!

И сейчас я думаю: если б мы не умели дружить, если б не бросались друг другу на помощь, на выручку, если б нас не научили думать прежде всего о другом, о том, кто рядом с тобой, разве смогли бы мы выстоять в этой войне, выстоять и победить.

Инна АНДРЕЕВА

Я полюбил животных и растения

Моя любимая книга — «Маленькие дикари». Ее написал канадский писатель Э. Сетон-Томпсон. Как я знаю, книга эта о детстве Сетона-Томпсона. Это очень хорошая книга. Я очень люблю играть в индейцев, и, сколько я живу, у меня всегда было много друзей по играм. У меня были лук и стрелы.

Эта книга привила мне любовь к животным и растениям, я все время хочу наблюдать. Эта книга научила меня многим вещам, о которых я раньше не знал. Мне понравились ее герои: Ян, Сэм, Калеб, Гай. И еще я научился писать стихи о растениях и обо всем другом, и все благодаря этой книге и стихотворению Яна о пустельге.

Вот отрывок моего стихотворения:

...И березка белая
Есть в моем дворе.
Каждый день березка
Плачет о весне.
Вспомнит солнце ясное,
Почерневший снег
И детей, играющих
Утром без помех.

Конечно, это не очень хорошее, но все-таки стихотворение.

**Саша Алтухов, 12 лет,
поселок Северный,
Краснодарский край.**

ТАИНСТВЕННАЯ КНИГА

Однажды я копался на чердаке — там лежали старые, потрепанные книги — и наткнулся на книгу. Она начиналась не с первого листа. Я искал название и не нашел. Тогда я начал читать и не смог оторваться.

Большой надувной шар, к которому прикреплена корзина с людьми, летит над океаном. Начинает спускать воздух, люди должны погибнуть в бушующей стихии, но они выбрасывают все, что было в корзине, и шар радостно взмывает вверх. Проходит несколько часов, и шар вновь начинает терять высоту. И тогда один человек, чтобы спасти своих товарищей, бросается в ревущую воду, и она быстро глотает его. Шар, почувствовав облегчение, долетает до острова...

Я так зачитался на чердаке, что не заметил, как стало темнеть. Я взял книгу домой и продолжал читать ее дома. К большому моему сожалению, в некоторых местах не хватало страниц, и тогда при-

ходилось расставаться с героями книги в самые напряженные моменты.

Остров, на который попали люди, обволакивается дымкой тайны.

Тот человек, который ради товарищей бросился в океан, чудом остается жив и тоже попадает на остров. Вначале людям на острове было плохо. Они боролись с силами природы. Но вскоре они обжились и изучили остров. Затем они строят лодку и отправляются на ближний архипелаг. Там они находят дом, в котором раньше кто-то жил, и потом встречают человека, обросшего волосами и превратившегося в зверя. Он не может говорить, так как отвык от человеческой речи. Начинается их борьба за человека. Они берут его с собой и начинают учить отдельным словам, а затем и предложениям. Они ему обрезали волосы, и тот, живя среди людей, стал опять человеком. Он рассказал, что был пиратом и его за разбой сослали на пятнадцать лет на остров.

К острову пристает пиратский корабль. Смертельная угроза нависла над мирно живущими людьми. Но неведомая сила взрывает корабль и уничтожает всех пиратов.

Мне очень нравится читать такие книги, потому что не знаешь, что произойдет дальше и каждая страница хранит в себе тайну. Когда читаешь, то забываешь, что сидишь на стуле, полностью уходишь в жизнь книжных героев и уже каждое несчастье принимаешь как свое собственное. Идет дождь, книжным героям некуда скрыться от него, тебе становится холодно вместе с ними, и тебя бьет дождь по рукам и лицу. Но зато, когда у них радость, ты ликуешь вместе с ними. Я не знаю, как это объяснить, наверное, это закон природы. И когда дочитываешь книгу, тебе даже становится грустно расставаться с ее героями. За то время, что ты читал книгу, они стали тебе как хорошие товарищи.

Саша Сапрыкин,
с. Дубовец, Липецкая область.

До чего же увлекательную книгу отыскал Саша на чердаке!

Может быть, вы знаете, как она называется и кто ее написал?

О волшебном городе, веселом человеке и удивительной собаке

Наверное, нет на свете таких людей, которые не любили бы сказку. Да еще такую веселую и мудрую, как повесть-сказка «Фердинанд Великолепный». Написал ее польский писатель Людвик Ежи Керн. В 1968 году книга вышла у нас в издательстве «Прогресс», и вы можете найти ее в библиотеке.

Ежи Керн живет в Кракове. Краков—волшебный город. Над Вислой на высоком холме стоит опоясанный толстыми крепостными стенами старинный замок — резиденция польских королей.

Каждый час над уютными улицами города, над старинными домами с черепичными крышами разносится тревожный звук трубы и замирает на самой высокой ноте. С башни Мариацкого собора уже много веков подряд звучит этот сигнал.

Во время татарского нашествия, когда захватчики подошли к стенам Кракова, трубач подал с башни собора сигнал тревоги. И в этот момент стрела врага сразила трубача...

В память о музыканте, предупредившем город об опасности, с башни Мариацкого собора каждый час раздается сигнал трубы и обрывается так же внезапно, как много веков назад.

На старой площади около Мариацкого собора, рядом с памятником Адаму Мицкевичу, в канун Нового года устраивают предпраздничный базар: множество лотков, а на них нарядные елочки, елочные игрушки, краснощекие Деды Морозы, смешные чертики, аппетитные расписные пряники, жареные орешки и другие вкусные вещи.

И тут же на площади выставка замков. Один прекраснее другого, в два-три метра высотой замки из папье-маше, обклеенные золотой, серебряной, алой и зеленой фольгой. А в замках — своя кукольная жизнь: разодетые кавалеры и дамы в пышных платьях под цветными зонтиками, слуги, лошади, кареты...

Вот в такой праздничный день мы встретились с Ежи Керном. Я представляла его себе старым человеком с бородой, а он оказался молодым и веселым. Керн шел мне навстречу, и рядом с ним шел пес — боксер по имени Факир, очень похожий на Фердинанда, такой же вежливый и воспитанный. Вы, конечно, помните Фердинанда — это удивительный пес. Он благороден, обаятелен и доверчив, и потому с ним все дружат.

Керн рассказал мне, что вот уже тридцать лет работает в отделе юмора краковского еженедельника, что у него вышла книга стихов для детей. По просьбе читателей Керн написал продолжение повести о Фердинанде, с которым так подружились ребята. Называется она «Проснись, Фердинанд!». Главы из этой книги печатались в 1972 году в журнале «Пионер».

А еще Керн сказал, что он часто встречается с ребятами, и они задают ему самые неожиданные вопросы: должен ли поэт знать все свои стихи наизусть? Как воспитать щенка хорошим и добрым? Почему Ежи Керн написал книгу о собаке? А те, кто читал вторую книгу, интересуются, можно ли на самом деле выращивать зонтики? (В сказке есть глава, где Фердинанд попадает в мастерскую, хозяин которой выращивает волшебные зонтики.)

— Как же вы отвечаете ребятам? — спросила я Керна.

Он улыбнулся и сказал, что отвечает так: если стихи плохие, то помнить их не обязательно; характер щенка чаще всего похож на характер хозяина, расти сам добрым, послушным, веселым, и щенок будет таким же. Книгу о Фердинанде он написал потому, что очень любит животных и хочет, чтобы некоторые ребята коечему поучились у Фердинанда. А зонтики, они вырастут только тогда, когда непрестанно идет дождь. Если он хоть на секунду прекратится, зонтик ни за что не вырастет...

Книги Людвика Ежи Керна читают все — и взрослые и дети, читают не только у него на родине, в Польше, но и в Советском Союзе и во многих других странах. И, читая их, даже самые хмурые люди улыбаются.

Н. ЕЛИСТРАТОВА

г. Краков.

Начиная Новый год, наша «Переменка» прежде всего заявляет, что в ближайших нескольких строчках она будет совершенно серьезной. И не ищите в столь официальном заявлении никакого подвоха. Нет никаких шуток! А зачем это вдруг «Переменке» понадобилось? Сейчас объясним. Оказывается, некоторые ребята думают, что в разделе «Лети с приветом—вернись с ответом!» мы отвечаем на письма не в шутку, а всерьез. В результате одна девочка стала серьезно утверждать, что А. П. Чехов был не только писателем и врачом, но и физиком-атомщиком (см. «Переменку» в журнале «Пионер» № 7), а другой мальчик никак не может понять, как вместо «ля-ля-ля» можно петь «пам-пам-пам» (см. «Переменку» в девятом номере). Авторы ответов очень огорчились — они же надеялись только на улыбки, а там, где смех, нет места ни для обид, ни для недоразумений. Но вы, ребята, не огорчайтесь и не стесняйтесь спросить у соседа, чему это он смеется. Чувство юмора — дело наживное, оно развивается. Так утверждают все авторы «Переменки» и на этом серьезную часть своего выступления заканчивают. Дальше — шутки, улыбки и откровенный смех!

«ЛЕТИ С ПРИВЕТОМ — ВЕРНИСЬ С ОТВЕТОМ!»

Из письма Иры Л., 5-й класс, г. Житомир: «...Мне по ночам снятся кошмары: будто я бегу вверх по лестнице, а за мной гонятся двойки. Я не знаю, что делать?».

— Ирочка, перевернись на другой бок: «двойки», когда они вверх ногами, очень похожи на «пятерки».

* * *

«Дорогая «Переменка», я люблю петь и танцАвать, нИ плохо играю в волеДбол, собираю марки и спичеШные этикетки. Чем бы мне ИщО заняться?..»

Вова П., 6-й класс, г. Куйбышев.

— Уважаемый Вова, нам кажется, что вот именно сейчас тебе самое время заняться русским языком.

* * *

Если кто-нибудь из авторов писем недоволен ответом на свое письмо, то все претензии он может высказать лично юмористу Ярославу ХАРЕЧКО.

ИЗ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

«Писатель стоял у дома, а вокруг него был забор».

«Манилов ничего не делал, а только строил прожекторы».

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

«В классе было 12 мальчиков и один Коля».

«Маша и Гринев расстались на всю жизнь, но не навсегда».

«Лев Толстой прожил 82 года, потому что все время косил траву».

«Наши предки ходили в мехах, как теперь».

«Собаки на севере много бегают. После работы у них бывает перекур».

Внимание! Внимание! Продолжаем конкурс «НЕВЫДУМАННЫХ ДИАЛОГОВ».

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель: Что такое имя существительное?

Ученик: Имя существительное — это глагол, который отвечает на вопросы: какие, какая, какое, какой?

Люда Володина, Тамбовская обл., Ржакса, ул. Сельхозтехники.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Мы проходим тему «Месопотамская низменность».

Учительница: Скажи, какая здесь зона?

Ученица: Зона тундры.

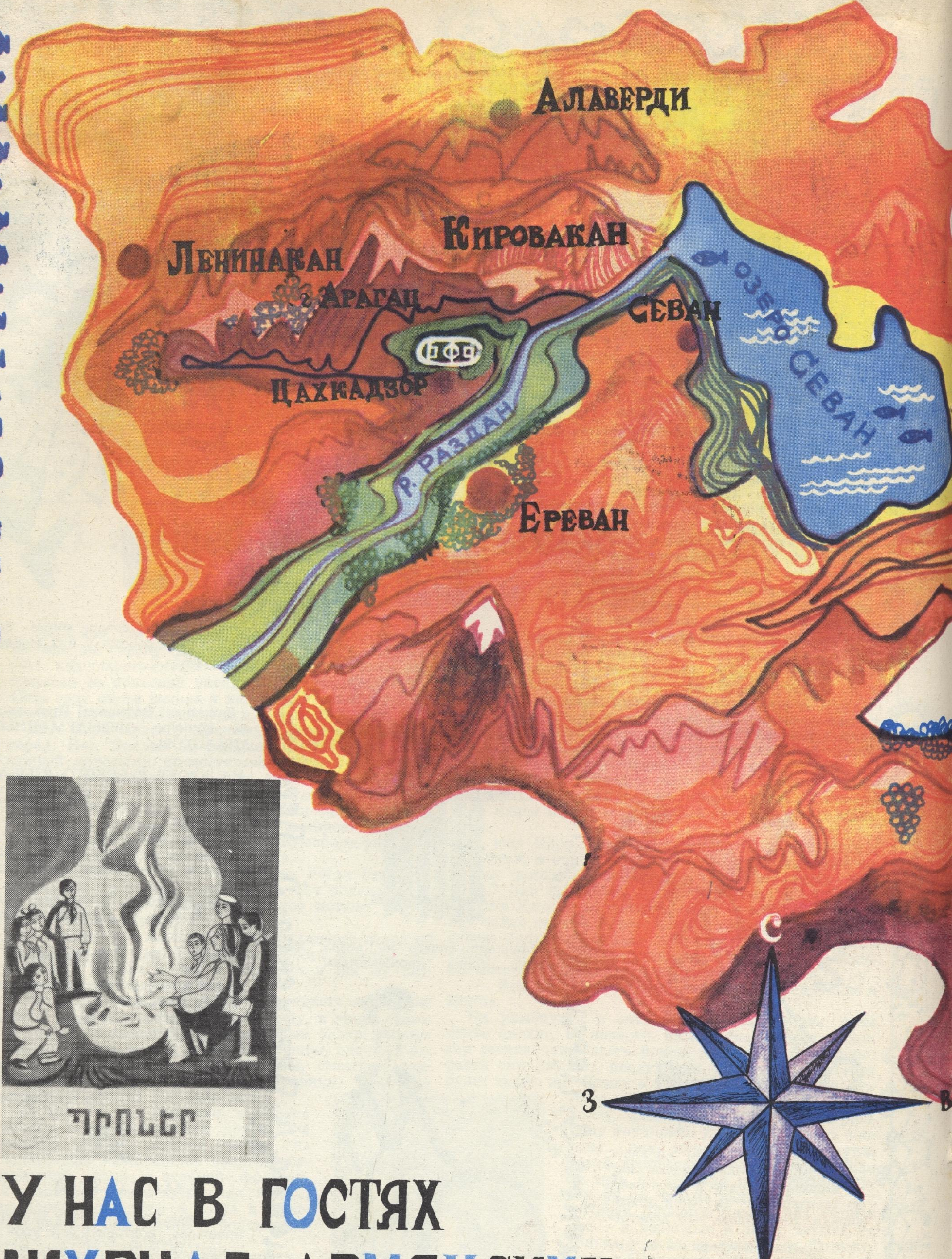
Алексей Краснов, Кировская обл., Уржумский р-н, с. Петровское.

ДИАЛОГ С СОБОЙ

Я учила уроки и очень устала, а пришлось повторить еще урок по природоведению. И на вопрос «Части растений?» я сама себе ответила:

— Растение имеет корень, суффикс и окончание.

Лена Дорофеева, Московская обл., г. Зеленоград.



У НАС В ГОСТЯХ ЖУРНАЛ АРМЯНСКИХ ПИОНЕРОВ ՊԻՈՆԵՐ – „ПИОНЕР“

Герб

Вот перед тобой герб Армянской Советской Социалистической Республики. Серп и молот. Пятиконечная звезда. Гора Арарат. Лоза винограда. Колосья пшеницы...

29 ноября 1920 года была провозглашена Армянская Советская Социалистическая Республика. В 1921 году правительство Армении объявило конкурс на создание герба республики. Победителем стал известный художник Мартирос Сергеевич Сарьян.

Мартирос Сергеевич сделал несколько десятков вариантов эскиза герба. Когда работа была завершена, Сарьян попросил своего друга — художника и мастера ювелирного дела Акопа Коджояна выполнить тончайшую филигранную работу на рисунке герба и сделать надписи.

30 января 1922 года на I съезде Советов Армении была принята первая Конституция республики. Там было сказано: «Государственный герб ССРА состоит из серпа и молота, изображенных в лучах солнца, выше Большого и Малого Масиса (Арарата), у подножья которых виноградный куст с лозой и листвой, справа и слева колосья пшеницы и еще выше ветки маслины. И надпись: «Социалистическая Советская Республика Армения» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

23 марта 1937 года IX Чрезвычайный съезд Советов Армении утвердил новый рисунок герба республики. Серп и молот размещались теперь на фоне пятиконечной звезды, окруженной лучами солнца.

Флаг

На I съезде Советов Армении в 1922 году был утвержден и Государственный флаг Армении, автором которого был также Мартирос Сарьян. Описание флага в первой Конституции республики такое: «Государственный флаг — ярко-красное полотнище, в верхнем левом углу которого у древка помещены золотые буквы «ССРА» или же «Социалистическая Советская Республика Армения».

С 1927 года флаг Армянской ССР выглядит несколько иначе: на красном полотнище в левом углу у древка — золотые серп и молот и золотыми буквами написано название республики — «АССР».

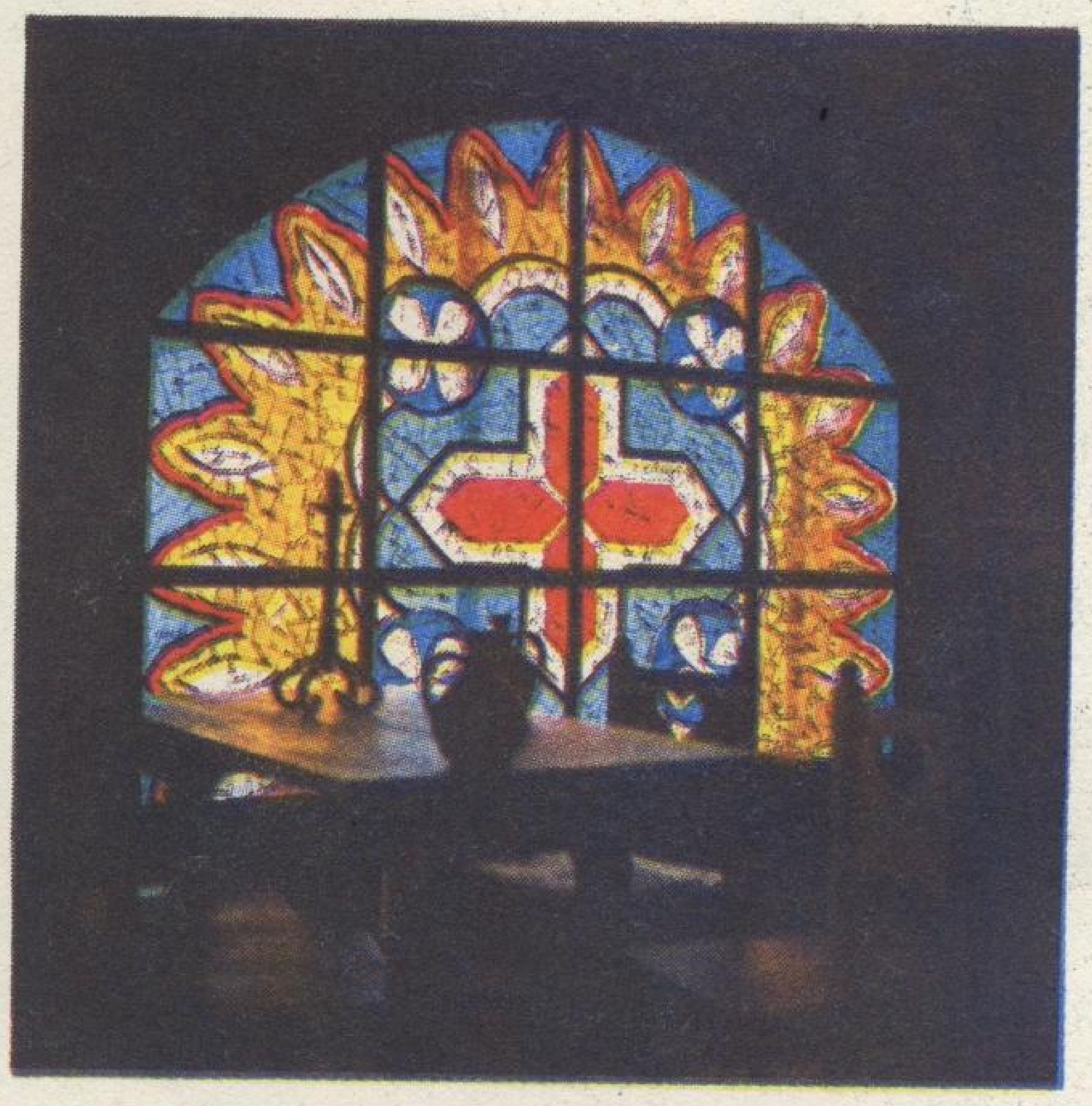
17 декабря 1952 года по решению правительства на Государственном флаге Армянской ССР посередине красного полотнища проходит синяя полоса, составляющая четвертую часть ширины флага. На верхней, красной части полотнища у древка изображен золотой серп и молот, а выше них — пятиконечная красная звезда.

Рисунки Ю. РОДИНА

Наследники славных традиций

Б. САРКИСОВ,
Председатель Президиума Верховного Совета Армянской ССР

Ереван.
Новый жилой дом.



Кировакан. Центр города.

Ленинакан. У фонтана.

С древних времен Армению называли краем камня. И это так. История сохранила для потомков более четырех тысяч памятников старины, находящихся и поныне под открытым небом. Искусство древних мастеров изумительно. И сегодняшняя Армения, которая через два года будет отмечать 150-летие добровольного присоединения к России, славится своими мастерами. И не только в работе по камню. Мастерами высоких урожаев винограда, прославленными учеными, исследующими звездное небо, инженерами атомного ускорителя, проникшими в тайны ядра. Трудолюбив народ Армении. Счетно-вычислительные машины и часы, фрукты и ткани, строительные материалы и синтетика славятся во всех концах нашей Родины и многих странах мира. Каждый год для Армянской республики — это новые заводы и фабрики, школы и пионерские лагеря, дома и больницы. В 10-й пятилетке даст ток первая очередь атомной электростанции. Строители воздвигнут Шамбскую и Спандарянскую ГЭС, пробьют тоннель Арпа — Севан, построят Разданский горно-химический комбинат. На наших глазах меняется лицо древней Армении. А кто же будет трудиться на новостройках? Сегодняшние пионеры и комсомольцы.

Мне вспоминаются слова, сказанные Анатолием Васильевичем Луначарским армянским пионерам в 1924 году. Об этой волнующей встрече нарком просвещения РСФСР рассказал в очерке «Три дня в Советской Армении». «Пионерские отряды,— писал Луначарский,— я встречал во всех маленьких городах Армении на моем пути и даже в более крупных селах. Они поражают своей дисциплинированностью, энтузиазмом...»

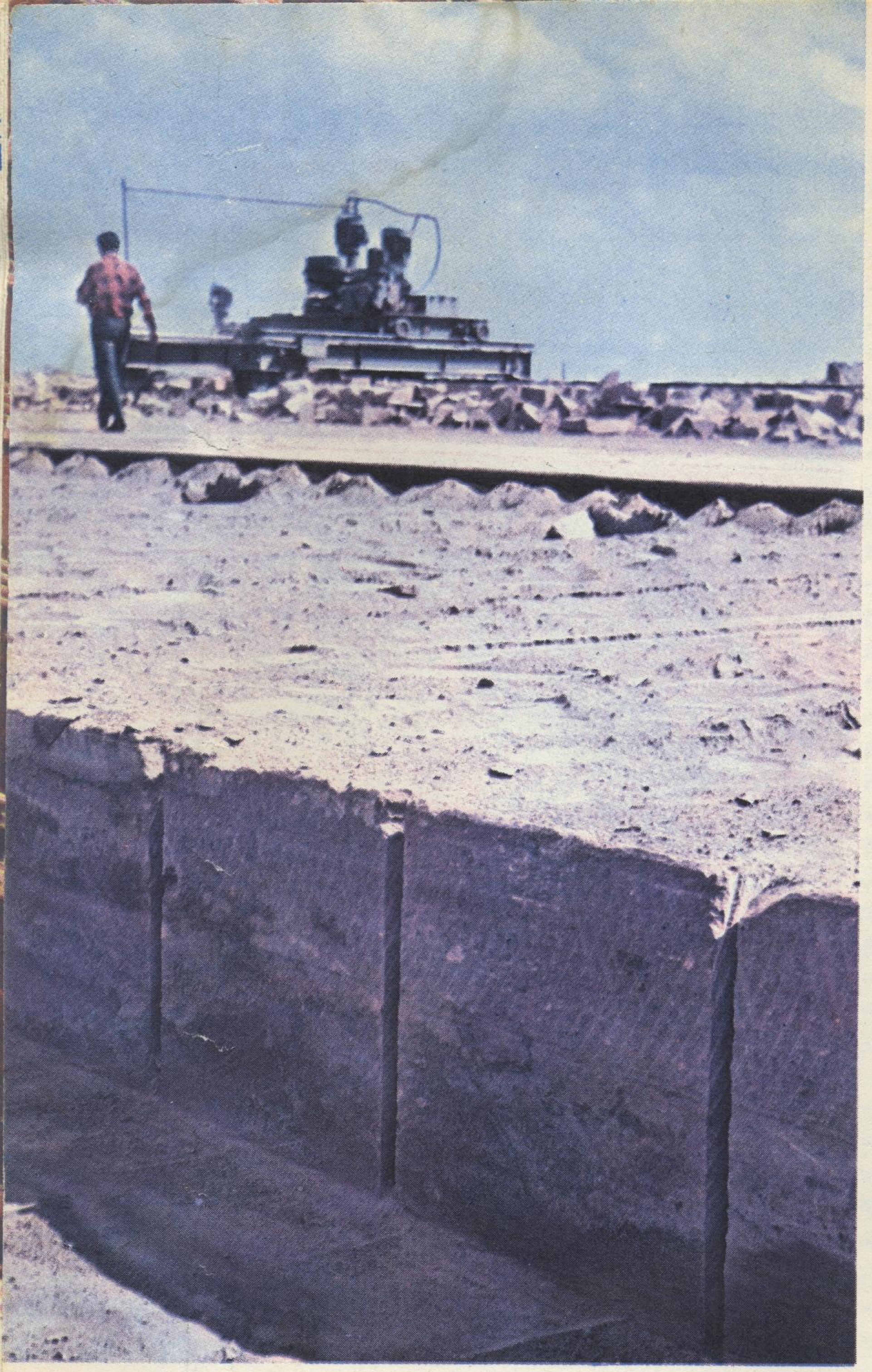
Эти традиции продолжают пионеры наших дней. Они трудолюбивы, настойчивы в учении. Огромное спасибо говорят им ветераны войны за то, что в республике ребята открыли 700 комнат и музеев боевой славы. Пионерские агитбригады, тимуровские команды, кружки по изучению русского языка, клубы интернациональной дружбы действуют почти во всех школах Армении.

Советский народ скоро будет отмечать 60-летие Великого Октября. Рабочие, труженики полей готовят к юбилею трудовые подарки. Готовят их и юные ленинцы.

Наша республика тоже хочет порадовать своих юных граждан хорошими подарками. В юбилейном году распахнет двери новый Дворец пионеров в Ереване. Дворцы пионеров строятся в Кировакане, Степанаване и в других районах республики. А сколько будет новых школ, пионерских лагерей, станций юных техников! «Все лучшее — детям!» — этот ленинский завет наша партия претворяет в жизнь. Мы хотим, чтобы сегодняшние пионеры выросли достойными продолжателями дела Ленина, дела старших поколений.

Ереван. Памятник Давиду Сасунскому. Автор Е. Кочар.

Ереван. Хранилище древних армянских рукописей.

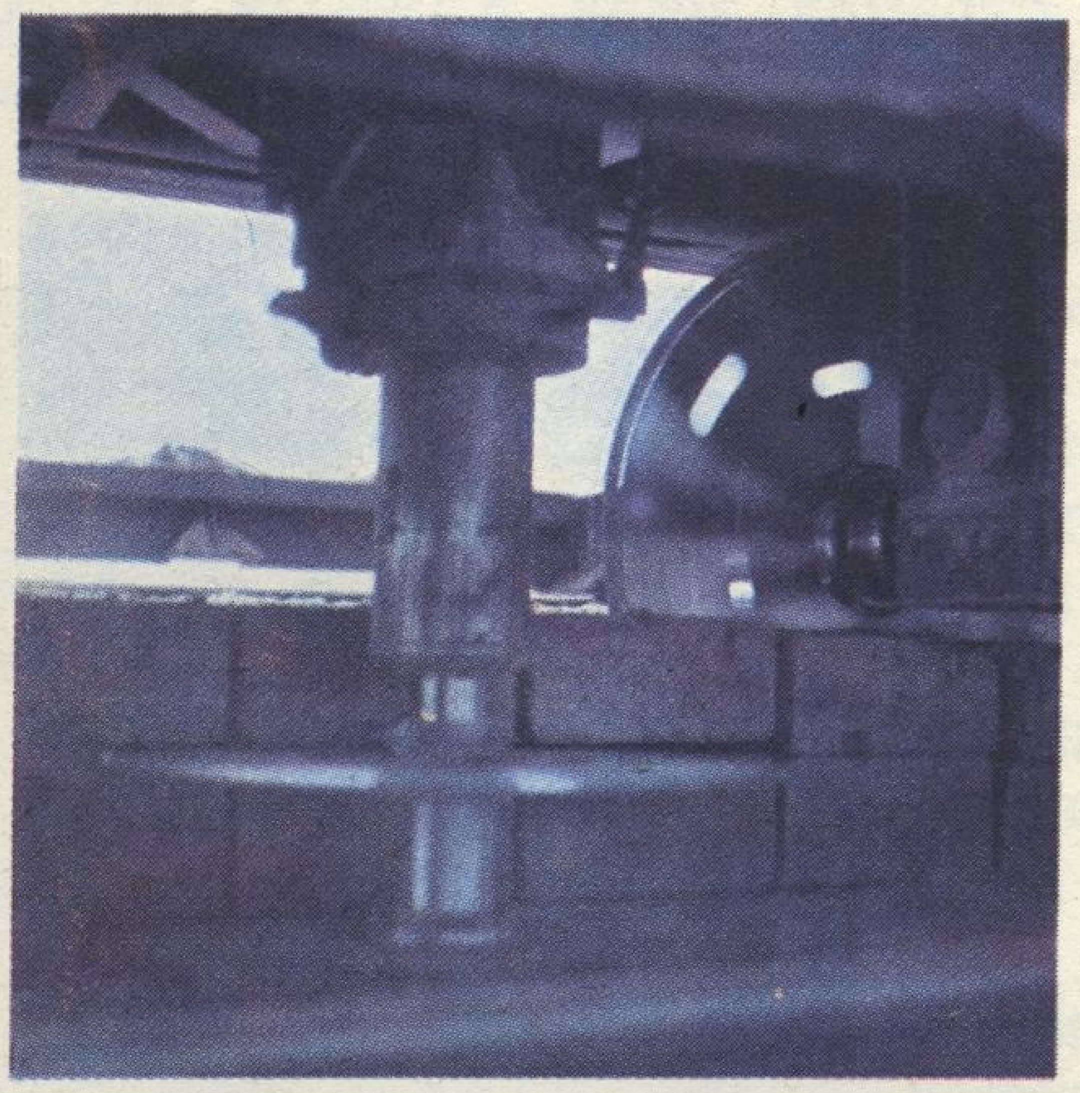


Страна все более и более нуждается в перлите. Он применяется и в пищевой, и в легкой, и в химической промышленности. Без перлита не обойтись металлургам. Он используется в производстве керамики, стекла, хрусталя, лимонада, сахара, уксусной кислоты. Недалек тот день, когда перлит пригодится и в садоводстве.

Уже сейчас производство стеклотары немыслимо без перлита. Девяносто пять процентов всего добываемого в СССР перлита приходится на долю Армении.

А. ШАХАЗИЗЯН

Так обрабатывается знаменитый армянский туф.



Меградзорский железнодорожный тоннель проходит через Памбакский хребет.

Туф — замечательный строительный материал.

Фотографии А. ШПИКАЛОВА и Фотохроники ТАСС.

ЖЕМЧУЖИНА АРМЕНИИ

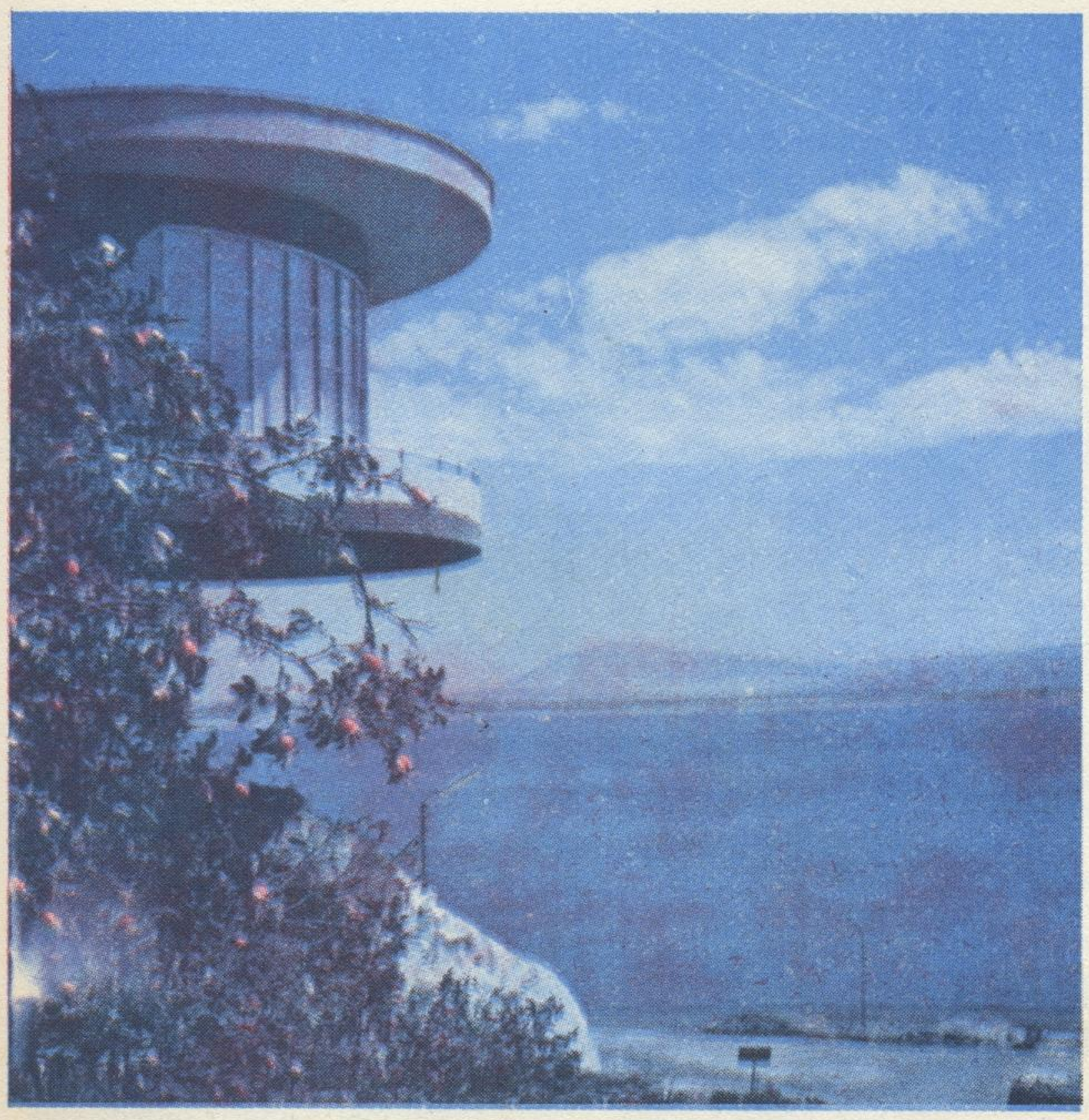
По-французски «перлит» значит жемчужина. (Перлит — вулканическое стекло, похожее на жемчуг. Перлит входит в состав бетона.)

Армения — родина бетона. С незапамятных времен наши предки строили храмы, воздвигали могучие стены, нутро которых заливали бетонным раствором.

У подножия Арагаца, возле горы Артени, находятся месторождения перлита и завод, обрабатывающий сырье. После обработки мешок перлита может с легкостью поднять детсадовский малыш и взбежать с ним по лестнице... Строители перемешали перлит с цементом и создали легкие железобетонные конструкции, которые успешно используются в строительстве.

Это антенна радиополигона.
Здесь осваиваются новые методы приема радиоволн, в том числе и сигналы из космоса.

Вид на озеро Севан.



В добрый путь

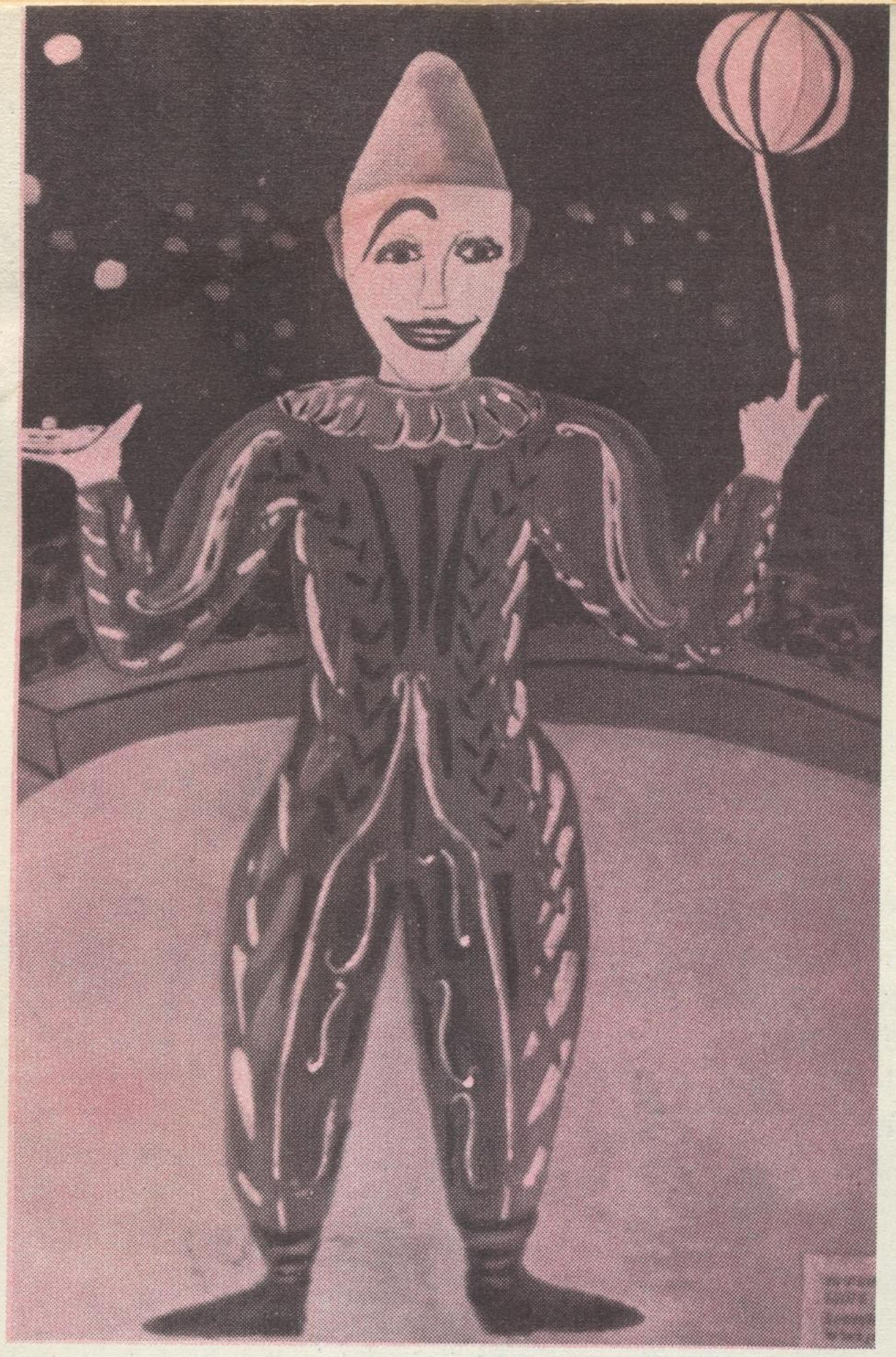
Анаит САИНЯН,
главный редактор армянского журнала «Пионер»

У каждого человека должен быть друг — верный и надежный. А может ли быть сто, пятьсот, тысяча друзей? У одного человека, пожалуй, нет, а вот у журнала — да. В разных концах нашей солнечной республики живут наши друзья — юные корреспонденты и читатели. А дружба эта зародилась пятьдесят три года тому назад, когда в молодой Армянской советской республике вышел первый номер журнала «Пионер» на армянском языке. Трудное это было время. У многих ребят, родители которых вернулись из Западной (Турецкой) Армении в Восточную — советскую, не было крыши над головой. По улицам Еревана бродили бесчисленные сироты: не хватало детских домов.

Сегодняшним читателям «Пионера», которые отдыхают в прекрасных лагерях, читают хорошо оформленные книжки, посещают свою, первую в мире галерею детских рисунков, невозможно даже представить те трудные, голодные годы. Давно позади те времена. Но о них помнят первые юнкоры редакции. Кем они стали? В одном из первых номеров журнала напечатана заметка о школьных научных кружках. Под ней подпись — юнкор Нагуш. Сегодня Нагуш Арутюнян — академик. Стал академиком и бывший юнкор Гагик Давтян. А среди первых читателей — герои войны и труда, известные ученые, писатели, композиторы. С «Пионером» дружили не только ребята, но и взрослые. Известный поэт Егише Чаренц перевел для первого номера стихотворение Сергея Есенина «Ребенок и кошка».

В журнале печатались замечательные писатели Степан Зорян, Вахтанг Ананян, Паруйр Севак, а оформлял многие номера всемирно известный живописец, лауреат Ленинской премии Мартирос Сарьян.

Сегодня армянский «Пионер» в гостях у всесоюзного «Пионера». Вы, ребята, совершите путешествие по Армении, познакомитесь с делами пионеров республики и узнаете наших авторов, которые пишут о дружбе народов, о древней истории, о веселом и смешном. И как всегда, нам помогали наши юные друзья — своими рисунками, стихами. В добрый путь, читатели «Пионера»!



«Клоун».
Рисунок французского мальчика КОНТЕЙСУЗА.
Ему 12 лет.

Эти рисунки ребят мы взяли из Ереванской детской картинной галереи, кстати, единственной в Советском Союзе. Там часто бывают выставки детского рисунка: республиканские, всесоюзные и даже всемирные. Пять стихотворений армянских школьников вы можете прочесть на этих страницах.

Перевела их на русский язык Елена Гульга.

АНАИТ АНАНЯН учится в 9-м классе. Живет она в небольшом городе Ноемберян. Анаит не раз случалось видеть, как ранним утром уходят на покос соседи и с ними ее отец. Об этом и сочинила она стихи.

Сенокос

Заря набросала лучей,
Цветами щедра.
Отец с косой на плече
Уходит с утра.

Звезда, приветствуй рассвет
И покидай небеса.
Будто бы небо — луга,
Будто бы месяц — коса.

Солнце все вверх и вверх,
Солнце все ввысь и ввысь:
«Вах, отдохни, косарь,
Не утомись!»

Смеркается. На лугу
Ровно ряды лежат.
Трава остается в стогу,
Отцу — ее аромат.

*

ВЕРА АРЗУМЯН — семиклассница из города Степанакерта. Ее стихотворение называется

Мама и солнце

Кто-то должен ведь проснуться раньше всех!
В небе раньше всех проснулось солнце.
На земле всех раньше встала мама.

Распахнула мама окна дома.
Распахнуло солнце окна мира.

Мама вечером погасит в доме свет.
Солнце вечером погасит в мире свет.

Солнце молча греет и горит.
Мама молча любит и не говорит.
И не знают устали и сна,
И скромны они —
Два жизни родника.

«Натюрморт». Рисунок армянского школьника ГЕВОРКА ХАЧАТРЯНА из города Арташата. Ему 11 лет.

Картину, которую ты видишь на этой странице, внизу, нарисовал МАРТЫН ПЕТРОСЯН. Мартын Петросян — известный художник, большой друг журнала «Пионер». Его работы хорошо знают и любят ребята. Один из них, ЭДВАРД МИЛИТОНЯН, даже сочинил подпись к рисунку.

* * *

Художник Мартын Петросян
Нарисовал на картине,
Как играет с мячом
Девочка в платьице синем.

Художник Мартын Петросян
Нарисовал кота,
И как летают цветы,
И комната вся в цветах.

А вот еще два стихотворения ЭДВАРДА МИЛИТОНЯНА.

Птица

Пела птица на высокой ветке:
«Распускайтесь, распускайтесь, почки,
Разворачивайтесь, новые листочки.
Завтра утром, завтра утром,— пела птица,—
Девочка придет и удивится».

Почки распустились,
Листочки раскрылись.
Вышла девочка наутро на балкон,
Сказала: «Может, это мне снится?»
Только среди веток и цветов
Девочка не разглядела птицы.

*

О чем думает зайчик

Слон, и лев, и волк лохматый
Почему мне так страшны?
Может, сердце маловато?
Уши, может быть, длинны?

Чтобы уши скрыть получше,
Чтоб мне больше не бояться
Волка, и слона, и льва,
Поспеши, трава, подняться,
Заслони меня, листва!

Рисунки П. БАГИНА

ЭЛЬХО

РАССКАЗ

Зорий БАЛАЯН,

лауреат премии Союза журналистов Армении «Золотое перо»

Взбесившийся холодный ветер носился по открытой со всех сторон тундре, неся с собой жесткие крупинки снега и поднимая к темному небу то там, то тут ревущие вихревые столбы. Люди, согнувшись до земли, едва передвигались по глубокому снегу, шли сквозь мглу, часто застревая в рыхлых заносах. Они спешили домой и с каждым шагом чувствовали прилив новых сил, потому что каждый шаг, какой бы он ни был незначительный, приближал к дому.

Последние несколько метров, когда еще одинокого жилища не было видно из-за густой снежной тьмы, но уже хорошо был слышен прерывистый лай сторожевой собаки, эти последние несколько метров люди бежали бегом. Один за другим они ввалились в чум, едва переводя дыхание, и сразу же попали в объятие пахучего дыма, идущего от костра, который метал веселые искры под самый купол островерхого дома. А дом этот сооружен, правильно будет сказать, сшит, из оленьей шкуры.

Так было во все времена, так было в тундре всегда. Замерзшие, измученные люди входили в чум, и самый маленький задавал самому старшему один и тот же вопрос:

— Скажи, папилька, а что было раньше, когда на свете не было чума?

Именно такой вопрос задал своему деду маленький Эльхо, который только через год собирался пойти в школу.

Папилька, то есть дедушка, сбросил с себя кухлянку и малахай, подставил руки костру и задумался. В самом деле, что было раньше, когда не было чума? «А разве такое было?» — мелькнуло у старика в голове, и он скороговоркой ответил внуку:

— А на свете всегда был чум, Эльхо.

— Ну, а совсем-совсем раньше? — не унимался мальчик.

— И совсем-совсем раньше был чум. Человеку нельзя без чума, как оленю — без тундры.

В ту ночь хорошо было слышно, как за тонкой оленьей стенкой чума яростно воет пурга. Трудно было определить направление ветра, потому что напрягалась, как барабан, то одна сторона чума, то другая. Маленький Эльхо, его дед и два молодых пастуха устроились спать ногами к костру в своих кукулях — спальных мешках, сшитых из оленьей шкуры, шерстью вовнутрь.

Говорят, во время сильной пурги все обитатели тундры — и люди и звери — видят один и тот же сон. Они видят вихри снега. Это происходит оттого, что как бы ты глубоко ни залезал головой в кукуль, все равно слышишь порывистый рев метели. А если вдруг пурга прекратится, то все обитатели тундры — люди и звери — просыпаются разом, вместе. Просыпаются от тишины.

И на этот раз было так, как всегда: пурга среди ночи неожиданно прекратилась, и чум проснулся. Открыл глаза и маленький Эльхо. Он молчал и ждал, что скажет дед. Высунув голову из согретого кукуля, Эльхо пристально всматривался в темноту, словно хотел увидеть морщинистое и доброе лицо папильки с маленькими глазами и широкими скулами.

— День предстоит нам тяжелый,— сказал старик, медленно вылезая из кукуля и выплевывая оленьи волосы, прилипшие к губам.

— Что случилось? — спросил один из пастухов.

— Разве не чувствуете, как тепло? Всю ночь дул южный ветер и принес с собой теплый воздух.

— А разве плохо, когда теплый воздух? — вмешался в разговор взрослых Эльхо.

— Плохо, Эльхо. Очень плохо. Когда посреди зимы идет циклон с юга, значит, он принесет с собой дождь. И тогда олени погибнут.

— Почему погибнут? — не мог успокоиться Эльхо.

— Потому, что после дождя сразу ударят морозы, и вся тундра покроется ледяным панцирем.

В чуме вновь наступила тишина. Только было слышно, как в темноте без всякой суеты одеваются люди и как они сворачивают свои кукули. Эльхо хорошо понимал, почему дед говорил с какой-то тревогой в голосе о том, что тундра покроется льдом. Олени питаются только ягелем. Копытами раскапывают они снег, чтобы добраться до самой земли, где круглый год лежит зеленый ягель. Эльхо однажды даже пробовал сам крохотные листья оленьей еды. Они были немного горьковаты, но все равно показались ему вкусными. И Эльхо часто ловил себя на мысли, что очень любит это стелющееся по всей тундре растение потому, что без него олени и дня не смогут прожить.

Старик оказался прав. К утру на всю тундру обрушился колючий дождь со снегом. Казалось, небо и земля связаны между собой сплошным потоком воды, который несет с собой вниз стремительные белые хлопья снега. Оленеводы знают, что в таких случаях есть только одно спасение для оленей: надо погнать все стадо наверх, в горы, где зимой никогда не бывает дождя.

В чуме остался только маленький Эльхо и пушистая рыжая собака. И еще два молодых оленя: их старик готовил к ездовой жизни. Олени, которым он накануне отпилил рога, были одинакового роста, но совершенно разные по расцветке. Словно кто нарочно их так раскрасил: один черный с большим белым пятном на спине, а другой белый с черным пятном и тоже на спине.

Перед тем, как отправиться в дорогу, старик сказал Эльхо, чтобы он все время следил за костром и нисколько не жалел кедрача, нарубленного и сложенного прямо рядом с чумом. Старик всегда говорил, что в тундре самое главное — это тепло. Больше ни о чем дед не напоминал внуку. Он не сомневался, что Эльхо все умеет делать: и чай заварить и оленье мясо приготовить. Это совсем не трудно. В черную-пречерную от копоти кастрюлю надо набрать снегу и повесить ее на крючке над самым костром. Потом, когда снег превратится в воду, надо еще и еще подбрасывать снегу. И так до тех пор, пока вода не дойдет до середины. Тогда можно смело бросить в кастрюлю заранее нарубленные куски замерзшего оленьего мяса. Вот и все. Больше ничего не надо делать. Даже солить не нужно. Потому что дед густо солил мясо, когда его разделывал. Пройдет час-другой, и можно будет длинной заостренной проволокой достать кусочек оленины и попробовать.

К вечеру дождь прекратился. Эльхо вышел из чума, чтобы принести охапку кедрача, и увидел, что все вокруг уже покрыто льдом. Он вспомнил папильку, который заранее угадал, что случится, и еще раз убедился, что его папилька знает все на свете. Если стадо не погнали бы в горы, то олени все погибли. А сейчас они спасены. Спасены благодаря папильке. Эльхо так хотелось в это время быть рядом с дедом. Но нельзя. Он еще слишком маленький. Он поел горячей оленины, выпил целую кружку сладкого чая, потом собрал с ящика, заменявшего в чуме стол, недоеденные куски мяса и бросил собаке. Разложив целую горку кедрача возле себя, Эльхо лег в свой кукуль и заснул.

Эльхо лег в свой кукуль и заснул.

Спал он чутко. В чуме было слышно, как мерно посапывает собака, разлегшись у самого выхода, да частое потрескивание костра. И поэтому Эльхо видел во сне собаку и костер. Он несколько раз просыпался, чтобы подложить дрова, говорил полушепотом два-три слова собаке и снова засыпал. После полуночи он просыпался все чаще и чаще. Больше всего боялся, что погаснет костер.

Рано утром Эльхо, надев на голову пестрый малахай и натянув на ноги торбаса[1], вышел на улицу. Сразу же он прищурил свои и без того крохотные узкие глазенки, и их совсем не стало видно на лице. Тундра была залита ярким оранжевым светом. Зимой, особенно в ясное утро, на Севере солнце бывает оранжевым. Немного приглядишься, и уж ничуть не больно смотреть на него. По обеим сторонам солнца стоят прямые, как стрелы, радуги, которые коряки называют «дети солнца». Как только они появляются, в тундре становится очень холодно. И на самом деле, Эльхо почувствовал, как мороз жжет его лицо. Он решил было вернуться в чум, но увидел двух оленей с отпиленными рогами и остановился. Олени, прижавшись друг к другу, били копытами по стеклянному снегу. После каждого удара разлетались во все стороны острые кусочки льда. У Эльхо сжалось сердце. Ему было больно смотреть, как голодные олени тщетно пытаются достать ягель из-под затвердевшего снега. «Они же могут умереть»,— неожиданно подумал мальчик. Он юркнул в чум и вскоре

[1] Торбаса—мягкие оленьи сапоги.

вернулся, одетый в пышную кухлянку с лопатой в руках.

Олени бросились в разные стороны, когда к ним подошел Эльхо. Он начал яростно долбить лед. Олени все еще обходили мальчика стороной. Он вспомнил, как его папилька не раз говорил, что олени никогда не дают ласкать себя. Как бы ты их ни приручил, все равно стоит к ним приблизиться, сразу шарахаются в стороны. Вот и сейчас Эльхо подошел, чтобы помочь долбить снег, а они от него убегают, как от волка.

Вскоре он вырыл большую яму, на дне которой показался ягель. На душе стало веселее. Он почувствовал себя олененком, которому впервые довелось самому докопаться копытами до желанной пищи. Мальчик выкарабкался из ямы и, отойдя чуть в сторону, начал рыть другую. Он долбил и долбил лопатой по затвердевшему снегу и смотрел изпод надвинувшегося на лоб малахая, как олени, один черный с белым пятном на спине, другой белый с черным пятном, пугливо приближаются к вырытой яме, осторожно перешагивая через разбросанные кругом ледяные осколки.

Эльхо рыл, не позволяя себе отдохнуть хоть немного. Ему мешали перчатки, сшитые из грубого меха. Они мокли от пота и тут же деревенели от мороза. Мальчик снял заскорузлые перчатки и бросил на снег. Теперь ему удобнее было держать в руках лопату. Правда, вначале пальцы немного мерзли, но потом он их уже перестал чувствовать. Олени словно ожили на глазах. Они весело прыгали от одной ямы к другой. Эльхо встал на бугорок, выпрямился, посмотрел на свою работу и удивился. Не мог поверить, что это он, Эльхо, один разворотил такое огромное обледеневшее поле. Иногда олени проходили мимо маленького мальчика довольно близко и смотрели на него своими большими, всегда влажными глазами с лаской и даже как будто улыбались. Ему казалось, что они говорят: «Спасибо тебе, Эльхо. Ты настоящий аппа». И он гордился этим, потому что аппа — это вожак табуна. От аппы зависит жизнь всех оленей.

Ночью Эльхо не мог спать. У него сильно болели руки. Пальцы опухли, и невозможно было ими шевелить. Они его не слушались. И было не только больно, но и смешно: как это пальцы не могут слушаться хозяина? Эльхо вспомнил, как часто пастухи растирали свои замерзшие руки снегом, и он последовал их примеру. Но боль от этого не уменьшилась. Тогда он стал держать руки над костром. Лицо, особенно нос и щеки, ощущали приятное тепло, а пальцы болели так сильно. словно кто-то сжимал их между камнями.

Ночь была тихая. Непривычно тихая. Редко так бывает, чтобы стены чума хотя бы чуть-чуть не гудели от ветра. А тут прямо слышно, как бьется сердце в груди. Каждый шаг оленей по жесткому снегу отдается эхом. Тихая звездная ночь зимой, как и яркое солнце на безоблачном небе, всегда таит в себе опасность сильного мороза. Эльхо боялся мороза. Он не знал: теперь, чем сильнее мороз, тем лучше для оленей. Снег, ледяным панцирем покрывший тундру, постепенно раскрошится, превратится в песок, и оленям легче будет добираться копытами до ягеля. А пока стадо высоко в горах. И Эльхо должен терпеливо ждать возвращения папильки. И не только ждать. Он обязан спасти двух оленей, которым папилька отпилил рога.

Утром следующего дня Эльхо вышел из темного чума и испугался, глядя на свои руки. Они стали белые-белые, совсем как только что выпавший снег. Он с трудом натянул на них рукавицы, без которых уже не мог обходиться и минуты, и вновь принялся за работу. Он видел, как олени в отчаянии бегают по вчерашним ямам и, всякий раз убедившись, что ягеля в них нет, носятся кругом — ищут его в другом месте. И Эльхо отходил подальше от чума, потому что вокруг все уже было изрыто.

С каждым днем все легче и легче становилось долбить лед. Эльхо догадался, что пришло время, когда мороз спасает тундру. И ему было радостно на душе оттого, что он сам додумался до этой истины. Сам, без помощи папильки!

Только на шестые сутки вернулись пастухи. Они не узнали своего чума, вокруг которого раньше лежала ровная тундра, а те-

На шестые сутки вернулись пастухи.

перь — одни только ямы. Но навстречу им выбежал маленький Эльхо...

Старик прижал внука к своей груди и вдруг увидел, как по щекам мальчика текут слезы, текут и тут же превращаются в ледяные бусинки.

— Что с тобой, Эльхо? Ты разве не знаешь, что мужчины в тундре никогда не плачут? — сказал старик.— Даже когда умирает самый близкий человек, все равно не плачут. Таков закон. В тундре разрешается плакать только маленьким детям, потому что они не умеют разговаривать.

— Ты меня прости, папилька,— ответил Эльхо, поперхнувшись,— я больше не буду. Я просто соскучился по тебе.— И он крепко обнял деда.

Тут только старик увидел белые пальцы внука. Он быстро взял маленькие руки Эльхо в свои и стал их растирать. Старик даже не спросил, почему это руки у мальчика одеревенели, почему они такие белые, припухшие. Сейчас не это было важно. Он знал одно: если сегодня не спасешь их, то завтра будет поздно. Они почернеют и омертвеют. В старину в таких случаях шаман отрезал руки или ноги ножом, зашивал рану оленьей жилой и засыпал ее горячей золой. Но после этого люди часто умирали. А теперь, благо, есть доктора.

Старик продолжал растирать своими почерневшими и потрескавшимися от ветров и морозов шершавыми ладонями маленькие руки внука и, видя, как тот морщится от боли, все причитал:

— Ты потерпи, внучек. Я понимаю, больно. Очень больно. Но ты потерпи. Ты же мужчина, Эльхо.

Потом старик вышел из теплого чума и тут же опустил голову, пряча лицо от колючих снежных пылинок. Немалых трудов ему стоило поймать обоих оленей с отпиленными рогами. Олени брыкались, рвались из крепких объятий кожаных ремней. Они впервые в своей жизни оказались в упряжке и никак не хотели мириться с тем, что у них отнимают свободу тундры. Несколько раз хотели было резко рвануться с места, но острая режущая боль от тугих и жестких ремней умерила их пыл. Вдруг они успокоились. Пастухи, вышедшие провожать старика, помогали укладывать на сани маленького Эльхо, у которого обе руки были обмотаны шкурами росомахи.

Олени тащили аргизу так резво, словно всю жизнь находились в упряжке. Они бодро и стремительно неслись по кочковатой тундре, с шумом выпуская изо рта горячий воздух. Только на крутых перевалах старик сходил с аргизы, чтобы помочь упряжке. Олени словно понимали, что от них зависит жизнь мальчика. Наверное, чувствовали, что в такую рань напрасно старик не повезет по морозной тундре маленького человека с перевязанными руками.

К полудню упряжка добралась до районного центра и остановилась у деревянных ворот больницы. Старик хотел было взять внука на руки, но Эльхо отказался:

— У меня же не ноги болят, папилька.

— Я почему-то об этом не подумал, Эльхо. Больной и есть больной.

— Я не больной. У меня только руки болят.

Молодой врач осмотрел Эльхо и сказал тоже, что мальчик здоров, но руки здесь лечить невозможно. Придется Эльхо отправить в город. На самолете. Другой дороги в город нет. Только по воздуху. Так сказал молодой районный врач. И в тот же день Эльхо отправили в город. Сколько ни просил дед, чтобы и его взяли вместе с внуком, но ему не позволили.

Долго думали и гадали врачи, как быть с отмороженными руками мальчика. Кожа шелушилась и слезала с обеих кистей. И страшно было смотреть на пальцы, толстые, с розовыми и желтыми пятнами.

Пригласили на консультацию доктора Ростомяна. На Камчатке в шутку его звали Пушкиным, потому что звали его так же, как великого поэта,— Александр Сергеевич. Доктор Ростомян сказал, что положение очень тяжелое, но все же надо постараться спасти руки Эльхо.

Два раза мальчику сделали пересадку кожи. Было очень больно, но Александр Сергеевич сказал Эльхо: если он превозможет боль, руки скоро заживут. И Эльхо терпел. А через два месяца во время перевязки заметил, что новая кожа приживается.

Эльхо часто вспоминал папильку. Видел его во сне. Из окна больницы смотрел на улицу, по которой бегали машины, и все удивлялся, что нигде не видно ни одного оленя: «Разве можно жить без олешек?»

Уже давно кончилась зима, началось лето (на Камчатке сразу после зимы наступает лето. Потом, минуя осень, приходит снова зима), а Эльхо все еще оставался в больнице.

Доктор Ростомян говорил, что пока еще нельзя ехать домой. Пальцы совсем не двигаются, не гнутся. Нужно их лечить. Лечить долго. Но чтобы Эльхо меньше скучал по дому, доктор Александр Сергеевич забрал его к себе домой, где рассказывал о своей родине Армении, где много гор и нет оленей, где растут сладкий виноград и грецкие орехи. Эльхо никак не мог представить, что на земле есть место, где нет оленей. Но доктору верил.

Они каждый день вместе ездили в больницу. Доктор надевал белый халат и начинал лечить больных, а Эльхо ходил в кабинет лечебной физкультуры и делал специальные упражнения для пальцев. Его руки массировали, согревали какими-то токами. По вечерам они долго разговаривали с доктором Ростомяном. И снова делали упражнения для пальцев. И вот однажды, после нескольких

мучительных минут, Эльхо своими тонкими пальцами приподнял со стола небольшой резиновый мячик, и Александр Сергеевич закричал от радости. И потом оба они весело и звонко хохотали. Александр Сергеевич поднял Эльхо на руки, прижал его к себе. Они оба упали на кровать, продолжая весело смеяться. Это был самый счастливый их день.

В середине августа в городе выпал первый снег, а на севере полуострова, в тундре, люди уже давно ходили на лыжах. Доктор Ростомян решил, что сам повезет мальчика домой, и торопился, чтобы Эльхо успел до начала занятий в школе побыть немного с папилькой. В прошлый раз, когда мальчик летел в город, он ничего не видел в иллюминаторе, потому что было темно. И сейчас, сидя у окошка, Эльхо в первый раз в жизни с такой высоты смотрел на тундру. Вдруг он засуетился, толкнул локтем сидящего рядом Александра Сергеевича и громко, не скрывая своего возбуждения, закричал:

— Олени! Это наши олени! Вон они! Смотрите!

Доктор чуть привстал и через голову мальчика посмотрел в иллюминатор.

— Это олени моего папильки. Он бригадир!

— Скоро ты увидишься с ним.

Самолет приземлился на открытом ровном белом поле. Эльхо спустился по трапу, сделал несколько шагов и замер. Прямо перед собой он увидел деда, стоявшего рядом с оленьей упряжкой. В упряжке были два оленя. Белый с черным пятном на спине и черный с белым пятном...

— Папилька! — крикнул мальчик и бросился к старику.

Навстречу ему побежали олени. Старик продолжал стоять на месте. Несмотря на морозный день, он то и дело ладонью вытирал пот со лба. Олени разом остановились перед мальчиком. И когда Эльхо оказался между ними, олени, словно по команде, разом подняли головы, осторожно, чтобы не задеть маленького человека своими ветвистыми рогами. Олени, наверное, не ведали, что им давно уже отпилили рога. Олени не убежали, когда мальчик гладил их своими полусогнутыми пальцами — то черного оленя с белым пятном, то белого с черным.

Доктор Ростомян стоял чуть поодаль и хорошо видел, как старик щурил свои маленькие глаза, тщетно стараясь сдержать слезы. Нельзя, чтобы Эльхо увидел слезы на глазах у папильки: мужчины в тундре никогда не плачут.

Сильва **КАПУТИКЯН**,
лауреат Государственной премии

Песня о наших камнях

О камни,
Вы сама история!
Мы жили в бедах, в нищете
И зданья траурные строили,
Как памятники темноте.
Творцы с глазами обреченными
Стирали пот и кровь со лба,
И камни в стенах были черными,
Как наша черная судьба.
Черны монастыри задумчивые,
И храмы древние черны,
И проступают в них измученные
Моей Армении черты.
О камни траурные, черные
Полов,
И потолков,
И стен,
Захватанные,
Закопченные,
Со вмятинами от колен!
А где-то праздничные, разные,
Забившись тихо в уголки,
В земле таились камни радости,
Как бы под пеплом угольки.
О камни, спавшие веками
И время знавшие суровое,
О камни, розовые камни,
Сиреневые и лиловые!
Но вы из мглы подземной выбились —
Вам не пристало быть во мгле!
Наверх,
На землю,
К людям вырвались —
И стало радостней земле!
И новых стен цвета весенние —
Под цвет весенних наших дней,
И вся судьба моей Армении
Как бы судьба ее камней!
Своими добрыми руками
Их пробудило время новое.
О камни, розовые камни,
Сиреневые и лиловые!

Геворг **ЭМИН**,
лауреат Государственных премий

* * *

Короче слов, чем «да» и «нет»,
Не сыщешь, хоть пройди весь свет.
Но если молвить нужно «да»
Или отрезать «нет»,
Нам не хватает иногда
Всей жизни на ответ.

Арташес **ПОГОСЯН**

Зима

Зима дает топорик в руки мне.
На черном ослике
Я еду по зиме
Рубить сухие пни
Нам на дрова,
Чтоб стужа уши нам не надрала,
Чтоб леса золотистое тепло
Вошло в наш дом
И стало в нем светло.

* * *

Ваагн **КАРЕНЦ**

...Когда за холмы
упадает усталое солнце,
вам светит поэт —
заместитель ушедшего солнца,
чтоб вы на дороге своей
миновали камни сомненья
и поняли смысл
своего на земле назначенья.
Природа, будь щедрой,
пусть больше родится поэтов,
их песнь облегчает
страданья и горести света,
их песнь возвышает людей,
возвещает свободу.
Пусть больше родится поэтов,
будь щедрой, природа!
Они восполняют,
природа, твои недостатки,
и дышат бессмертием
их ученические тетрадки...

Арамаис **СААКЯН**,
лауреат премии Ленинского комсомола Армении

Улыбка

Не знает радость удержу и края.
Всегда кротка и сдержанна печаль.
Кто жил беспечно, горестей не зная,
Тому другого в горестях
Не жаль.
Я замечал не раз, что был во власти
Могучих сил.
И, подчиняясь им,
Я улыбался даже и в несчастье,
Чтоб не испортить радости другим.

Сурен МУРАДЯН

Навстречу рассвету

Удивительный поезд,
Ребята,
Я встретил.
В поезде этом —
Песни
И дети.
В поезде этом
Не спросят билета:
Здесь вместо билета —
Умелые руки,
Нет в поезде места
Лентяям
И скуке.
В горах он мчится,
Как ветер, как птица.
Поезд ныряет в туннели и в тучи.
Зорьку несет на груди он могучей.
В поезде этом жаркое лето
Везут пионеры навстречу
рассвету!
Солнышко соком кипит в
апельсинах —
Солнышко пей,
Как прохладу с вершины.
Вкусней не найдешь ни айвы,
ни гранатов,
Их тоже растили сами ребята!
В поезде этом —
Рисунки, макеты,
Мечты и дела пионерских дружин!
Поезд, как песня, несется по свету
Мимо морей, мимо горных вершин...

Косарь

От зари и до зари
летом в поле косари,
А с вечернею зарей
косари идут домой.
В длинных солнечных лучах
блещут косы на плечах.
Ну а рядом с ними кто?
Это маленький Арто!
На плече его коса,
как у брата и отца.
Он шагает с косарями,
будто с лучшими друзьями.
Он идет. Он очень горд.
Расступается народ.
И завидуют ребята:
Он косил с отцом и братом!

Роберт БАБЛОЯН

Ереванские огни

«Огонь — силен.
Вода сильнее огня.
Земля сильнее воды.
Человек сильнее земли».

Армянское народное изречение.

Огонь — предвестник жизни. Это я знаю точно. И чем больше огней — тем больше жизней.

Один огонь — человек один. Два огня — два окна — это уже семья. Три ноля прибавим — большая деревня. На тридцать помножим — это уже город.

В моем городе много огней...

...Вот огонь — дом стоит. Там когда-то родился я.

Вот тот огонь — там для меня хлеб пекут.

А у того огня мать сына ждет. Одна.

А тот огонек другим огонь дает...

В моем городе много огней. Есть здесь и такой огонь, что и днем горит. Под этим огнем прах тех людей лежит, кто за эти вот огни — в огне полегли. Это ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ. Он и светит, и греет, и памятником реет.

Вот они какие — ЕРЕВАНСКИЕ ОГНИ!

Фотографии А. ШПИКАЛОВА.

МОЯ САМАЯ ПОСЛЕДНЯЯ ИГРУШКА

РАССКАЗ

Вардгес ПЕТРОСЯН,

лауреат премии Ленинского комсомола Армении

Они шагали серым строем. Шагали молча, сосредоточенно. Мне казалось, что все они похожи, очень похожи друг на друга. Проходя мимо, они на нас не смотрели, и мне все не удавалось заглянуть им в глаза. А заглянуть в глаза почему-то страшно хотелось. Они, правда, фашисты, но и у них есть глаза...

«Почему они на нас не смотрят?» — спросил я как-то мать, когда они, как обычно, вышагивали по нашей улице. Мать не сразу ответила — прижала меня к груди и зашептала: «Армена они убили». Армен — мой двоюродный брат, которого я очень любил. «Который из них?» — спрашиваю. «Все», — отвечает мать, и я больше ничего не спросил, хоть и не понял, конечно, как это они все вместе могли убить одного Армена.

Мне было тогда семь лет.

Шла война.

С того дня я еще пристальней вглядывался в этот пропыленный строй, который убил моего двоюродного брата, — хотел увидеть того одного, главного. Не верилось, что Армена убили все. Это мог сделать только один. И нужно отыскать этого одного! Я теперь еще бережней стал хранить свое ружье: оно могло пригодиться. А когда во дворе играли в войну, я больше не соглашался быть неприятелем.

Потом пленные мостили нашу улицу. Тут хочешь не хочешь, а видишь их с утра до вечера. Отлично, уж теперь-то я отыщу того!

Работая, они переговаривались. Однажды я даже увидел, как двое смеются. У одного глаза были голубые, как у Армена. И лицо очень доброе — этот убить не мог. На другой день я увидел, что он на меня смотрит, подошел и отдал ему гроздь винограда, которую держал в руке. Он улыбнулся, что-то растерянно проговорил на своем языке и хотел меня по голове погладить. А я удрал — во мне вдруг ненависть вспыхнула. И к этому доброму человеку: что́ он не мог сделать так, чтоб не стреляли в Армена?

— Зачем виноград фашисту дал? — сжав кулаки, подошел Карен, он был старше меня на два года.

Тут мать вышла.

— Что ссоритесь? — говорит.

— Он виноград фашисту дал.

Мать грустно на меня посмотрела и ничего не сказала...

На другой день те двое опять возле наших дверей работали. Когда я вышел, они заулыбались и стали меня рукой подзывать. Я тоже улыбнулся. Потом вдруг вспомнил Армена и побежал во двор. Я тогда еще не представлял как следует, что значит убить. Во дворе, когда тебя «убьют», полежишь-полежишь, а потом встанешь. «А Армен, наверное, уже не встанет», — подумал я, и на душе стало тоскливо. Наверху было синее небо, а во дворе мать белье стирала.

— Мам, — говорю, — Армен к нам больше никогда не придет?

У мамы глаза стали грустные-грустные. Она взглянула на меня, ничего не сказала и стала развешивать белье. А белье было, как небо, голубое.

— Я белье пересинила, — прочитав мои мысли, тихо, будто себе, сказала мать, и я заметил, что она плачет.

Ну и что ж, что пересинила? Плакать из-за этого? Вот вырасту и куплю много-много белого полотна и мало синьки. Чтоб белье не пересинить. Я про это маме говорю, а она притянула меня к себе и в глаза поцеловала.

Я выбежал на улицу. Серые люди были там. И те двое тоже. Вдруг вижу: они меня зовут. Пойти? Может, они узнали, как зовут того, кто убил Армена, и хотят мне сказать? Но я-то им ни о чем не говорил... А вдруг они обманут?.. Они смотрят на меня, подзывают. Что же, подхожу. Они оба небольшого роста, но разные, друг на друга не похожи. У одного глаза голубые, а другой в очках — стекла толстые. Они друг с другом поговорили, потом очкастый вынул из-за пазухи что-то завернутое в бумагу и мне протягивает. Я быстро разворачиваю —

Рисунок А. БОРИСОВА.

револьвер?.. Нет, деревянная кукла с красными глазами будто плакала. В цветастом платье — карандашом раскрашено. Удивленно смотрю на куклу и не знаю, что делать, а они мне дают понять, что кукла теперь моя. Чуть не плачу от обиды — другое дело, если б мне револьвер или ружье дали! А то куклу! Хорошо, хоть Карен не видит, а то позору не оберешься. И я почему-то беру куклу. «Ладно, — думаю. — Отдам ее Асмик, а она пусть мне тайком принесет револьвер «Карена». Куклу в карман — и во двор. Там никого нет. Я куклу решил рассмотреть как следует: ее из дерева старательно вырезали, натерли до блеска, форму придали.

— Что это? — вдруг слышу голос мамы.

— Они дали.

Мать берет куклу в руки, разглядывает. Глаза ее становятся еще печальнее. Потом она говорит:

— Дома груши есть, верно?..

— Есть.

Бегу домой, беру три груши и снова на улицу. Смотрю на серых людей. Где ж те двое? Вниз по улице спуститься боюсь: мать заругает. Ладно, думаю, завтра угощу. И съел одну грушу. Куда же они ушли?

Я снова во двор вернулся. Грустно отчего-то. Зачем это я куклу Асмик буду отдавать, думаю, не отдам ее никому.

Так я больше тех двоих и не видел.

А потом война кончилась. Вся наша улица была уже вымощена, и серых людей не стало. Осталась от них только деревянная кукла с удивленными красными глазами. Я только потом разглядел, что у нее вишневые косточки вместо глаз.

Эта кукла оказалась моей последней игрушкой, с которой я ни разу не играл. С войною закончилось и мое детство. Детство вроде мороженого — сладкое, приятное. Хочется его есть, есть, да так, чтобы оно никогда не кончилось. Мы очень рано повзрослели: в четырнадцать лет мы семнадцатилетними были. А когда мир на земле стал уже привычным, мы жили в соответствии с календарем и днями рождений. И вот мне уже двадцать пять лет, и поезд везет меня по немецкой земле. Собираясь в дорогу, я в последнюю минуту почему-то прихватил с собой и деревянную куклу...

В поезде было много народа, пассажиры часто менялись. Вот вошел один лысый в очках. Сел напротив. Смотрим друг на друга. Измученное у него лицо. Вдруг он спрашивает на вполне сносном русском:

— Куда вы едете?

— В Бельгию.

— Вы из какой части России?

— С Кавказа.

— С Кавказа? — Он вдруг улыбается, снимает очки, и я вижу, что глаза у него очень голубые. — Я был на Кавказе, в сорок четвертом году... Там много хороших людей. Помню, дети давали нам хлеб, фрукты, и родители не запрещали.

Неужели он? Ну, конечно: те же очки, лоб — в то время очень потный и сейчас потный — от жары.

— Мы не знали, как отблагодарить ребят, и, помню, делали разные игрушки из хлеба, из дерева.

Он! Ну конечно же, он! Я достаю из чемодана куклу с глазами-вишенками.

— Помните? — говорю. — Помните?..

Он снова надевает очки и внимательно разглядывает куклу — она тоже будто в очках, но с красными стеклами.

— Помните? — говорю. — Вы мостили нашу улицу, у вас еще друг был. Я вам виноград дал, потом хотел дать груши, но больше вас не видел...

Человек смотрит растерянно то на куклу, то на меня. Трудно, наверное, вспоминается: мне тогда было всего семь лет.

— Неужели вы Армению не помните? — говорю.

Он еще больше растерялся:

— Я в Армении не был. Был на Кавказе, но севернее...

Поезд бежал все с тем же рвением, в квадратном окне менялись картины природы, люди, города. А между мной и новым знакомым на столике стояла деревянная кукла с удивленными красными глазами.

Моя самая последняя игрушка.

Размик ДАВОЯН,

лауреат премии Ленинского комсомола Армении

Ступенчатый Ереван —
бесконечная мысль
свое чело склоняет к мостовым.
Эхом своих шагов переполнен,
я твердо ступаю
по смутной, крутой лестнице темноты,
и, незаметны в ночи,
надо мной облака.
Я перед луной коленопреклонен.

Сплошное небо —
ни заката,
ни зари
и ни одного человека,
согбенного под тяжестью солнца.
Сплошь — небо черное,
и у меня в глазах
мудрое пламя мечты,
призывающее зарю...

Справедливый судья

Мкртич **КОРЮН**

СКАЗКА

Говорят, в большом городе Карс был некогда умный и справедливый судья. Судил всех по совести, и даже из соседних стран приходили к нему люди за помощью да советом.

Приходит однажды к судье купец и пастуха за кафтан тянет.

— О мудрый судья,— жалуется купец,— избавь меня от этого человека!

— А в чем дело?

— Выдумал он, будто купил я у него барана, а денег не заплатил. Вели прогнать пастуха прочь.

— Разве это неправда? — обиделся пастух.— Не ты ли обещал, покупая моего барана, в городе плату отдать? Кто же думал, что ты бессовестный обманщик?

А купец, знай, свое:

— Ведать ничего не ведаю. Должно быть, все тебе во сне приснилось...

Долго слушал их судья, размышляя, кому поверить. Наконец спросил у пастуха:

— Когда ты барана продавал, свидетели были?

— Какие же в горах свидетели? — развел руками пастух. — Мы торговались, присев на камень.

Тогда судья сказал:

— Ну что ж, камень — это важное доказательство. Доставь его сюда. Коли принесешь камень, решу дело в твою пользу.

Услышав такие слова, купец принялся хохотать.

— Что тебя развеселило? — спрашивает судья.

А купец от хохота уже на корточки присел.

— Ха-ха-ха!.. Проиграл глупый пастух... Разве под силу ему ту огромную скалу притащить, на которой мы сидели!

Тут судья сказал строгим голосом:

— Вот теперь мне все ясно. Значит, и камень был, и уговор насчет барана был. Немедленно уплати пастуху, не то прикажу взять тебя под стражу!

Не до смеха стало купцу. Пришлось ему сполна отсчитать денежки. А добрая слава о справедливом судье еще дальше пошла по свету.

Рисунок Ю. КАРПОВОЙ.

Вести из дружин

Рисунки Е. ГЛАДИКОВОЙ.

Из рапорта пионерской организации Армянской ССР XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза

Пионеры Армении свято хранят в памяти имена бессмертных революционеров-коммунистов ленинской гвардии. Они изучают их жизнь и деятельность, создают музеи. В республике — 450 музеев боевой славы, открыты залы и уголки, которые рассказывают о подвигах и героях Великой Отечественной войны. Юные тимуровцы ухаживают за памятниками погибшим воинам, заботятся о ветеранах войны и труда. 25 тысяч пионеров участвуют в военно-спортивной игре «Зарница».

Многие пионерские коллективы республики дружат с коллективами коммунистического труда, равняются на передовиков пятилетки.

Всюду, где могут, пионеры помогают своим старшим товарищам. Летом и осенью 1975 года в колхозах и совхозах Армении трудились более 40 тысяч пионеров.

«Зеленую зону вокруг Севана!», «Превратим республику в цветущий сад!», «Ни одной виноградинки в поле!» — под такими девизами идет работа в пионерских отрядах и дружинах.

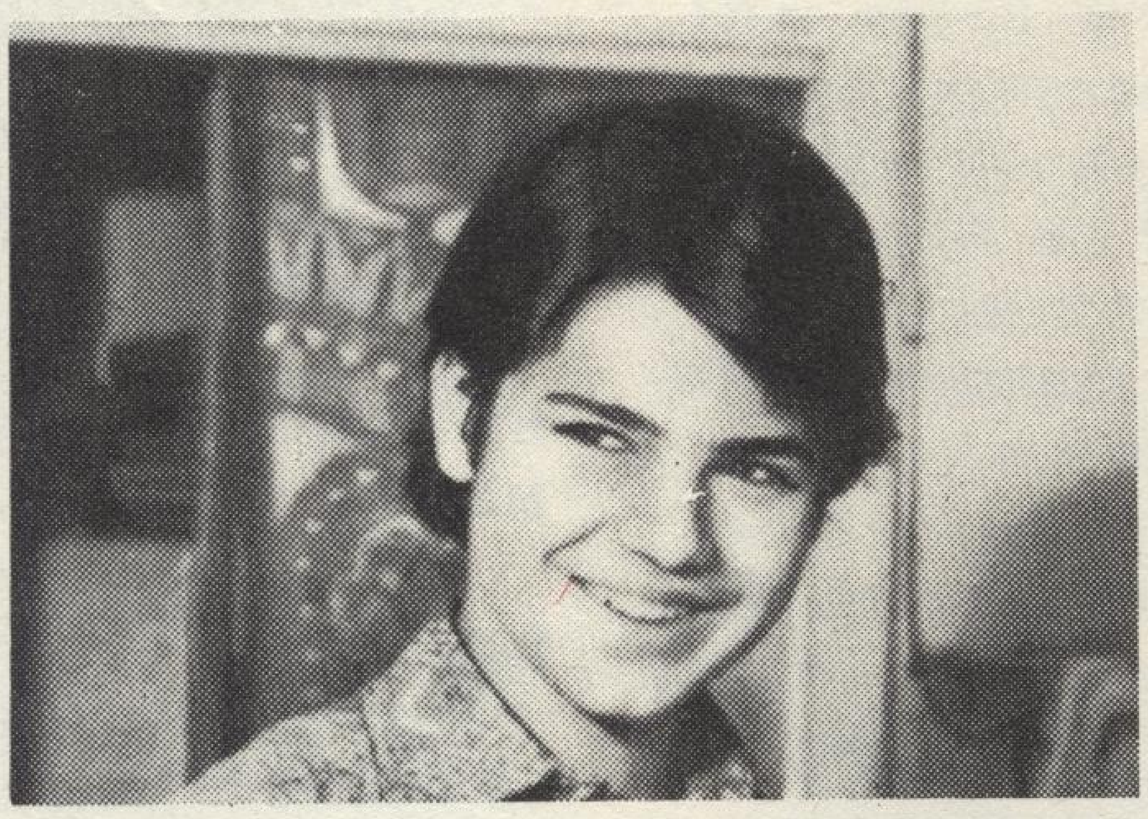
Пионеры Армении всегда помнят ленинский завет: «Без знания нет коммунизма». Больше 2000 отрядов, 100 дружин учатся без двоек, 100 тысяч пионеров только на «хорошо» и «отлично».

Во всех пионерских коллективах идет подготовка к празднованию одного из самых значительных событий в жизни армянского народа — 150-летию присоединения Армении к России. Пионерия Армении начинает готовиться к 60-летнему юбилею Великой Октябрьской социалистической революции.

Пионерская организация республики шагает в едином строю с многомиллионной пионерией Страны Советов.

Пионер-студент

Давид Арутюнян



У малыша была плохая память: даже самое простое четверостишие не мог он запомнить. Однажды мама сделала из тонкой проволоки колечко.

— Что это? — спросил мальчик.

— Это кольцо, — ответила мать. — И так выглядит буква «О».

Малыш тут же нарисовал букву «О» на бумаге. С маминой помощью Давид выучил армянские и русские буквы, а потом и латинские.

Папа ввел мальчика в удивительный мир чисел. Давид учился усердно. И свершилось чудо: за один учебный год Давид прошел программу нескольких классов...

Давиду пятнадцать лет. В двенадцать он стал студентом факультета кибернетики Ереванского политехнического института. Не часто такое услышишь, и все-таки нет тут никакого чуда. Давид — самый обычный мальчик. Любит книги, футбол, музыкой занимается и о пионерских делах не забывает. Участвует в сборах городского пионерского клуба «Костер». Выполняет все, что ему поручают товарищи. Но при этом никогда не забывает об удивительном мире чисел.

Катя КАЗАРЯН

Домашний зверинец

За оградой этого дома косули жуют сочную траву, величаво расхаживают два павлина, весело кудахчут разноперые куры, а на крыше мирно воркуют голуби. Во дворе этого дома в конце улицы Ленина в городе Октемберяне Мкртич Татевосян, два его сына — Арташес (ученик 10-го класса), Армен (он учится в 8-м классе) и дочка Сатеник (ученица 9-го класса) создали зоопарк.

Шестьдесят видов разных зверей, птиц, пресмыкающихся живет в их домашнем зверинце, и все Татевосяны хорошо знают, когда и чем кормить своих подопечных, как и чем их лечить.

Когда я впервые пришел в этот дом, Армен откуда-то притащил маленькую черепаху.

— Осторожно, не разбуди ее, — сказал отец и, обернувшись ко мне, добавил: — У нас много черепах, самой старой из них тридцать лет.

— А как вы определяете их возраст? — спросил я.

Он показывает квадратики на панцире и говорит:

— Видите эти линии в квадратике? За год появляется одна линия. Три линии — значит, этой черепахе три года.

Тут прилетела сорока, села на плечо Сатеник и затараторила: «Сатеник», «Сатеник».

— Соня очень любит блестящие вещи, — рассказала мне девочка, — увидит медные монеты — мигом хватает и так запрячет, что не найдешь...

Заниматься научными исследованиями, составлять режим ухода за «живыми экспонатами» семье Татевосянов помогают научные сотрудники Ереванского зоопарка.

— А мы помогаем экспедиции зоопарка ловить змей, — говорит Мкртич Татевосян. — Однажды Арташес наловил шестьдесят ядовитых змей для Киевского зоопарка. Гости в знак признательности подарили Арташесу охотничье ружье.

— Арташес, — спрашиваю я, — не мешает ли зверинец твоей учебе?

— Он даже четверок не имеет, на одни пятерки учится, — с гордостью отвечает за брата Сатеник.

Саркис ДИЛАНЯН

ЦИРК НА ЛУНЕ

РАССКАЗ

Карен СИМОНЯН

— Ну, — сказал после обеда папа, — отправились.

— Отправились, отправились!

Нвард и Арамик запрыгали от радости. Вот уже несколько дней, как они на Луне. Живут в удивительном городе с большой шарообразной крышей.

Город с крышей... Папа рассказывал, что здесь, на Луне, совсем нет воздуха. Именно поэтому город покрыт куполом, чтобы воздух, находящийся внутри, не мог улетучиться. А все остальное здесь точно такое же, как в Ереване. Широкие-преширокие улицы, высокие-превысокие дома, детские парки. Но, наверное, самое интересное здесь — это цирк, которого дети еще не видели.

Нвард давно знала, что на Луне есть цирки. А она так любила ходить в цирк! Когда за день до полета на Луну она сказала об этом Арамику, тот очень удивился. Ведь Арамик еще маленький и не может понять, что блестящая в темном небе Луна — это целый мир, там есть города, а в этих городах — цирки.

...Как только они с папой прилетели на Луну, Нвард попросилась в цирк. И папа обещал. Но тут же предупредил:

— Цирки находятся за городом, наденьте скафандры.

Вскоре они уже выходили из города. Сначала скафандры показались детям странными и непривычными. Они косо поглядывали один на другого, им хотелось смеяться, дразнить друг друга, но, вспомнив, что здесь все и даже папа в таком наряде, они сдерживали смех. Скафандры были из крепкого и легкого металла: на голове — прозрачные шары, а на этих шарах торчали тонкие усики, какие бывают у улиток. Гулять по Луне без такой одежды было совершенно невозможно.

— Мы пойдем пешком? — спросил Арамик.

— Да.

— А я устану, — сказал Арамик и уселся на корточки. Ему хотелось сесть на одну из тех машин, которые летали по небу.

— Не устанешь, — засмеялся папа. — Давай руку.

Он взял за руки Нвард и Арамика и бросился бежать. Несмотря на то, что почва здесь была неровной и шероховатой, бегать по ней было очень легко, так что они не просто бежали, а с каждым шагом совершали огромные прыжки.

— Ух ты!.. Ух... — закричал Арамик. У него даже дух захватило от этого полета... Все-таки это было очень здорово!..

Они уже удалились довольно далеко от города и, решив немного отдохнуть, уселись на вершине одной из скал.

— Папа, — спросила Нвард, — а почему на Земле мы не умеем бегать вот так?

— Как?

— Летя и подпрыгивая.

— Дело в том, что на Земле мы тяжелее, а здесь, на Луне, мы становимся в шесть раз легче. Шесть килограммов на Луне тотчас же превращаются в один килограмм.

— Ой! — вскрикнула Нвард.

А Арамик удивленно смотрел вверх. Был

день, но на небе рядом с Солнцем блестели маленькие-маленькие огоньки.

— Дырочки в темноте, смотри, Нвард, дырочки в темноте... — восторженно закричал Арамик, показывая на небо.

— Это звезды.

— Звезды, но похожи на дырочки в темноте. Я их каждый вечер вижу, — настаивал Арамик.

— Хорошо, хорошо, пусть будет по-твоему, пусть будут дырочки в темноте, — засмеялся папа... — Смотри, вон там цирк.

Дети посмотрели в ту сторону, куда показызал отец. Вдали виднелся круглый цирк. Только у этого цирка совсем не было купола. Вот тебе на! А где же тогда протягивают канаты, на которых кувыркаются и танцуют люди в ярких, блестящих одеждах?!

— Идемте поближе, — попросила Нвард.

Папа снова взял детей за руки и прыгнул прямо вниз. Они не падали, а плавно опускались, словно на парашютах. А когда Нвард посмотрела вверх, то вся съежилась от страха. Так высоко была над ними теперь скала.

Они снова побежали. После нескольких огромных прыжков папа остановился и сказал:

— Ну, вот и цирк!

— Какой же это цирк?! — огорчилась Нвард.

— Это не цирк, — повторил Арамик.

Папа рассмеялся. Сегодня он был в хорошем настроении и много смеялся.

— Лунные цирки — это круглые горы.

— А где акробаты, где клоуны?

— На горах не бывает клоунов.

— Я хочу клоунов... Я клоунов хочу! — попробовал заплакать Арамик. Захотел поднести руку к глазам, но стеклянный шар скафандра, сидящий у него на голове, мешал. Поняв, что поднести руку к глазам невозможно, Арамик передумал и не стал плакать.

— Вы хотите настоящий цирк? — хитро улыбнулся папа. — Так вот: настоящий цирк находится в городе. Несколько дней назад с Земли прилетела цирковая труппа. Я поведу вас туда.

И они снова вернулись в город, крыша которого была подобна большому шару.

Вечером, после ужина, Нвард и Арамик отправились спать. Оба были недовольны. Правда, они побывали в цирке, видели клоуна, который подпрыгивал намного выше, чем на Земле. Ведь все здесь было таким легким! Видели спортсменов, одетых в блестящие одежды, и спортсмены делали более трудные и опасные упражнения, чем на Земле. Но сейчас, лежа рядом с Арамиком в своей мягкой постельке, Нвард сказала:

— Цирки на Луне совсем неинтересные... Правда, Арамик?

Арамик ничего не ответил ей, он уже давно спал.

— На Земле в цирке работать труднее... — поправила она себя. И медленно закрыла глаза.

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

Жажда Красса

Левон **ГРИГОРЯН**

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Крассу хотелось пить. Жажда томила Красса. Он разрезал сочную мякоть арбуза, пил вяжущее критское вино, отпивал большими глотками хитрую забаву финикийцев — пальмовый напиток. Но все было напрасно.

Смутное и неясное томление иссушало гортань.

«Мне тошно,— подумал Красс,— тошно мне»,— повторил он и усмехнулся. Тертулла тоже не знает, чего хочет, но Тертулла родила Публия. И сердце Красса радовалось при звуке его шагов.

«Вода,— подумал он,— вода, простая и вечная, как Рим». Он зачерпнул ее тяжелым серебряным фиалом, отпил и с отвращением

выплеснул эту теплую, пахнущую бурдюком воду желтых парфянских равнин.

Воздух тоже не выдерживал жары, воздух тек, растекался, куда-то уплывал, испарялся в это высокое синее небо. И куда-то текли, уплывали, испарялись мысли Красса.

Рядом ехал рыжебородый галл — телохранитель Публия.

«Спартак,— вспомнил Красс,— у фракийца тоже была рыжая борода». Но тогда не было этого рыжего парфянского солнца, не было этих бесконечных рыжих равнин. Ни единого облачка не плыло в небе, и ни одна мысль не направляла волю Красса. Только жажда, смутная, непонятная жажда гнала его, заставляя снова седлать коня, снова отдавать приказы.

...В тот день бескрайняя даль песков внезапно огласилась устрашающим звуком, напоминающим то ли звериный рев, то ли гул голосов. Они там знали свое дело. Не воем труб или рожков, знакомых римлянам, а утробным грозным рыком наполнили они небо и землю.

В тот день Красс вышел из палатки не в горящем пурпурном плаще римских полководцев, а в черной тоге. И случайность эта оказалась недоброй. Красным глазом Марса готов был поклясться Красс, что жаждал этого боя, жаждал и ждал его.

...Послушно струился под копытами коня красный песок, все глубже и глубже входило стальное лезвие его легионов в податливое тело Азии. Но был он победителем без победы — враг не встречал его. Был красный песок, но не было крови.

Ни единого облачка не плыло в небе, пусто было в голове у Красса и сухо в горле его. Красный песок битвы при Каррах шуршал в груди, красный песок стучал в сердце. Снова и снова облипал горло, снова и снова забивал глаза, и снова и снова кружилась парфянская конница, поднимая вихри пыли.

Лициний Красс (около 115—53 г. до н. э.), римский политический и военный деятель. Богатство, жадность и жестокость сделали его имя нарицательным. Руководил подавлением восстания Спартака. Вел множество завоевательных войн. Под Каррами римская армия была разбита парфянами под командованием полководца Сурена. События, описанные в рассказе, собственные имена и географические названия соответствуют действительности.

Рисунки В. КОСТИЦИНА

Они знали свое дело, они не принимали прямого боя и засыпали их тучами стрел, а конница продолжала кружить и сжимать свой роковой круг, поднимая красную пыльную тучу из-под тысяч копыт.

Красс помнит, как после этих низких устрашающих звуков они сбросили покровы с доспехов и явились, пламени подобные, в шлемах и латах из маргианского ослепительно ярко сверкающего железа. Маленький отряд неожиданно оказался грозным войском. Явился и сам Сурен, огромный ростом и красивейший из всех: его красота, казалось, не соответствовала славе его мужества. Битва при Каррах увеличит не его, Красса, славу, а славу Сурена.

Шуршит в голове красный песок, шуршит, кружит, стучит в сердце. Все помнит Красс, помнит и то, что не надо помнить. Помнит громовой голос Сурена, вопрошающий его, Красса: как мог у столь жадного и корыстного человека родиться столь благородный и блистающий доблестью сын?

Плывет, растекается вокруг воздух, испаряясь, исходя куда-то. Качается, кружит на высоком копье голова Публия, сына любимого, им же, Крассом, брошенного в неразумную атаку.

Безоблачное небо над Крассом, ни одной тучки, ясно и сухо вокруг. Болтаются, гремят перед ним в повозке награбленные золотые сосуды и чаши. Пусто и сухо в драгоценных сосудах, ни один из них не может утолить его жажды. Вокруг бурая даль плоскогорий, и только где-то у горизонта на севере, как белое плывущее облако,— большая снеговая гора. Красс облизывает пересохшие губы. Красс видит, как входит в залу черный статный эфиоп, видит, как пружинят круглые мышцы его живота, как сгибаются длинные бедра под тяжестью огромного коринфского килика, который он держит в широко раскрытых руках.

Килик доверху полон белым, дымящимся горным снегом. Овация оглашает зал. Воистину Лукулл великолепен и щедрость его безмерна. И все тянутся, хватают этот обжигающий холодом снег, привезенный в жару Рима с далеких гор. И берет снег полными пригоршнями Красс и погружает в него свое разгоряченное лицо. Жует холодный, обжигающий, хрустящий снег, кидает полные пригоршни Лесбии и пьет холодные струйки, бегущие между ее пальцев.

...Безоблачно небо над Крассом, перед ним простирается бурая даль. Открывает глаза Красс и видит большую белую-пребелую гору на севере. Чистый, горный снег на ней. Облизывает пересохшие губы Красс, а пустые сосуды из золота и серебра гремят и гремят.

Где сейчас Сурен? Куда он скрыл свое войско, пылающее маргианским железом? Его не видно. Но Красс знает, что он где-то здесь, рядом, идет по его следам.

Двести повозок с наложницами везет с собой Сурен. Крассу чудится, что он слышит скрип этих повозок. Безумец! Зачем ему двести наложниц на поле боя? Но как римлянин и полководец, как ученик Суллы и соперник Помпея и Цезаря, не может Красс не признать в нем блестящего стратега.

Так проходит день, но и ночь не приносит покоя. Напрасно он пьет глоток за глотком эту тухлую, желтую воду, напрасно осушает последнюю амфору с теплым приторным вином. Смутная, непонятная жажда мучает его, но Красс упрям, воля его непреклонна.

Триста талантов[1] оставил ему отец. Он увеличил эту сумму до семи тысяч. Помпей—бедняк перед ним, а Цезаря кредиторы не пустили в Галлию без его поручительства. Нет, не может Красс сдаться. Красс побеждал всю жизнь.

Он положил руку на чашу и почувствовал знакомый холод золота. Как Антей из земли, пил из золота свою силу Красс. Сердце ударило ровно, стало легче дышать. Золото не только придавало ему силы, золото молодило его.

«Все относительно,— подумал Красс,— и любовь, и смерть, и мудрость, и близкие. Все проходит, все кончается, одна только сила правит миром. Золото — это сила».

И, освеженный, помолодевший, он раскрывает рассказы Аристида, но, вспомнив о Сурене, отбрасывает их и углубляется в «Жизнеописание Эзопа»:

«Ксанф, разгоряченный, побился об заклад выпить море, а утром испуганно бросился за советом к Эзопу...

— Да как же это я выпью море? — спросил Ксанф.

— Ты ответишь так,— посоветовал Эзоп.— Перекройте все реки, впадающие в море, и если это вам удастся, я выпью море...»

На этом Красс забылся сном.

Свадьба была шумной. Вчера Ород организовал охоту в камышах Аракса[2]. Сегодня Артавазд давал представление. Праздничный гул вот уже который день не смолкал над Арташатом. Всю ночь горели костры. Сила, красота и блеск Армении и Парфии собрались сюда в эти дни. Царь Артавазд выдавал сестру за сына Орода.

Звенели чаши. Буйная красочная река веселья, казалось, вышла из берегов. Не счесть было даров, принесенных на свадьбу, и спешил положить свой дар к ногам новобрачных Сурен. Спешили воины, погоняя измученных коней.

И гора Арарат делалась все ближе и больше и, наконец, заслонила своей громадой горизонт Арташата.

Азия праздновала триумф.

Артавазд давал представление. Это был реванш надменному Лукуллу за спектакль, данный в разоренном Тигранакерте.

Театр шумел.

Солнце заливало белые каменные скамьи. Как гигантский задник на голубом фоне ослепительно сиял белизной Арарат. Дионис вместе с хором вакханок затянул песню.

Давали «Вакханок» Эврипида.

Артавазд напряженно подался вперед. Он ждал.

...Скакали потные всадники, летела голова.

Гора делалась все больше.

Театр огласился овацией. Любимец публики Язон в маске вакханки Агавы взмахнул мечом и, схватив голову надменного царя Пентея, начал монолог.

Чистое высокое небо было над Арташатом. Белизной сверкал Арарат. Ни одного свободного места не было на белых скамьях. Громко раздавался голос Язона:

— Мы несем с горы в свой дом недавно срезанный плющ.

Добычу счастливой охоты.

Артавазд шумно перевел дыхание.

Вошли охотники, пыльные, грязные, со слипшимися прядями волос. Они вошли без масок, без принадлежностей бутафории.

[1] Талант—старинная единица денег.
[2] Аракс — река в Армении.

Взошли на сцену прямо из жизни. Гул удивления прошел по рядам. Глухо брякнулась добыча, принесенная с гор. По залитой солнцем сцене покатилась мертвая голова. Еще тяжело дышали загнанные кони, еще утирали пот усталые охотники, но многие уже узнали голову. Первый из них — грек Язон. Он отшвырнул бутафорскую голову Пентея, сорвал с себя маску Агавы и, ликуя, уже от себя снова начал монолог:

— Мы несем с горы в свой дом недавно срезанный плющ.

Добычу счастливой охоты.

Голос Артавазда услышали все:

— Утолите его жажду!

Тяжелыми глотками вливалось в глотку расплавленное золото. Красс хотел выпить Арарат. Красс не слышал голоса Язона:

— Насыться золотом, Красс, ты этого жаждал.

МИНИАТЮРЫ

КАК КРЕМЕНЬ

Вахтанг АНАНЯН

БЫЛЬ

Речь пойдет об охотниках. Не привелось мне встретить людей выносливее их. Я и сам как-то раз ясной январской ночью просидел недвижно на выступе скалы — что в горах Урц — до самого рассвета. Попробуй я шевельнись, тут же кувыркнулся бы в пропасть. От холода ни рук, ни ног не чуял, но все обошлось: даже насморка не схватил. В жизни мы, охотники, столько испытываем, что нас так запросто не сломишь...

Вот, скажем, Шакар. Кремень, а не человек. Ему под девяносто, а он пыхтит, как матерый вепрь, и легко шагает в снегу по колено. С плеча у него свисают словно хурджин[1], две лани. Одна на спину перекинута, другая на грудь. Останавливается, снимает большую папаху — от головы пар идет. Вытирает папахой пот и нетерпеливо ждет, когда с ним поравняется сын Жоржик. Сын — кровь в жилах кипит, а до отца ему все равно далеко. С отцом он не раз на охоте бывал, закалился под градом и снегом, излазил горы и ущелья, косил, дрова рубил. Закалиться-то он закалился, но кремнем еще не стал.

Отец из-под густых спутанных бровей, вздыхая, глядит на сына.

— Да в твои годы я с этого ущелья до Наргиза корову на себе приволочь мог, а ты под тощим ягненком скрючился...

«Тощим ягненком» была косуля. Сын обиделся: «Хорош ягненок».

— В мои годы... В мои годы ты норму выполнял?

И садится на пень возле стежки — дух перевести.

А Шакар смеется:

— Нормы для других, а тебе какая норма. Ты председатель, сам себе голова...

И снова смеется в пышные усы.

— Вставай, вставай. Пока до скалы Арпавута доберемся, стемнеет.

И они продолжают трудный подъем.

Скала Арпавута... Вон она где! В облака воткнулась. А она еще в ущелье Агарцина, чуть повыше монастыря. Надо дойти до скалы Арпавута, обогнуть ее и спуститься на зимнее пастбище нашего села. Другой дороги из ущелья Агарцина в село нет. А снег глубокий, дорогу замело. Тут уж держись, не плошай.

— Отец, куда мы столько тащим? Может, двух в снег закопать? — осторожно предлагает сын.

— Фу! Тебе не стыдно? Роста своего постеснялся бы!.. Кто ж добытое в снег бросает?

— Завтра осла с собой приведем и заберем.

— Завтра! А ты думаешь, волки так глупы, что не разыщут? Или, может, не тронут, испугаются?

И снова вовсю хохочет, словно не ему шагать к горе с тяжелой ношей, увязая в снегу, словно он, конный, на свадьбу скачет...

Но вдруг Жоржик провалился в снег, выбраться с тяжестью на плечах ему не под силу.

Отец свободной рукой схватил его за плечо, вытянул и снег с него отряхнул.

— Давай сюда ружье.

Теперь два ружья закинул он себе на правое плечо, а на левом, подобно хурджину, висят связанные за ноги лани.

— Давай по моим следам ступай.

И, тяжело дыша, продолжает подъем.

Жоржик опять в снег провалился. Отец вернулся, снял с его плеча косулю, одной рукой закинул ее себе за спину, протянул ему ружья и воскликнул:

— Недотепа!.. Хоть себя, без ноши, донеси!

И, согнувшись под тяжестью трех животных, двух ружей и мешка картошки, он, хмурый и злой, так резво стал взбираться на гору, что остановился только за Арпавутом. На то он и кремень.

[1] Хурджин — переметная сума.

Больной зуб

Хажак ГЮЛЬНАЗАРЯН

Был у меня друг, звали его Октай. Жил он по соседству с нами, вместе с дедушкой. Мы встречались с ним каждое утро, он поднимал на меня свои черные глаза и говорил:

— Здравствуй, дядя Армен, как спалось?

— Спасибо, Октай, неплохо,— отвечал я.

Наш дом отдыха находился в лесу. Среди отдыхающих было немало писателей, два художника, один музыкант и... зубной врач.

Октай любил всех, кроме... Конечно, Октай по-

любил бы и доктора, если бы как назло не разболелся у него зуб.

Дедушка долго убеждал его, что вырвать зуб — пара пустяков, что у него повыдергали все зубы и ничего, пока жив. И я, в свою очередь, соглашался с дедом Октая, хотя, по правде говоря, сам немного побаивался идти к зубному врачу.

— Ведь ты у нас мужчина,— убеждал Октая дед.

Октай охотно соглашался. Конечно, быть мужчиной совсем неплохо, но позволить, чтобы тебе вырвали зуб...

Но что поделаешь, если каждый раз, когда ешь варенье, зуб сильно болит, хочешь не хочешь, пойдешь к зубному врачу. Тем более дедушка говорит, что ты мужчина и что вырвать зуб — пара пустяков.

И вот, когда у Октая снова разболелся зуб, он сказал:

— Дядя Армен, вы ведь друг мне?

— Конечно, Октай.

— Вы храбрый, верно?

— Верно.

— Тогда пошли.

— Куда это, Октай?

— К доктору.

По дороге Октай сосредоточенно молчал. Как только мы подошли к домику, где жил зубной врач, Октай сказал:

— Знаешь, дядя Армен, у меня больше не болит зуб.

— Все равно, потом снова разболится.

— Не думайте, что я боюсь, это я просто так сказал.

Мы вошли в кабинет врача.

— Здравствуйте, дядя доктор,— улыбнулся Октай.— Открыть рот?

— Открой. Ты же у нас храбрый мальчик.

— Конечно,— согласился Октай.— Что для мужчины выдернуть зуб?

А руки его продолжали дрожать.

Врач выдернул зуб, маленький, с горошину. Октай вздрогнул, глаза его наполнились слезами, он захлопал своими длинными ресницами и, вскочив с кресла, сказал, как взрослый:

— Спасибо, совсем не было больно.

Мы вышли из кабинета врача и пошли по тропинке домой.

На полпути Октай вдруг сказал:

— Дядя Армен, здесь есть поляна — грибов куча.

— Пошли, соберем.

— Нет,— сказал он серьезно,— я и так отнял у вас много времени. Я один пойду. До свидания, дядя Армен.

Я подождал немного и пошел следом. Он сидел на пенечке и, подперев ладошкой щеку, тихо плакал.

Я незаметно удалился.

Вечером, во время ужина, Октай весело рассказывал, как у него выдернули зуб.

— Ни капельки не было больно,— сказал он.— Для мужчины вырвать зуб — пара пустяков.

Генрик ТУМАНЯН

В нашем саду

Бежит по саду ручеек,
Чуть слышен легкий звон...
В далеком детстве, помню, мне
Рекой казался он.

Мы мастерили корабли
Бумажные не раз,
И через ширь воды мечта
Перевозила нас.

Я видел реки и моря
За этот долгий срок,
Но где-то в памяти моей
Журчит мой ручеек.

Чиста вода в ручье моем,
Бежит он, полон сил,
И мнится мне, что я его
Еще не переплыл.

Алла ТЕР-АКОПЯН

Людская память

Босый мальчик оставлял следы
на пыльной улице.
Кувшин давил на плечи.
А он кричал:
«Вода! Кому воды?!»
И с каждым домом становился легче
его кувшин...

И снова тихой ранью
шагал он глинобитной Эриванью,
и старый выкрик
жил в надежде новой,
как будто городу навечно дан...
За медный грош
прохладой родниковой
одаривал мальчишка горожан...

И подобрела к городу вода,
в фонтанчиках насмешливо забилась.
И мостовыми прошлое забылось.
А люди вспоминают иногда.

ЧЕРНОЕ ПЯТНЫШКО

Виктор БАЛАЯН

Как только я научился перелетать с дерева на дерево, мать забеспокоилась.

— Смотри у меня, далеко не залетай: только вверх да вверх, понял?

— Нет, не понял: почему это другие воробьи могут летать так далеко, а я нет?

Однажды вместе с мамой и другими воробьями я улетел далеко-далеко от нашего гнезда.

Внизу что-то блестело, переливалось.

— Что это? — спросил я у матери.

— Колосья колышутся, словно морские волны.

Мать видела уже море, а я еще не знал, что это такое. Наверное, красивое оно — море, потому что красивы были и те колосья внизу.

Когда мы решили спуститься на землю за зернами, я вдруг увидел, как другие воробьи зачирикали, заволновались и мигом разлетелись кто куда.

Ко мне стремглав подлетела мать.

— Скорей, скорей поднимайся вверх! И посмотри вниз,— видишь, там, посреди моря колосьев, небольшое черное пятнышко?

«Вот глупцы,— подумал я,— и чего они испугались этой маленькой черной точки?! Она такая крошечная и так далеко».

И я стал опускаться вниз.

Черная точка все увеличивалась и увеличивалась. Вдруг я заметил, как две огромные черные трубы стали медленно подниматься вверх, нацеливаясь на меня.

И в эту же секунду моя мать с криком бросилась ко мне.

Сильный грохот оглушил меня. Все кругом окуталось дымом. И голос матери умолк.

Сердце мое выскакивало из груди, перехватило дыхание... Я искал маму, кричал, звал, но ее нигде не было.

Когда дым рассеялся, я глянул вниз. Посреди колосьев поля все еще виднелись две черные точки.

Теперь я поднимался вверх и только вверх, как наказывала мне мать. И чем дальше я улетал, тем меньше и ничтожней казались мне черные точки.

...Нет, теперь уже море колосьев не казалось мне таким прекрасным.

Из копилки Ашотика

Четвероклассника Ашотика «прикрепили» к озорному первоклашке Алику. Каждый раз, позанимавшись с Аликом, Ашотик возвращается домой красный, как рак. Мама удивляется:

— В чем дело? Почему ты взмыленный после занятий с Аликом?

Ашотик спокойно отвечает:

— Чтобы с ним позаниматься, его еще поймать надо.

* * *

Ашотик собирается идти на урок музыки.

— Ты руки вымыл, Ашотик?

— Вымыл.

— А уши?

— Вымыл правое.

— Почему только правое?

— Потому что учительница сидит справа от меня.

* * *

На улице зима. Бабушка собирается выйти из дома, пудрит себе нос. Ашотик с любопытством спрашивает:

— Разве от пудры намного теплее?

* * *

— Мам, купи мне что-нибудь на букву «э».

— Эскимо?

— Нет. Эгрушку.

Алла ТЕР-АКОПЯН

ПОСЛОВИЦЫ ПОГОВОРКИ ЗАГАДКИ

Толковый сын — правый глаз отца.

Если честный станет волосом — и то не порвется, а мошенник станет бревном — поломается.

У тебя два уха и один рот, поэтому дважды послушай, раз скажи.

Лающая собака никого не укусит.

Лягушку спросили: «Почему все время квакаешь?» «Мне мой голос нравится»,— ответила лягушка.

Хорошо плов есть, но один раз у нас, другой — у вас.

*

Без рук, без ног, а рисует. (Мороз)

**Пришел на день,
А ушел через год. (Новый год)**

**Изгородь из костей,
А сторож без костей. (Зубы и язык)**

**Не небо, не земля,
А весь мир в нем. (Зеркало)**

**Слаще меда,
Тяжелей железа,
В магазине не продается
И на базаре не покупается.
На весах не взвесишь,
На базаре не продашь,
Нет на свете милее его. (Сон)**

ВИКТО-РИНА

1 Когда образовалась Армянская Советская Социалистическая Республика? Расскажите об одном из видных борцов за установление Советской власти в Армении.

2 Какие крупные предприятия Армянской ССР носят имя В. И. Ленина?

3 Что ты знаешь о делах армянских пионеров? Если ты и твой отряд дружат с пионерами Армении, расскажи об этой дружбе.

4 Кто из выдающихся советских полководцев, чья родина Армения, был командующим Всесоюзной военно-спортивной игры «Зарница»? Какими орденами Родины отмечены его ратные подвиги?

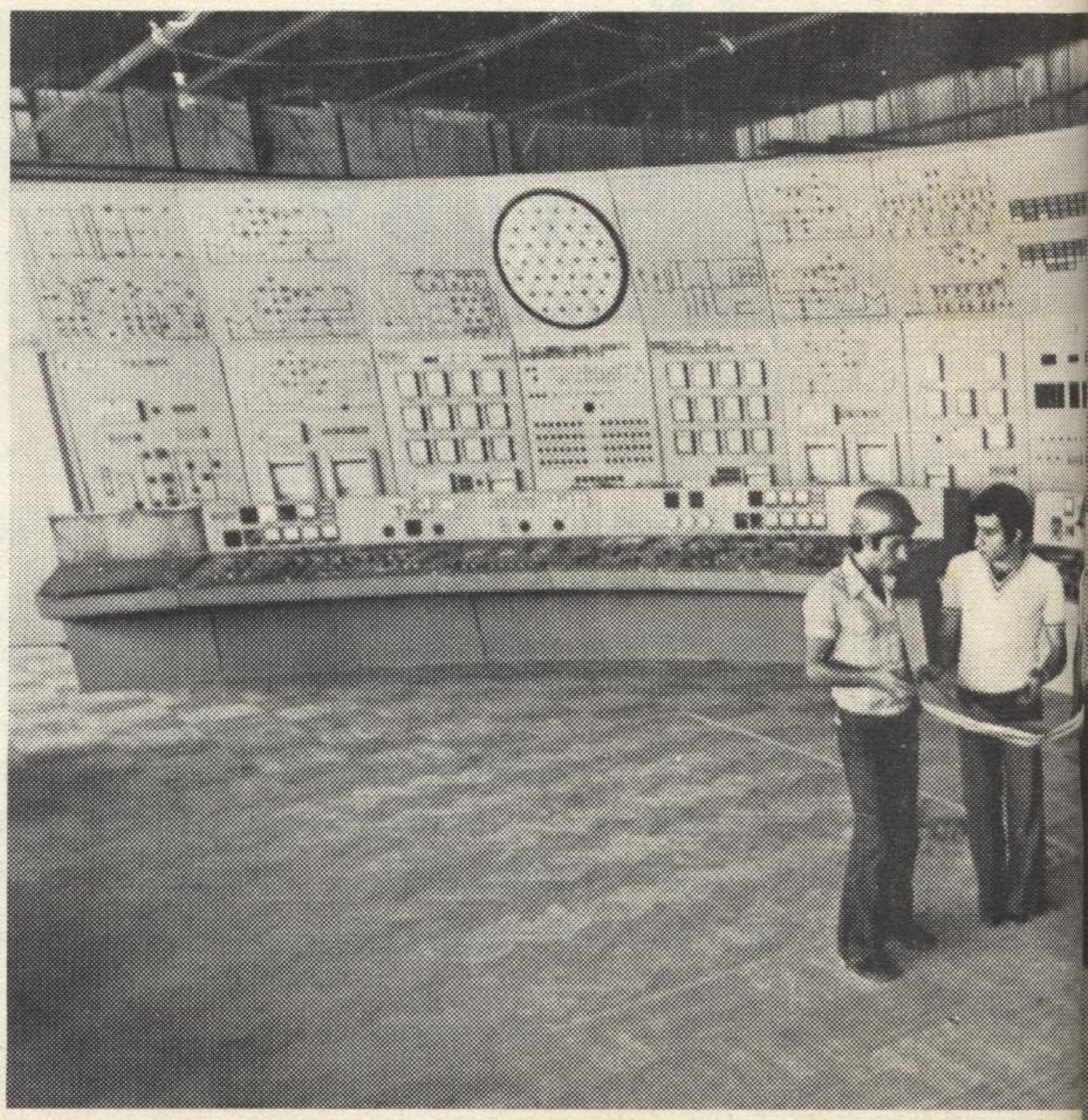
5 Кто из армянских спортсменов стал олимпийским чемпионом в Монреале? Каких еще выдающихся спортсменов этой республики знаешь ты?

6 В городе Ленинакане открыт музей народного поэта Армении. Назови его фамилию. Какие его произведения знаешь ты?

Бюракан. Один из корпусов астрономической обсерватории.

7 Где находится всемирно известное хранилище древних рукописей. Как оно называется, чем знаменито?

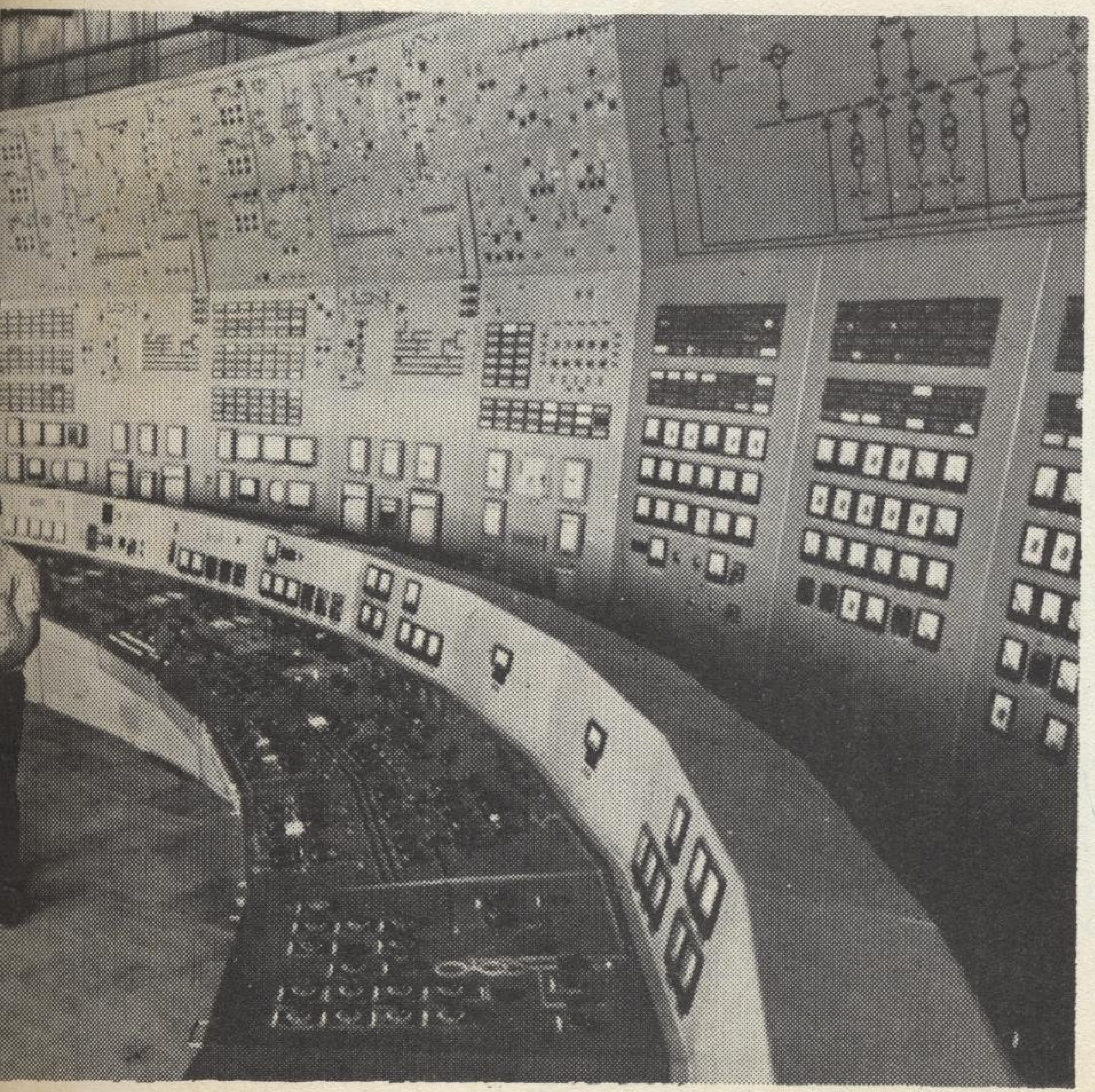
8 Кому из художников Армении присвоено звание лауреата Ленинской премии?



В зале блочного щита управления атомной электростанции.

9 Где в Армении строится атомная электростанция? Какой будет ее мощность? Назови новостройки республики в 9-й пятилетке.

10 Как называется газета армянских пионеров?



Фотографии А. ШПИКАЛОВА и ТАСС.

ЧТО ЖДЁТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА

Лауреаты конкурса будут награждены книгами об Армении. Абсолютный победитель, который наиболее полно, правильно и интересно ответит на ВСЕ вопросы, будет гостем армянского журнала «Пионер», побывает в Ереване. Ждем ваших ответов, ребята. Участие в конкурсе поможет вам больше узнать о дружбе наших народов, о жизни твоих друзей в союзных республиках.

ПРИСЫЛАЙТЕ СВОИ РАБОТЫ НЕ ПОЗДНЕЕ 1 АПРЕЛЯ 1977 ГОДА.

КОНКУРС ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ „ПИОНЕРА" В АРМЕНИИ

Дорогие читатели «Пионера» в Армении! Мы предлагаем вам принять участие в конкурсе на лучший рассказ, стихотворение, фотографию, рисунок о своей республике — Армянской ССР, ее людях, новостройках, природе, ваших сверстниках, школьной и пионерской жизни. Лучшие ваши работы мы опубликуем в журнале, а абсолютный победитель побывает в Москве, будет гостем редакции журнала «Пионер». 10 лауреатов конкурса будут награждены грамотами журнала и альбомами, рассказывающими о нашей Родине.

ПОСЛЕДНИЙ СРОК, КОГДА МОЖНО ПРИСЛАТЬ ОТВЕТЫ,— 1 МАРТА 1977 ГОДА.

Жюри конкурса.

Загадочные зеркала

А. БЛОХ

Если у тебя есть старшая сестренка, ты, наверно, видел, как она любит примерять новое платье перед двумя зеркалами сразу. Как ты думаешь, сколько своих отражений она видит? Два? Ошибаешься! Можешь проверить себя: поставь два маленьких зеркальца углом друг к другу, положи перед ними пуговицу и сосчитай отражения. Их будет **три**! Теперь немного уменьши угол между зеркалами, сблизь свободные края. Пуговица, отраженная в зеркале, сначала сдвинется с места, а потом ты увидишь уже не три, а четыре, затем пять, шесть отражений! Откуда они берутся?

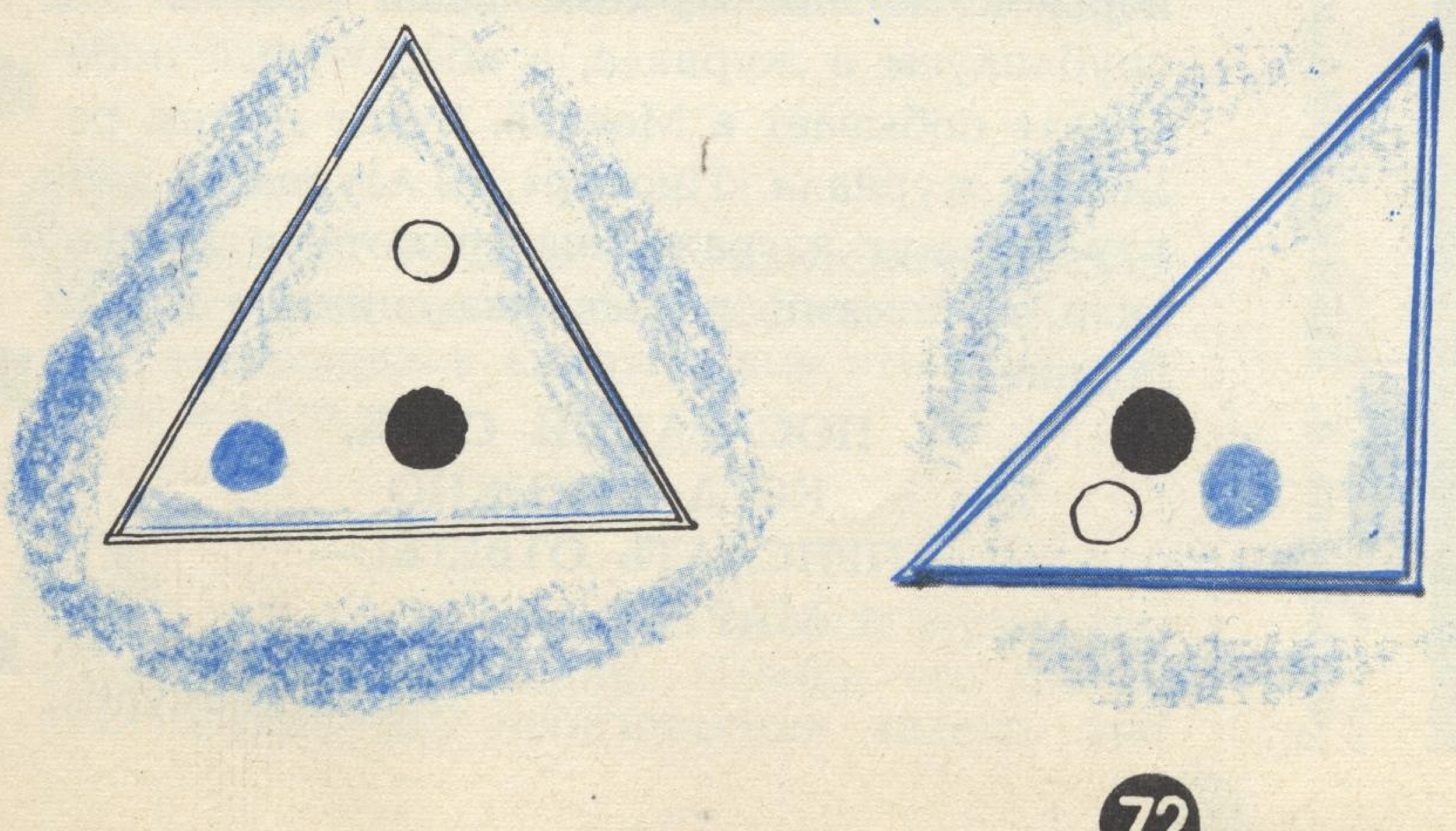
Объяснение простое — в зеркальце отражается **все**, что находится перед ним. А если перед ним другое зеркальце? Значит, отразится и оно, причем вместе со всеми **своими** отражениями. Среди них будет и первое зеркальце. Так и возникает ряд повторов-отражений.

Удивительные свойства зеркал издавна исследуются учеными, наука старается поставить их на службу людям. Могучие прожекторы, освещавшие ночное небо во время войны, телескопы, спутники связи, система «Орбита», по которой ты смотришь телевизионные передачи из Москвы, — везде используются свойства зеркал. Даже обыкновенный электрический фонарик светит так ярко, потому что свет от лампочки направляется специальным зеркальцем. В школе, на уроках математики и физики ты еще не раз услышишь о свойствах зеркал.

А пока попробуй решить несколько задач про зеркала и отражения.

Рисунки В. КОСТИЦИНА

Калейдоскоп

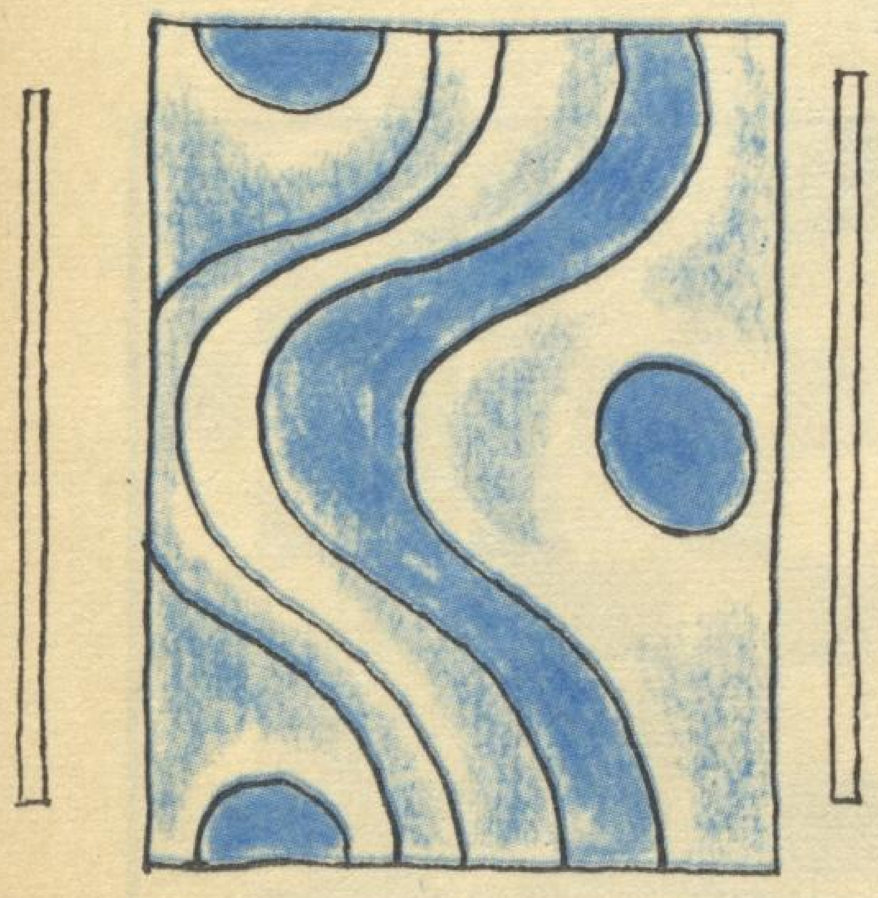


В детской игрушке калейдоскопе три зеркала образуют равносторонний треугольник. Фантастические, разнообразные узоры калейдоскопа — работа этих трех зеркал. Попробуй угадать, какой получится узор, если в трубку калейдоскопа поместить три кружочка, как на этом рисунке.

А если зеркала в калейдоскопе расположить иначе? Пусть это будет не равносторонний треугольник, а половинка квадрата с прямым углом. Какие тогда будут получаться отражения?

Узоры с продолжением

Художник нарисовал красивый узор. Попробуй теперь к этому рисунку с противоположных сторон приставить два зеркала и посмотреть в одно из них. Постарайся сначала догадаться, что получится, а потом проверь свою догадку в зеркале.



Снежинка в зеркале

Художник нарисовал сначала только одну часть этой снежной звездочки, а потом поставил два зеркала так, чтобы получилась целая снежинка. Угадай, какой кусочек снежинки изобразил художник сначала и как были поставлены зеркальца.

Заяц скачет по дорожке

Дорожка перед зайцем прямая, и скачет он по ней вперед и назад таким образом: первый раз прыгнул на метр, а потом каждый прыжок длиннее предыдущего еще на целый метр. Прыгнул он четыре раза и оказался в двух метрах позади места старта. Покажи, как он прыгал. И помоги ему теперь вернуться к месту старта, но учти, что он и дальше собирается удлинять каждый прыжок на метр по сравнению с предыдущим. **Совет лягушатам:** эту задачу решали восьмиклассники на московской математической олимпиаде. Но не думай, что ты не сможешь ее решить! Будь только смелее! И вот тебе наш совет: подумай, как изменится положение зайца, если он сделает очередной прыжок в одну сторону, а следующий — в противоположную?

Кому снег враг, а кому друг?

НОВЫЙ КОНКУРС

Зимой ты одеваешь шубу, тебе покупают теплую шапку и обувь. Лесные птицы и звери не ходят в магазины. Однако и у них к зиме появляются теплые шапки и зимняя обувь. Какие у кого?

Кому из них плохо, если зима бесснежная? Для кого снег — убежище, для кого — западня?

Почему одни птицы улетают от нас, а другие не улетают? Почему вороны и галки остаются, а соловьи и мухоловки стремятся на юг?

Кто и как добывает себе корм из-под снега? Почему у северного оленя за зиму стираются копыта?

Почему по мартовскому насту волку легче нагнать лося?

Кто родится под снегом и кто ночует в снегу?

Почему зимой лесных животных чаще можно увидеть на дорогах и возле жилья человека?

Эти и многие другие зимние загадки вы можете разгадать, участвуя в нашем новом зимнем конкурсе.

Присылайте свои наблюдения, составленные вами загадки, вопросы. Записывайте рассказы, как в зимнюю пору животным помогает человек.

Конкурс будет проводиться в течение всей зимы — до апреля.

ЛЕСНОЕ СПРАВОЧНОЕ БЮРО «АУ!»

ШАХМАТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Шестьдесят четыре белые и черные клетки — вот где развернутся предстоящие шахматные сражения. Вам, ребята, конечно, хорошо знакомы географические карты, их условные цвета. Голубые линии обозначают реки. Резко выделяются отмеченные коричневым цветом горные хребты.

И на шахматной доске можно было бы сделать немало условных пометок. И здесь есть удобные пути движения фигур, и трудные перевалы, и даже свои горные хребты.

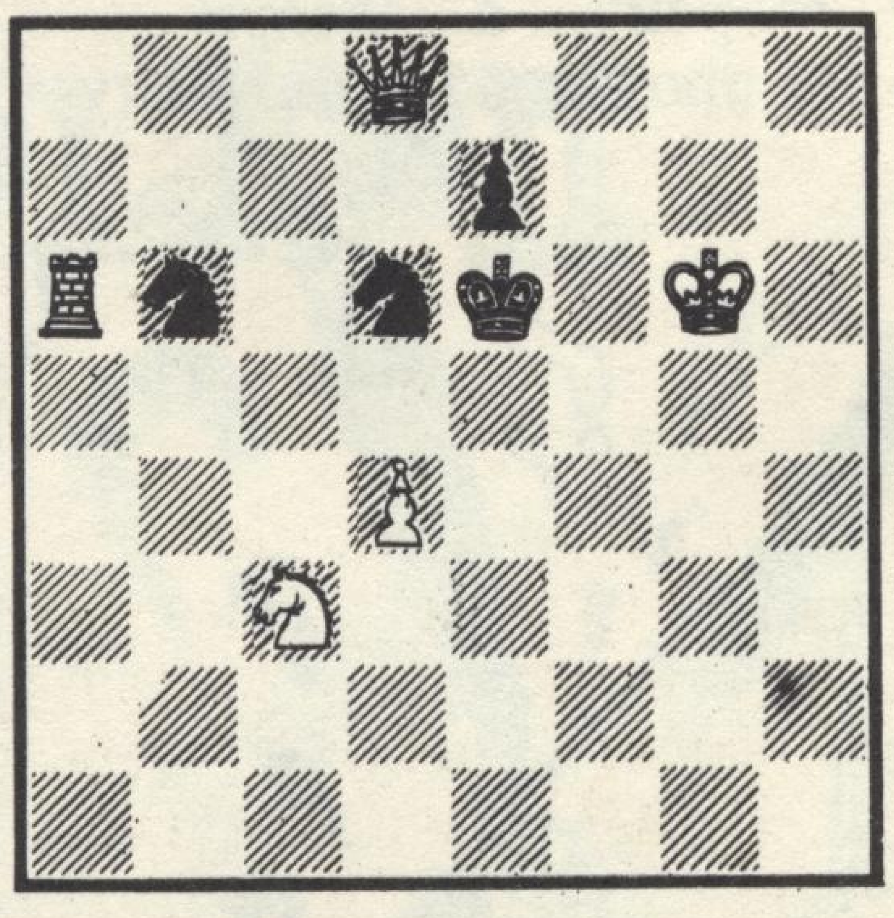
Подумайте, что это за пути? А сейчас — в поход. И путеводителем по шахматным дорогам будет вам такой дорожный указатель.

2 + 2 + 4 = 50

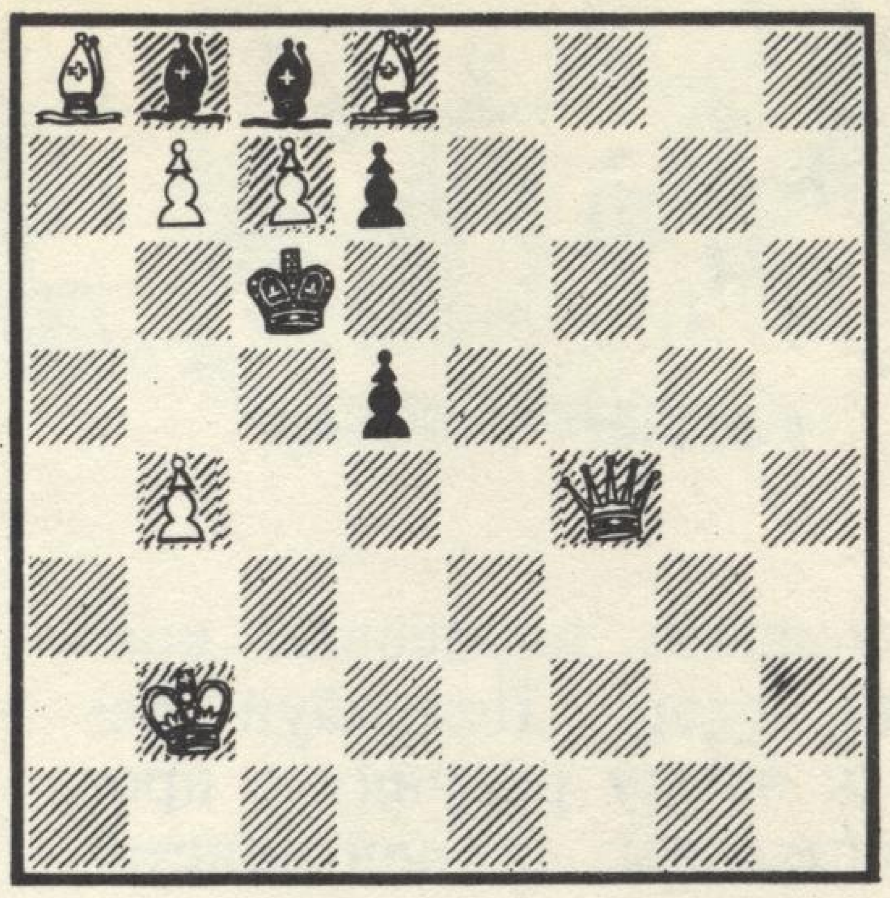
Странная арифметическая задача, не так ли? А вот Пешкин считает, что ничего необычного в ней нет. Просто это его новогодний «Конкурс-77».

В конкурс входят две задачи двухходовки и одна четырехходовка. А за правильные решения заданий конкурса Пешкин установил 50 наград. «Грамотами ферзя и ладьи» и шахматными книжками с автографами гроссмейстеров будут отмечены победители.

К участию в этом заочном соревновании Пешкин приглашает всех ребят, любителей шахмат. Итак, три конкурсных задания.

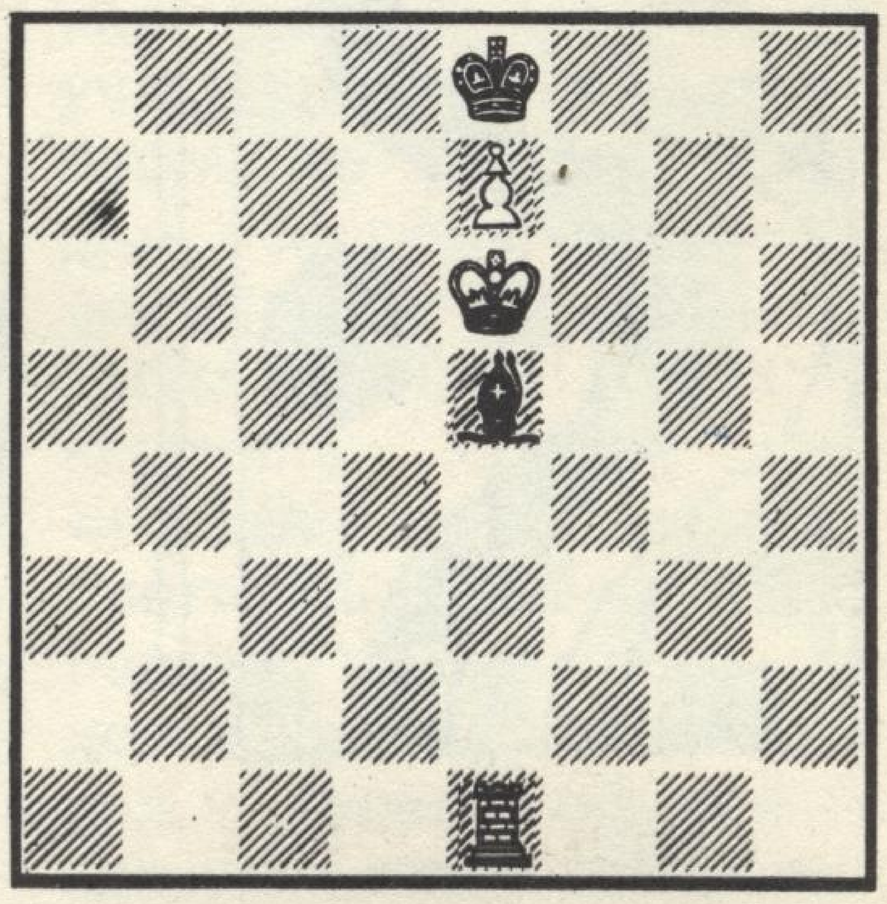


Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода. Записывать решения будет просто даже ребятам, плохо знающим шахматную нотацию. Для этого только стоит посмотреть на наш путеводитель.



И в этой задаче белые начинают игру. Здесь также мат достигается в два хода.

А вот в последней конкурсной задаче мат надо дать в четыре хода. Как обычно, игру начинают белые.



Пешкин желает вам успехов, дорогие друзья, и сообщает, что ВСЕ ТРИ ЗАДАНИЯ новогоднего конкурса входят и в его традиционное заочное соревнование, по итогам которого ребятам будут присваиваться СПОРТИВНЫЕ РАЗРЯДЫ.

НИЧЬЯ С САМИМ КАРПОВЫМ

«Я живу далеко на севере, в якутском поселке Заря, — пишет Георгий Орлов, — а учусь в шестом классе московского интерната № 9. Когда я был на каникулах дома, у нас в Якутии выступал чемпион мира Анатолий Карпов.

Мне посчастливилось принять участие в сеансе одновременной игры, который проводил он в городе Мирном. Борьба была трудной и очень интересной. Я пожертвовал ферзя за две легкие фигуры и получил опасную атаку. Карпов отразил атаку, и на тридцатом ходу мы согласились на ничью.

Партия эта мне запомнится надолго».

Рисунок Н. МАРКОВОЙ.

СИЛЬНЫЕ, ЛОВКИЕ, СМЕЛЫЕ

Хоккей, шаг первый

С. ИВАНОВ. Фотографии М. ДОРОНИНА

Это происходило в конце минувшего лета в Москве, на Ленинградском проспекте. Хоккейная школа всемирно известной команды ЦСКА проводила набор учеников.

Что и говорить, в этой школе мечтали бы учиться ребята из Нижнего Тагила и Одессы, из Чикаго и Питсбурга, из Стокгольма и Тампере. Имена-то какие — Третьяк, Петров, Викулов... Да вы что! Да за такую школу...

Но ничего не поделаешь: учиться здесь могут только москвичи! Так же, как в знаменитой борцовской школе Али Алиева учатся только махачкалинские ребята, а в гимнастической школе, где вырос Николай Андрианов, — ребята из Владимира.

...И вот они стоят: «Примут?.. Не примут?..» Один, видите, в хоккейном шлеме, другой в панамке! Не в нее ли прошлым летом он с детсадовским усердием собирал землянику?

Робеют? Еще бы!

Но сильней всякой робости желание играть. Желание владеть этим веселым и грозным чудом, которое называется хоккей... И сверкание льда, и грохот трибун, и глухие увесистые удары шайбы представляются им, когда они делают первые дрожащие шаги по знаменитой ледовой арене ЦСКА.

Новички, неумелыши, на тонких, совсем не спортивных ногах. Как же разглядеть в них будущее? Поэтому так серьезны и внимательны лица тех, кто принимает. А вдруг в самом деле пропустишь Третьяка! Вдруг не угадаешь в крохотуле с панамкой на голове будущего Харламова!

Нелегко сдавать экзамены, но нелегко и принимать их!

— Как тебя зовут? Саша Мальцев?!

А где-то у самого входа в хоккейное царство остались мамы. Снимок, который ты здесь видишь, сделан, конеч-

Хоккейные мамы и... папа.

Вылитый Владимир Петров... в молодости.

но, с улыбкой. Может быть, это и правильно, но, может, и не совсем. По крайней мере «патриарх всея хоккея», учитель всех нынешних армейских учителей Анатолий Владимирович Тарасов в одной из бесед с вожатыми, учителями и журналистами прямо говорил о том, что поддержка, внимание, интерес родителей очень важны для юного спортсмена.

«Очень хорошо, — сказал Анатолий Владимирович, —

— Не робей и слушай меня внимательно!

когда родители не только в принципе понимают, что мальчишке надо делать зарядку и соблюдать режим, но и точно знают, какие ему нужны упражнения, какая зарядка, какой режим!»

Вот, оказывается, теперь как, если, конечно, к делу относиться серьезно!

Еще несколько снимков мы сделали на тренировке юных армейцев, ребят, уже вполне приобщенных к хоккею, спорту. Посмотрите на их лица, движения. Сравните с лицами, движениями «желторотиков-абитуриентов». Кажется, дистанция между ними космическая, как от Земли до Марса. А на самом деле их разделяет всего несколько лет.

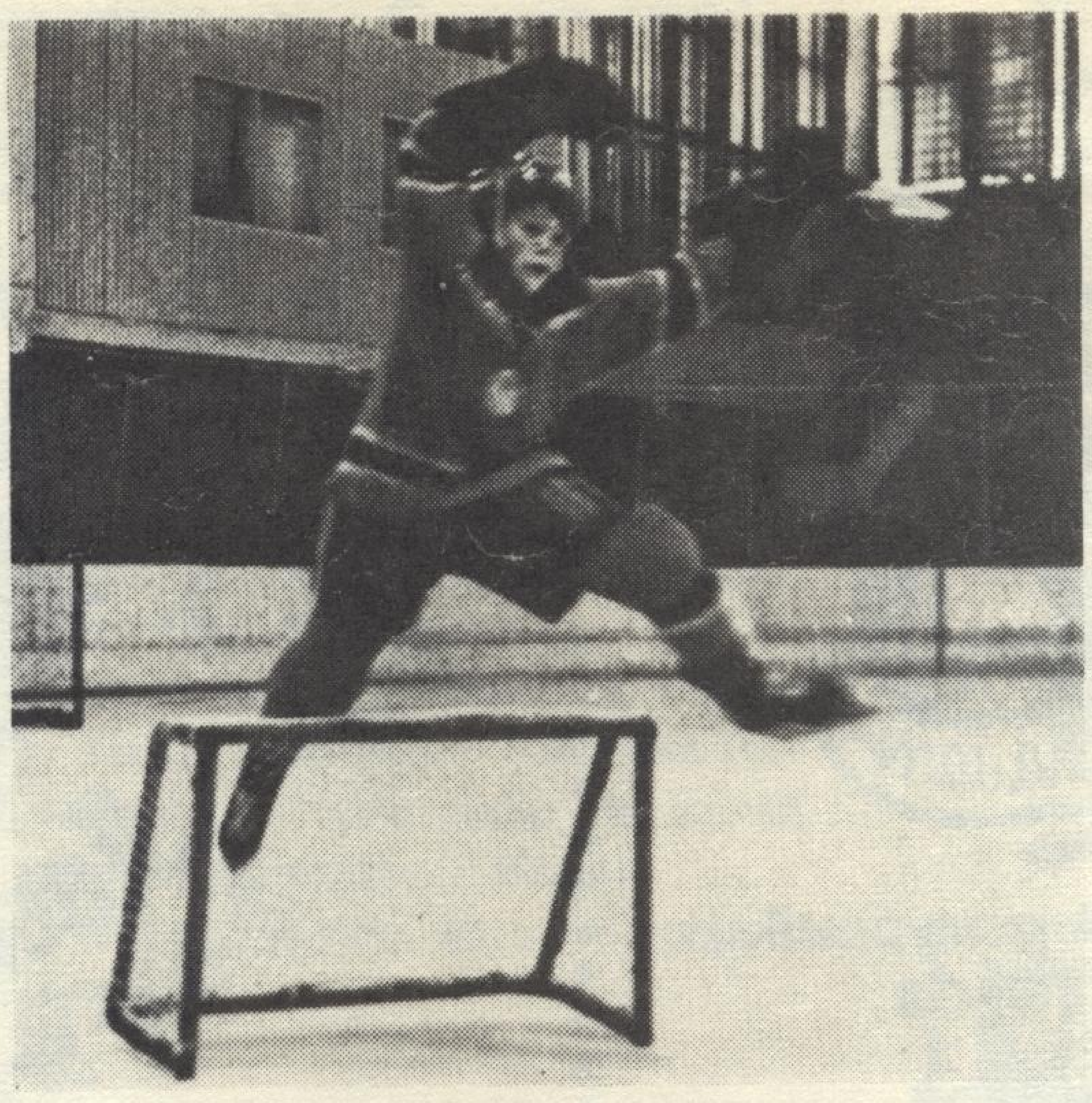
Эти умеют сражаться, умеют прижать соперника к борту, применить силовой прием, умеют, несмотря на боль, до последнего рваться к победе... Всего за несколько лет!

И беда тем, кто по лености своей не занимается, не стремится заниматься спортом.

Михайлов и Петров пришли сюда прямо с тренировки.

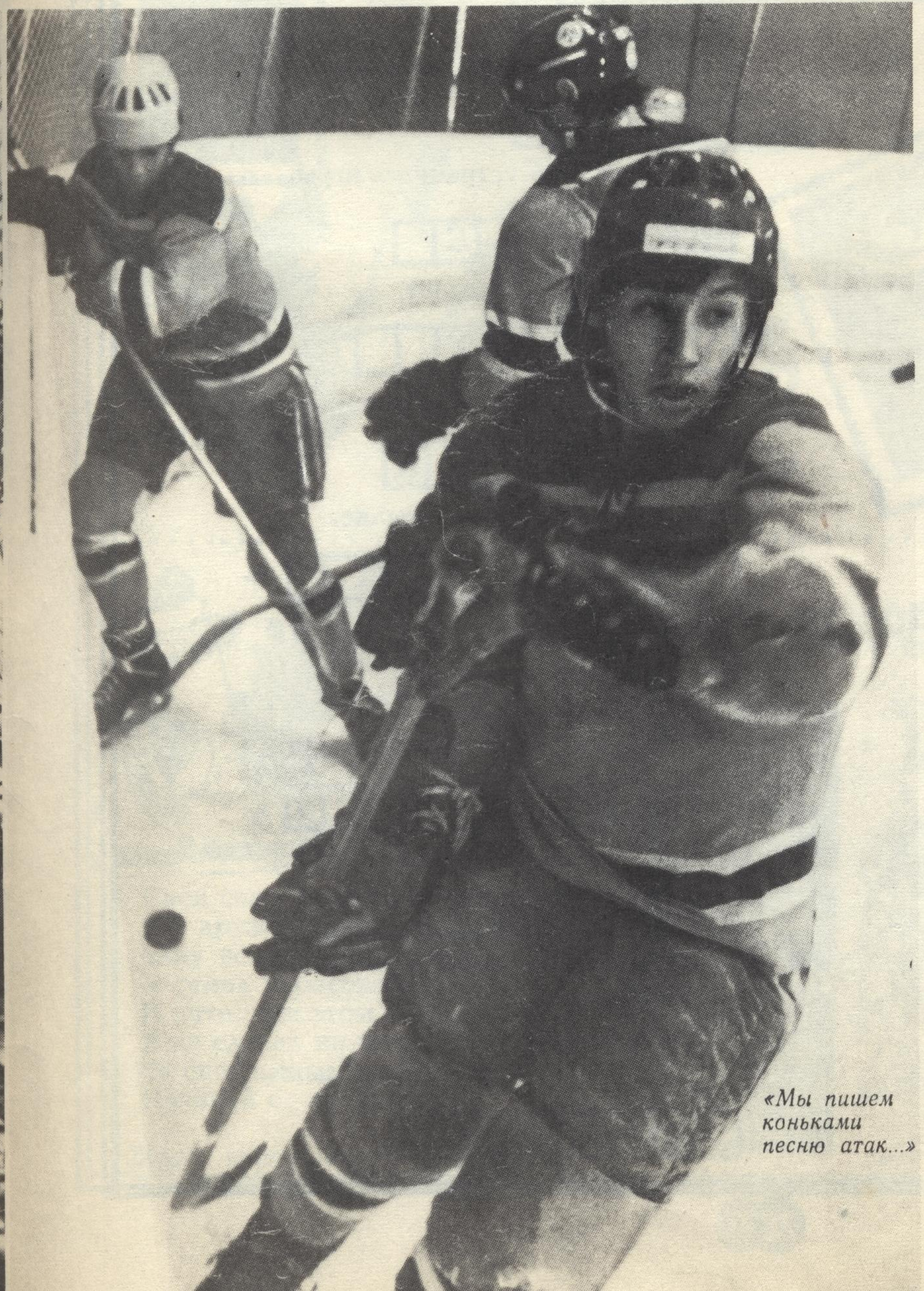
Спорт — особенно в наши дни — могучее средство для формирования личности. Целеустремленность, сила воли, смелость, честность, умение дружить, коллективизм — все эти и многие другие необходимейшие для человека качества у юного спортсмена обычно бывают развиты куда сильнее и полнее, чем у его сверстника, который любит долго спать и сладко кушать, кто прекрасные зимние воскресенья проводит, прилипнув к телевизионному экрану.

Я уж не говорю о малолетних курильщиках!.. Знаете



Упадет? Нет. Он же хоккеист!

Нелегко в ученье,
да легко в игре!



«Мы пишем коньками песню атак...»

ли вы, глупые люди, что получается с вами на деле: какая-то несчастная дрянная сигарета навсегда закрывает вам дорогу в спорт!

...Я не собираюсь утверждать, что ребята, которых вы видите на этих снимках, все непременно станут чемпионами мира. Это, естественно, невозможно. Да и не нужно.

Главное — спорт накрепко вошел в их жизнь!

Один мой знакомый шестиклассник в шутливой анкете «Кто я?», которую мы составляли друг для друга, написал так: «Могу 2 000 000 000 человек обогнать на дистанции 60 м, обыграть в футбол, хоккей, в настольный теннис, могу дальше всех их метнуть мяч».

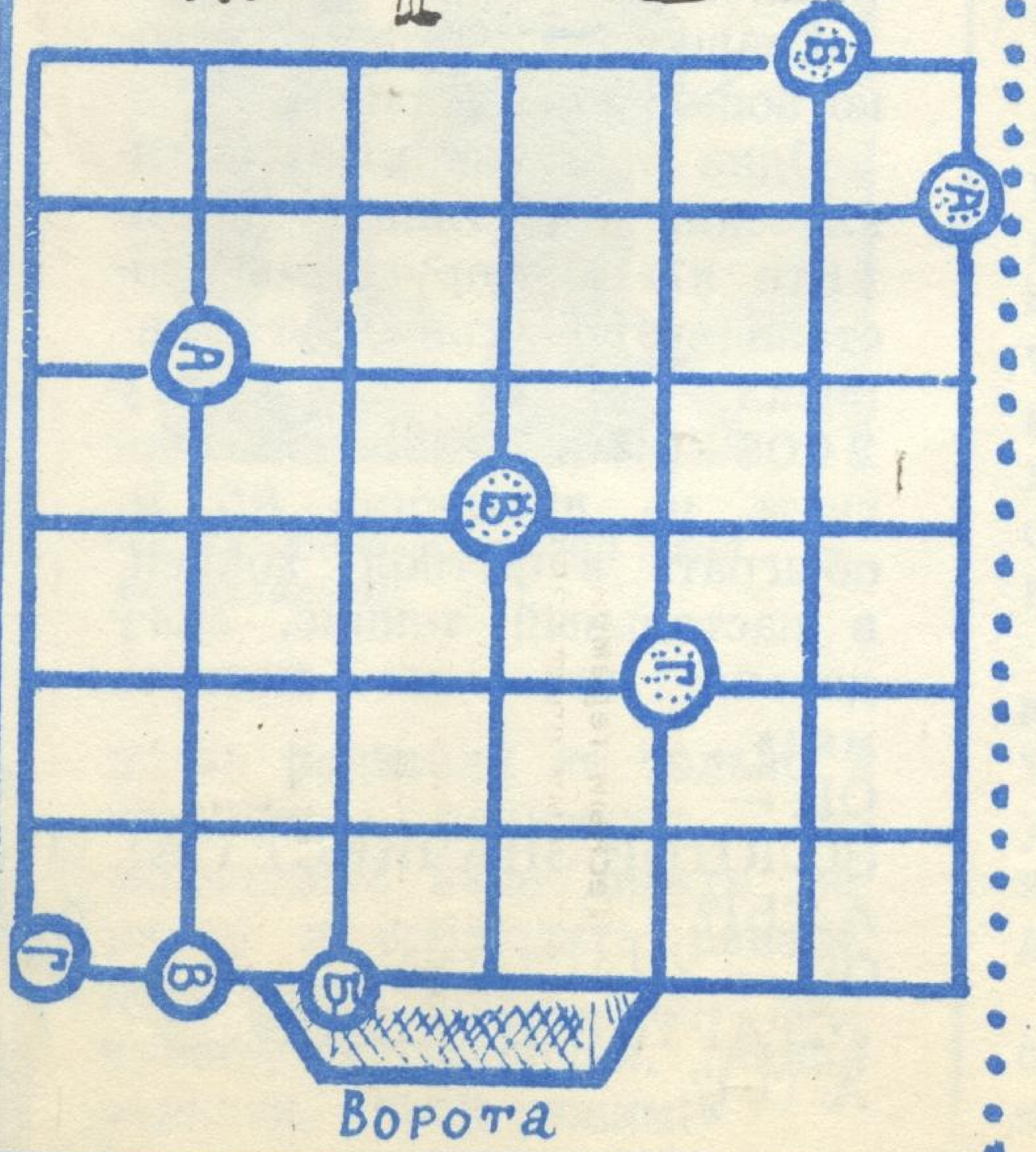
ОН —
ЗОЛОТОЙ ЗНАЧКИСТ ГТО.
А ТЫ?
ОН — УЧАСТНИК
«СТАРТОВ НАДЕЖД».
А ТЫ?

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Шайба!

Состоялась первая зимняя встреча между хоккейными командами «Тигр» и «Пантера». За тридцать секунд до конца второй половины игры четыре пантеровца находились в кружочках, отмеченных точками. Через десять секунд они были уже в белых кружочках, и игрок Б сильным ударом забросил шайбу в ворота «Тигра». Хоккеисты передвигались только по сторонам клеток, и проделанные ими пути нигде не совпадают и не пересекаются. Нарисуйте, как каждый игрок перемещался на хоккейном поле.



Игры деда Букводеда

Двенадцать ос

На этой осе в октябре позолота,

о с _ _ а

А эта растет на лугу у болота,

о с _ _ а

У этой на лапках зеленые иглы,

_ о с _ а

На этой опасно устраивать игры,

_ о с _ _ а _

Эта оса на луну улетает,

_ о с _ _ а _ _

Эта на солнце худеет и тает,

_ о с _ _ _ а

Эта оса продается в бутылке,

_ _ о с _ _ _ а _

Эта боится горчицы и вилки,

_ о с _ _ а

У этой автограф на память берут,

_ _ _ о _ _ _ _ с а

А эта всего лишь березовый прут,

_ _ о _ с _ _ _ а

С этою спит в колыбели малыш,

_ о с _ а

Эта по классу крадется, как мышь.

_ о _ с _ _ _ _ а

Игры Лупы и Пинцета

Что собирает Ниф?

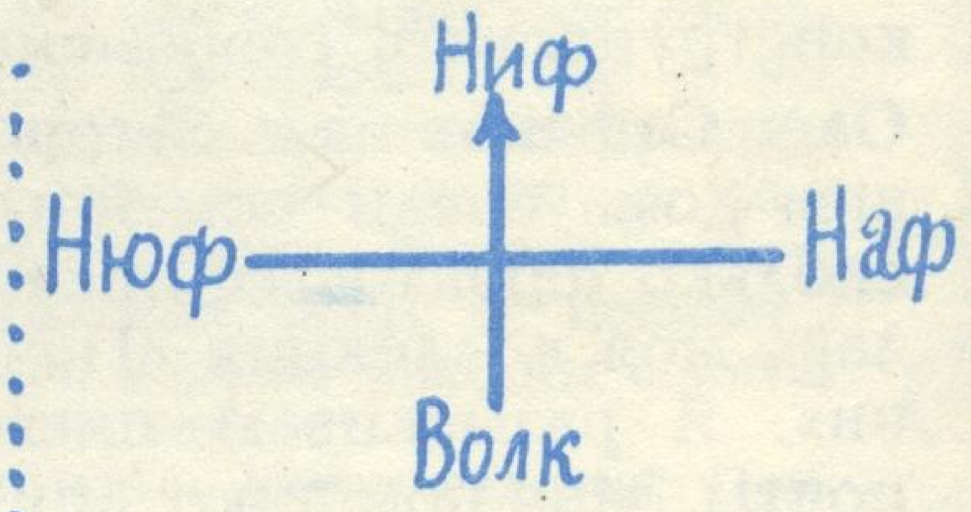
Ниф, Наф, Нюф и Серый Волк стали заядлыми филателистами. Волк собирает фауну. У каждого из поросят своя страсть: один коллекционирует флору, другой — спорт, третий — космос. Вся четверка собралась за столом в доме, который построил себе Волк.

Хозяин дома сидит слева от Нафа. Ниф уселся справа от собирателя космоса. Нюф — он сидит напротив Нафа — не интересуется спортивной тематикой. Не могли бы вы сказать, какие марки в кляссере у Нифа?

Живживка, для того чтобы ответить на этот вопрос, начертил вот такую таблицу:

	Фауна	Космос	Спорт	Флора
Волк	X			
Наф				
Ниф				
Нюф		X		

И вот такую схему:



Колючий секрет

Свой секрет тебе раскрою,
(От друзей зачем скрывать?)
Елку всю одной чертою
Я сумел нарисовать!
И учти, при этом дважды
Я не сделал ни штришка!
Не спеши и действуй так же!
Начинай от корешка!

Живживка

Ждем ваших ответов, ребята!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 12

Игры Деда Буквоеда

Тесный теремок

Под боротами спит заяц.

В этой задаче была еще одна загадка: кто из вас заметил, что лиса «съела» мягкий знак у гуся?

Сколько лет?

Льву — 10 лет,
Сове — 12 лет,
Дикобразу — 6 лет.
Итого — 28 лет.

СОБИРАТЕЛИ

Всем известно, как любят коллекционеры собираться вместе и без конца обсуждать свои проблемы. И в школьном коридоре, у окошка, и в парке на скамеечке...

И, конечно, когда в Артеке начала работать конференция юных филателистов, ребята тут же организовали в дружине «Янтарной» свой клуб. Вот что удалось нашему корреспонденту услышать в этом клубе.

Андрей Богданов из г. Зернограда. Когда собираешь марки, интереснее жить. Посмотришь на незнакомую марку, и сразу появляется желание узнать о ней все: чему посвящена, в какой стране напечатана...

Игорь Колтунов из г. Черкассы. В дальнее путешествие родители не отпустят, а с марками можно путешествовать, не выходя из дома. Рассматривая их, узнаешь о прекрасной и удивительной природе разных материков, о далеких странах и островах.

Маша Гостищева из г. Ленинграда. Если бы у меня не было коллекции марок, рассказывающих о животных, я бы никогда не заняла первое место на школьной олимпиаде по зоологии. Марки меня выручили. Ведь на них часто видишь таких зверей и птиц, которых в учебнике не встретишь. И по зоологии у меня всегда одни пятерки.

Витя Черный из села Родино, Алтайского края. Свои марки я приношу на уроки истории и географии. Это помогает и мне и ребятам из класса.

Айн Мульдмаа из г. Таллина. По-моему, коллекционирование марок помогает человеку понять, что же его все-таки интересует. Моя коллекция, например, называется «От собачьей упряжки до космических кораблей». Она рассказывает об истории транспорта. Я начал собирать ее еще в пятом классе. Но главное я понял, что мне хочется стать инженером и конструировать современный транспорт.

Олег Сафонов из г. Загорска. Однажды я нашел дома среди семейных фотографий несколько фронтовых писем. Тогда-то и началась моя коллекция «Почта военного времени». Я разыскиваю письма военно-полевой почты. Мне помогают друзья, соседи... А когда на нашей улице узнали, что моя коллекция поедет в Артек и ее увидит много ребят, то люди дарили мне самое дорогое — письма погибших.

Толя Панов из г. Томска. Нет ничего интереснее, чем собирать марки о своей земле. Я так и назвал коллекцию «Родной мой томский край». Она об истории Томской области, о ее природных богатствах, промышленности, людях.

Света Белова из г. Великие Луки. А моя коллекция называется «Пусть всегда будет солнце». В ней рассказывается о детстве и о мире.

Г. ФРОЛОВА

СОДЕРЖАНИЕ

Встречая Новый год.— Рисунки А. Борисова . . . II-я пол. обл., 1
Советский характер
Открывший космическую эпоху.— Очерк В. Губарева. Рисунки Ю. Бондаренко. Фотографии В. Постникова . . . 2
Малая пионерская энциклопедия.—Фотографии В. Постникова . . . 7
Октябрьская эстафета
Правофланговые.— И. Иванова. Рисунок П. Панченко 8
Барабанщики.— Рассказ Н. Соломко. Рисунки С. Трофимова . . . 10
Ученье — твой главный труд
Три, четыре, три...— И. Голубева. Рисунки Т. Ларионовой . . . 18
Всесоюзный штаб Тимура
Про октябренка Алешу.— Стихи В. Крапивина. Музыка А. Тушкова . . . 21
Рождается песня.— С. Цимбаленко. Рисунок С. Шехова . . . 21
Слушайте музыку Революции.— С. Богатырева . . . 23
Сами.— Стихи Н. Тихонова . . . 24
Филателистический конкурс «Великий Октябрь» . . 26
Международный пресс-центр «Пионера» . . . 28
Маршрутами десятой пятилетки
Люди и металл.— Очерк В. Арро. Рисунки О. Зуева 31
Что нам читать? . . . 36
Переменка.— Рисунки А. Вовиковой . 39, III-я пол. обл.
У нас в гостях журнал армянских пионеров — «Пионер»
Герб. Флаг.— Э. Звоницкий. Рисунки Ю. Родина . . 40
Наследники славных традиций.— Б. Саркисов. Фотографии А. Шпикалова и фотохроники ТАСС . . 42
В добрый путь.— А. Саинян . . . 45
Кораблик . . . 46
Эльхо.— Рассказ З. Балаяна. Рисунки П. Багина . . 48
Стихи.— С. Капутикян, Г. Эмина, А. Погосяна, В. Каренца, А. Саакяна, С. Мурадяна, Р. Давояна перевели с армянского Е. Евтушенко, Л. Дымов, П. Вегин, В. Коркин . . . 54, 58
Моя самая последняя игрушка.— Рассказ В. Петросяна. Рисунок А. Борисова. Перевод А. Тер-Акопян 56
Справедливый судья.— Сказка М. Корюна. Перевод Б. Гайкович. Рисунок Ю. Карповой . . . 59
Вести из дружин. Рассказы о ребятах.— К. Казорян, С. Данилян. Перевод А. Тер-Акопян . . . 60
Цирк на Луне.—Рассказ К. Симоняна. Перевод С. Авакян. Рисунки И. Красулина . . . 62
Жажда Красса.— Л. Григорян. Рисунки В. Костицина 64
Как кремень. Больной зуб. Черное пятнышко.— Маленькие рассказы В. Ананяна, Х. Гюльназаряна, В. Балаяна перевели А. Тер-Акопян, М. Мазманян, Р. Баблоян . . . 67, 69
Людская память.— Стихи А. Тер-Акопян. **В нашем саду.** Стихи. Г. Туманяна, перевели с армянского Е. Николаевская, И. Снегова . . . 68
Армянские пословицы, поговорки, загадки. Юмор 69
Викторина . . . 70
Встречи с Тремя Неизвестными . . . 72
Красная тетрадка.— Новый конкурс . . . 73
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович. Рисунки Н. Марковой . . . 74
Сильные, ловкие, смелые
Хоккей, первый шаг.— С. Иванов. Фотографии М. Доронина . . . 75
Ума палата.— Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой . . . 78
Собиратели.— Г. Фролова . . . 80
На обложке:
Новогодний карнавал.— Рисунок С. Острова

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (главный художник), **Л. С. СИМОНОВА** (зав. отделом школьно-пионерской жизни), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **С. ШЕХОВА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1977.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-37
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 26/X 1976 г. А 01015.
Подписано к печати 8/XII 1976 г. Формат 84×60 1/8
Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 33. Заказ № 2987.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Переменка Переменка Переменка

Своему корреспонденту Регине Дубовицкой «Переменка» дала задание: «Пора уже встретиться с Волком и Зайцем и взять у них интервью».

КОРРЕСПОНДЕНТ. Такое задание означало встретиться с Кларой Михайловной Румяновой (именно она озвучивает в мультфильмах «Ну, погоди!» знаменитого Зайца) и с Анатолием Дмитриевичем Папановым (озвучивает самого Волка). Несмотря на то, что артисты очень заняты — работа в театре, киносъемки, репетиции, мне все-таки удалось с ними встретиться. И самый первый вопрос, который я задала артистам, был такой: «Мой вопрос не оригинален, но что поделаешь, он и меня очень интересует. Скажите...»

ПАПАНОВ. Можете не продолжать: вопрос уже ясен! Вы хотите узнать, будут ли новые серии «Ну, погоди!»?! Верно?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Абсолютно! Ну так как же? Будут?

ПАПАНОВ. Будут, будут! Как раз сейчас мы работаем над десятой серией. Кстати, вы не ошиблись, когда сказали, что нам часто задают этот вопрос...

РУМЯНОВА. Честно говоря, когда рождался мультфильм «Ну, погоди!», или, как мы его ласково называем, «Нупогодишка», мы даже не подозревали, что он будет пользоваться такой популярностью...

ПАПАНОВ. Да, действительность превзошла все наши ожидания... Я тут недавно ехал на машине по улице Горького и допустил какое-то нарушение дорожных правил, а на свисток регулировщика не обратил внимания... И вдруг слышу на всю улицу в рупор: «Ну, Папанов, погоди!» Оказывается, работник Госавтоинспекции узнал меня и «достал» цитатой из «Нупогодишки»...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Клара Михайловна, а как вы пришли в мультипликацию?

РУМЯНОВА. В общем-то, не случайно! Я еще в детстве любила «похулиганить» голосом... Мне, конечно, тогда за это попадало... И поделом. Помню, например, мы с подружкой не выучили урок и очень боялись, что учительница нас спросит. И вот, чтобы как-то затянуть время, я залезла под парту и начала там мяукать и лаять, изображая голосом дерущихся кошку с собакой. В классе, естественно, поднялся шум, все бросились на поиски драчунов. А я так увлеклась, что забыла обо всем на свете. Опомнилась лишь тогда, когда вдруг услышала аплодисменты! Я вылезла из-под парты и увидела, что вокруг моего стола стоят все ученики во главе с нашей учительницей, смеются и аплодируют... Это были мои первые в жизни зрители и первые аплодисменты... Вот с тех пор все и началось: художественная самодеятельность, Всесоюзный институт кинематографии, работа в кино и в мультипликации... Кого я только не озвучивала в мультфильмах: и осликов, и мышат, и медвежат...

КОРРЕСПОНДЕНТ. И все же, Клара Михайловна, согласитесь, что самый большой успех выпал на долю вашего зайчонка из «Ну, погоди!». Его одинаково любят и взрослые и дети!

ПАПАНОВ. Причем, заметьте, его не только любят, но и защищают с оружием в руках!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Простите, Анатолий Дмитриевич, но ваше последнее утверждение не совсем понятно...

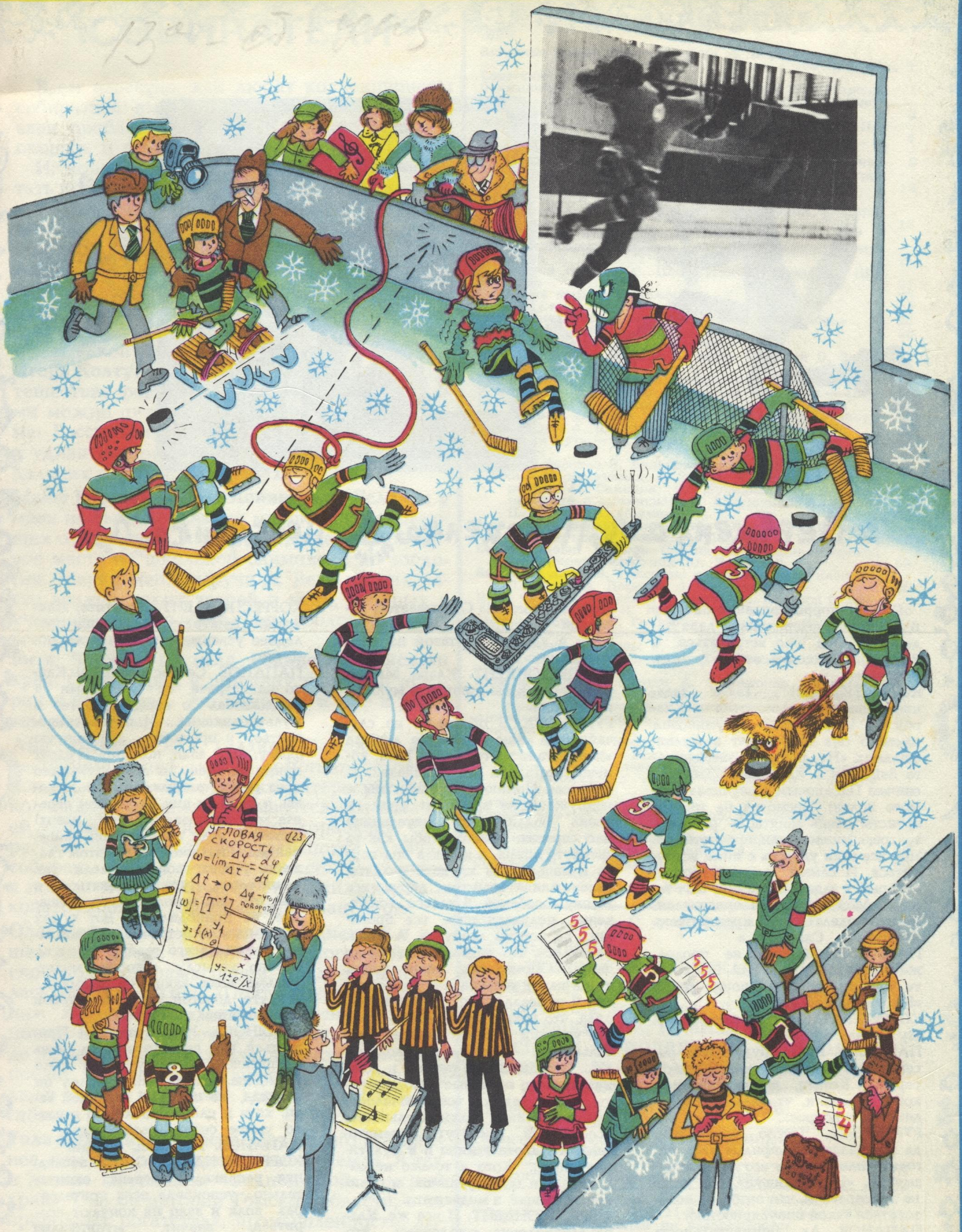
ПАПАНОВ. Сейчас объясню! Както на встрече со зрителями я рассказывал о своей работе в мультипликации... И на свое несчастье, я произнес знаменитую фразу: «Ну, заяц, погоди!» И вдруг прямо на сцену из зала выбежало трое ребят, вооруженных рогатками, и один из них на полном серьезе мне приказал: «Руки вверх! Запомни: если ты догонишь зайца, найдем и накажем!» При этом глазенки у всех троих блестели так решительно, что сомневаться в том, что они исполнят свое обещание, не приходилось... Вот с тех пор я на всех встречах со зрителями прежде всего говорю о том, что по замыслу авторов мультфильма волк зайца не поймает... Так что, дорогой заяц, мы с тобой еще побегаем...

РУМЯНОВА. Ну, и отлично! Признаться, мне самой этот заяц очень симпатичен! К тому же я тоже убеждена, что в лапы к волку он никогда не попадет! Ведь мой заяц, хотя и слабее волка, но гораздо умнее серого разбойника!

ПАПАНОВ. Ну, заяц, погоди!

КОРРЕСПОНДЕНТ. О, эта последняя реплика, я уверена, окончательно успокоила всех зрителей: раз волк и заяц не кончают ссориться, значит, мультфильм «НУ, ПОГОДИ!» БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ!

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» «Пионера» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА.
Рисунки А. ВОВИКОВОЙ



Это хоккей! Самая современная, самая азартная, самая смелая игра в мире.

В настоящем хоккее — почти как на рисунке Евгения Шабельника — каждую секунду происходит разом сто событий. Свистит шайба, навстречу ей бросается игрок. Еще один летит вверх тормашками, пойманный на прием ловким защитником. Еще один выписывает такой пируэт — ни одному фигуристу не снилось!

Хоккей — огонь, жаркое дыхание и... лед под коньками!

Но знайте: хоккей не только азарт и быстрый бег. Хоккей куда больше — быстрый ум, хладнокровие, расчет, помноженные на мужество и благородство.

И последнее: хоккей не терпит посредственностей, троечников — ни в классе, ни на площадке!

Цена 25 коп.
Индекс 70694